

Н. РЕРИХ

ЗАЖИГАЙТЕ СЕРДЦА

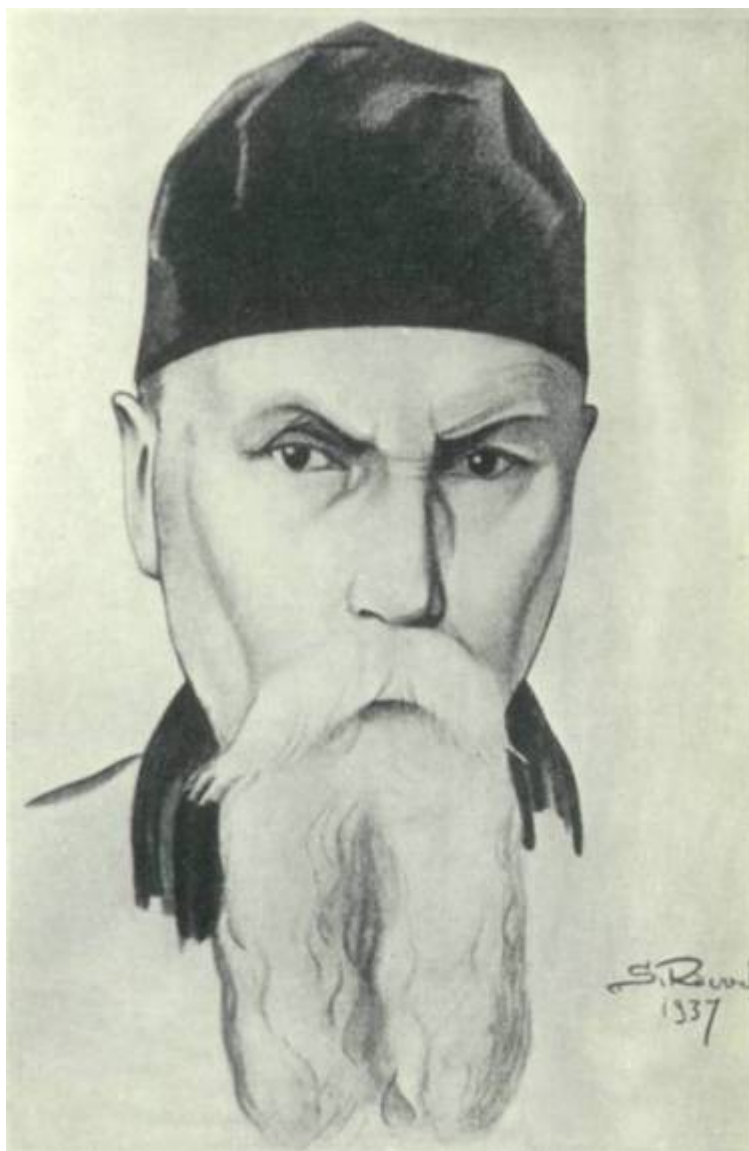
МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1990

Рерих Н. К.

Зажигайте сердца / Сост. И. Богданова; Вступ. ст., предисл. к главам и примеч. А. Д. Алехина; Рис. автора. – 3-е изд., переработ. – М.: Мол. гвардия. 1990. – 190[2] с., ил.

Замечательный русский художник Николай Константинович Рерих был известным общественным деятелем, ученым, писателем. Сборник содержит его очерки о культуре и искусстве, о Родине, выступления, в которых художник обращается к молодежи. Часть этих материалов в нашей стране публикуется впервые.

ISBN 5-235-00719-0

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах – мы будем оборонять... И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном.

А. Перин

3-е издание, переработанное

Вступительная статья, предисловия
к главам и примечания
А. Д. Алехина

В оформлении книги использованы
рисунки Н. К. РЕРИХА

На титуле: «Камень несущая»
(Держательница мира), 1933 г.

Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.
Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.
Издательство «Молодая гвардия», 1990 г.,
предисловие, иллюстрации, оформление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	4
ТРУД, ПОДВИГ, КРАСОТА.....	7
ГЛАВА	ПЕРВАЯ
САМОЕ ПЕРВОЕ.....	14
САМОЕ ПЕРВОЕ.....	17
ПОЛВЕКА.....	18
РАДОСТЬ.....	19
ОТЕЦ.....	20
ДЕДУШКА.....	21
АКАДЕМИЯ.....	23
УНИВЕРСИТЕТ.....	23
КУИНДЖИ.....	24
КОРМОН.....	25
ЛАДА.....	25
МЫСЛЬ.....	26
ПУТИ.....	27
ДЕТСКАЯ СКАЗКА.....	28
СТРАХИ.....	31
СТАРИННЫЙ СОВЕТ.....	31
ГЛАВА	ВТОРАЯ
ЧАША НЕОТПИТАЯ.....	33
ЧАША НЕОТПИТАЯ.....	35
К ПРИРОДЕ.....	37
ВСЕНАРОДНОЕ.....	42
ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ.....	43
МОЗАИКА.....	44
НЕПОВТОРИМОЕ.....	45
ФЛОРА.....	47
РУССКАЯ ИКОНА.....	49
НЕ СЧИТАЙ.....	49
НЕ ЗАКРОЙ.....	50
ЗАХОЧЕШЬ.....	50
ПРИ ВСЕХ.....	51
ЛЮБОВЬ.....	52
ГЛАВА	ТРЕТЬЯ
БЕССТРАШИЕ.....	53
БЕССТРАШИЕ.....	55
CREDO.....	56
ЗАПАДНИ.....	57
ХУДОЖНИКИ ЖИЗНИ.....	58
БЕРЕЖЛИВОСТЬ.....	59
НАРОД.....	61
УРУСВАТИ.....	62
МУЖЕСТВО.....	63
СВОБОДА ПОЗНАНИЯ.....	64
ГЕРОИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ.....	65
ВПЕРЕД.....	65
ВЗЛЕТЫ.....	66
ГЛАВА	ЧЕТВЕРТАЯ
СЕЯТЕЛИ.....	68
СЕЯТЕЛИ.....	70

ТВОРЧЕСТВО.....	72
МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ.....	75
ВРУБЕЛЬ.....	78
СЕРОВ.....	80
СУРИКОВ.....	81
ЧУРЛЕНИС.....	81
ГОРЬКИЙ.....	84
ТОЛСТОЙ И ТАГОР.....	86
ЮОН И ПЕТРОВ-ВОДКИН.....	88
ПЕРВОПЕЧАТНИК ФЕДОРОВ.....	92
МУСОРГСКИЙ.....	93
ПАНДИТДЖИ.....	94
СКРЯБИН.....	95
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ.....	96
РЕПИН.....	97
СВЯТОСЛАВ.....	98

ГЛАВА **ПЯТАЯ** **ОБОРОНА РОДИНЫ.....100**

ОБОРОНА.....	101
РУССКИЙ ЯЗЫК.....	102
ДРУЗЬЯМ-ХУДОЖНИКАМ.....	103
НЕ ЗАМАЙ!.....	104
ВЕЛИКОМУ НАРОДУ РУССКОМУ.....	105
КРАСНЫЙ ФЛАГ.....	106
ПЕРВОЕ МАЯ.....	106
ОБОРОНА РОДИНЫ.....	107
В ГРОЗЕ И МОЛНИИ.....	108
ПО ЗАСЛУГАМ.....	109
ПОДВИГ.....	110
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА.....	111
О БУДУЩЕМ.....	111
СЛАВА.....	112
«ОГОНЬ – НА МЕНЯ!».....	113
«НОВЫЙ МИР».....	113
В МОСКВУ.....	114
ПОБЕДА.....	114
ДРУЗЬЯМ.....	115

ГЛАВА **ШЕШТАЯ** **ЗВУЧАНИЕ НАРОДОВ.....116**

РОССИЯ.....	118
ИНДИЯ.....	119
МОНГОЛИЯ.....	120
ЛИТВА.....	121
ЛАТВИЯ.....	122
ЭСТОНИЯ.....	123
ГИМАЛАИ.....	124
АРКА.....	126
УКРАИНА.....	127
ДРУЖЕСТВО.....	128
РУСЬ – ИНДИЯ.....	129
СИЛА НАРОДА.....	130

ГЛАВА **СЕДЬМАЯ** **ДРУЗЬЯМ ЗНАМЕНИ МИРА.....131**

КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ.....	133
ЗНАМЯ.....	134
БУДЕМ БЕРЕЖЛИВЫ.....	135
ОХРАНИТЕ!.....	136
КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ.....	137
ЗНАМЯ МИРА.....	137

ДОЗОР.....	138
ДРУЗЬЯМ ЗНАМЕНИ МИРА.....	139

ГЛАВА	ВОСЬМАЯ
--------------	----------------

БУДУЩЕЕ! ЗДРАВСТВУЙ.....	141
МОЛОДЕЖЬ.....	143
ЖЕЛАННЫЙ ТРУД.....	145
ОБЩЕЕ ДЕЛО.....	146
ВПЕРЕД.....	146
РЕАЛИЗМ.....	147
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.....	148
МОЛОДОМУ ДРУГУ.....	149
«ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО».....	149
ЛЮБИТЕ КНИГУ.....	150
СОКРОВИЩЕ ДОМА.....	152
ПОРАДУЕМСЯ.....	153

ТРУД, ПОДВИГ, КРАСОТА

Предисловие к третьему изданию

Минуло почти полтора десятилетия со времени первого издания этой книги. Но она не только не устарела, а стала еще актуальней – словно Николай Константинович знал заранее о жгучих проблемах сегодняшнего дня.

Обращаясь к молодежи, он часто повторял: «Не знающий прошлого не может думать о будущем». Прошрое – огромный опыт человечества, накопленный за сотни и тысячи лет, памятники искусства и культуры со времен каменного века, коллективная мудрость, заключенная в манускриптах, свитках, рукописных и печатных книгах. Если в отроческие годы не прикоснулся к наследию далекого и недавнего прошлого, не осознал, что молодость – это динамика, поиск, самосовершенствование, то рискуешь оказаться на обочине жизни. Недаром Рерих говорил, что могут быть дряхлые юноши и молодые старики.

Художника жгуче волновали вопросы воспитания и образования детей, подростков, юношества. По натуре он был наставником, учителем, и это дало направление всем граням его деятельности.

Николай Константинович поражает широтой мышления, энциклопедичностью знаний, творческим диапазоном, разнообразием интересов. Во многих областях искусства, культуры, общественной жизни он был пионером.

Первым из художников Рерих утвердил жизненность древнерусского искусства. Он исходил из него в самой сущности своего творчества. Вжился в дух, понял смысл, увидел главное и по-своему продолжил его традиции.

Первым из художников Рерих дал новую разновидность и пейзажа, и исторического жанра – исторический пейзаж.

Первым из художников Рерих по-новому – масштабно, убедительно, ярко – воспел красоту древнерусского зодчества.

Огромный вклад внес в развитие монументально-декоративной живописи. Его росписи, панно, мозаики, полные величия, возрождают традиции древнерусского монументального искусства.

Рерих довел до совершенства технику темперы. В отличие от многих живописцев он придавал огромное значение технологии приготовления красок и грунтов; но не в этом главное: Рерих показал неисчерпаемые возможности темперы как средства создания художественного образа, замечательного материала для пейзажной и любой другой живописи.

Никто до Рериха не ставил перед собой задачи средствами личного творчества – сотнями картин, этюдов, рисунков, статей, речей, лекций, книг – раскрыть другим народам величие и совершенство русского национального искусства.

Персонажи картин Рериха полны достоинства, спокойствия, самоутверждения. Людей, нищих духом или приносящих зло, среди них редко можно увидеть. Наоборот, герои Рериха строят, совершенствуют ум философскими размышлениями, участвуют в поэтических обрядах, обороняют Отчизну.

Не минутное, преходящее влечет Рериха, а величественное и вечно прекрасное. Отсюда и форма его монументальных произведений, пренебрежение мелкими подробностями, тяготение ко всему прочному, вечному. Статичность и устойчивость характерны даже для тех произведений, в которых художник показывает движущиеся массы, предметы и живые существа: облака, реки, ладьи, людей, зверей.

В картинах Рериха напряженный, глубоко насыщенный, словно на ощупь осязаемый цвет соединяется с графичностью, четкостью силуэта, чеканностью линий. Композиция поражает безупречностью, ясностью, согласованностью всех элементов. Цвет локален и чист. Художник стремится не к пленэру, не к запечатлению едва уловимых явлений природы, а к передаче устойчивого настроения, достижению образности с помощью

контрастов тона и цвета, средствами воздушной и особенно линейной перспективы.

Пейзажи Рериха призваны нести людям радость, расширять их горизонты, вести к размышлениям и дерзаниям – цель, обусловленная философскими взглядами художника, его отношением к миру, постоянно обновляющемуся, эволюционирующему, и к человеческой жизни, неотделимой от жизни природы. Так, запечатлевая горы, художник утверждал, что «хотя бы мысленное приобщение к торжественному величию будет укрепляющим средством», что если путник «узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется ими, и в одном этом стремлении он уже укрепитя, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении».

Смысл творчества Рериха – создание красоты, пропаганда красоты, воспитание красотой. Изобразительными, педагогическими и всеми другими средствами он прививал соотечественникам любовь к родной истории и культуре, природе и искусству, ибо без этой любви красота не может войти в душу.

Красота же в его понимании должна быть действенной, то есть побуждать к творческому труду, к созданию новых ценностей и новой красоты.

Рерих посвятил значительную часть своего творчества историческому жанру. Даже написанные им на склоне жизни величественные пейзажи тоже по-своему исторические: показывают природу, какой она была и тысячи лет назад. Но художник никогда не был ретроспективистом. не искал в прошлом убежища от проблем современности. Наоборот – все помыслы устремлял к настоящему и будущему.

Не было до Рериха художника, который столь плодотворно и масштабно содействовал бы международному культурному сотрудничеству, прежде всего – укреплению тесной дружбы между СССР и Индией. В том, что ныне проводятся фестивали национальной культуры: индийского в СССР, советского – в Индии, длящиеся много месяцев и охватывающие сотни городов обеих стран, есть и большая доля участия Николая Константиновича.

Рерих – пионер в деле защиты произведений искусства: зодчества, живописи, народного творчества. В самом конце прошлого века поднялся на борьбу за сохранение, реставрацию, пропаганду национальных сокровищ, рассматривая их не только как художественную и материальную ценность, но и как активное средство культурного и патриотического воспитания.

Николай Рерих в мастерской Извары 1895 г.

«Учась у камней упорству, несмотря на всякие недоброжелательства, – писал Николай Константинович, – я твержу о красоте народного достояния. Твержу в самых различных изданиях, перед самую разнообразную публику». Он призывал молодежь в «кружки ревнителей старины», чтобы охрана и реставрация памятников приобрели характер «национального творческого движения, которым так сильна всегда культурная страна». Молодое поколение, повторял он, с первых школьных лет необходимо воспитывать с «благородными идеями о сохранении ценностей человечества».

Рассматривая искусство и культуру как воплощение высших достижений человечества, Рерих не мыслил без них дальнейшего продвижения вперед. Поэтому, полагал он, необходима надежная охрана культурных ценностей. В течение многих лет художник работает в содружестве с деятелями различных областей искусства и науки над созданием пакта по защите культурных ценностей, который в дальнейшем стали называть Пактом Рериха.

Несомненно, он был идеалистичен, полагая, что искусство способно стать ведущим общественно-воспитательным средством, основной силой в строительстве нового гармонического общества, «первым двигателем всей жизни». Однако от переоценки миссии искусства, конечных результатов его воздействия на общество все сделанное Рерихом ничуть не теряет ценности. Наоборот, вера в то, что сознание красоты спасет мир, лишь помогало ему во всех начинаниях, умножало энергию.

Будучи необычайно многогранной личностью, человеком беспредельной гуманности, доброты, бескорыстия, Рерих обладал многими удивительными способностями. И самая главная из них – умение работать над собой. В постоянном стремлении поделиться всем лучшим с другими Николай Константинович высказал много ярких, живых, мудрых мыслей. Эти мысли – не плод кабинетных раздумий, а результат огромного каждодневного труда.

Поражает работоспособность Рериха. Он одновременно учился в Академии художеств и университете, успевал – помимо живописи, графики, декоративно-прикладного искусства – серьезно заниматься археологией, писать статьи, рассказы, сказки и стихи, вести напряженную общественную работу, путешествовать с научными целями, преподавать.

Другой пример для молодежи – отношение Рериха к учителям. До конца своих дней он сохранил горячую любовь и благодарность к наставникам: В. В. Стасову, И. Е. Репину, А. И. Куинджи. Тема учителя проходит лейтмотивом через все его творчество.

Рерих был человеком с рано сложившимися взглядами и убеждениями. Интересны многие его советы. В 1900 году он писал брату: «Надо учиться распределять время – все выдающиеся люди умели его распределять».

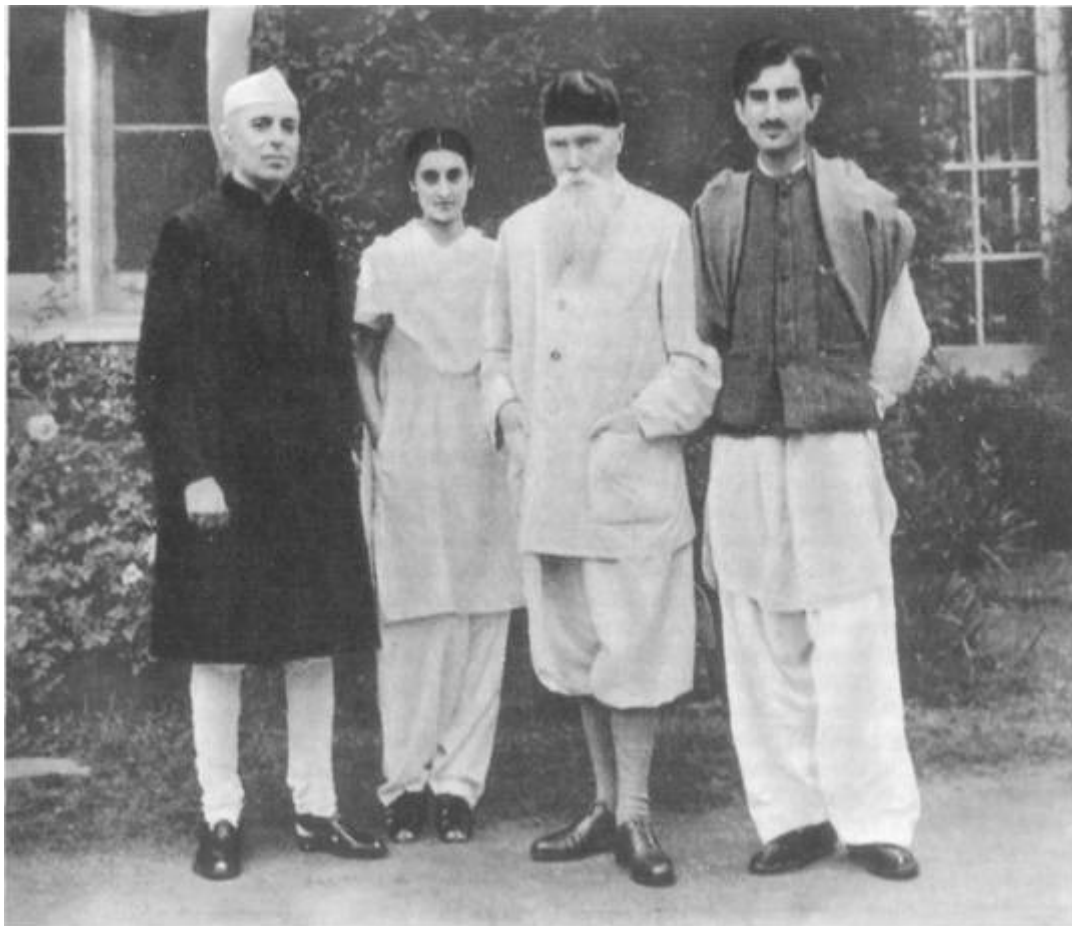
Учиться распределять время. Один из секретов решения Рерихом самых сложных творческих задач, к какой бы области искусства, науки, общественной деятельности они ни относились, – в умении организовывать свой рабочий день. На склоне лет художник обращался к молодым коллегам:

«Работайте каждый день. Непременно каждый день что-то должно быть сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет удачен для творчества. Другой – для технических выполнений. Третий – для эскизов. Четвертый – для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное, чтобы родник его не иссякал...»

Великую роль в деле воспитания доброты, духовного здоровья Рерих отводил природе, утверждая, что даже непродолжительное общение с нею облагораживает и освящает. Природа не только совершенствует художественный вкус, но дает образцы лучших украшений. Вдохновит и поддержит в трудную минуту. «Будьте проще и любите природу!» – повторяет Николай Константинович.

Он призывал учиться с ранних лет приносить радость окружающим: «Дайте радость и кому-то вам неведомому. Дать радость – это как увидеть восход солнца».

Хороши намерения, если подкрепляются действием – сознательным, целенаправленным трудом. «Веселей любите труд... Будьте всегда самим собою. Поймите, что в творчестве нашем и отдых, и обновление, и радость».

Джавахарлал Неру, Индира Ганди. Н. К. Рерих. Кулу. Май, 1942 г.

Закономерен приход Рериха к педагогической деятельности. В 1906 году Николай Константинович возглавил школу Общества поощрения художеств. Хотя она готовила главным образом специалистов для художественной промышленности, новый директор вводит в число дисциплин хоровое пение и мечтает «обогащать программу введением и музыки», имея в виду «своеобычность» художественных дарований. Постепенно школа становится не только самым народным, но и самым большим средним художественным учебным заведением России. Чтобы в ней могли заниматься все желающие, Рерих организует сеть пригородных отделений. «Каждое дело может жить лишь постоянным развитием», – писал он в «Записке директора» от 16 сентября 1913 года.

Воспитывать художественный вкус, оберегать и развивать творческую индивидуальность и национальные особенности учеников, неустанно расширять и углублять их кругозор в сочетании с последовательным обучением изобразительной грамоте, формировать высокие нравственные качества – вот принципы, которыми руководствовался Рерих.

Он и педагогов подобрал замечательных – А. А. Рылова, И. Я. Билибина, А. В. Щусева, В. А. Шуко, Д. Н. Кардовского, Н. С. Самокиша. Аркадий Александрович Рылов вспоминал: «С Рерихом было приятно работать: все делалось по-товарищески, главное – чувствовалась живая струя свежего воздуха. Школа не стояла на месте, каждый год открывались новые классы или новые художественно-промышленные мастерские, увеличивался состав преподавателей приглашением выдающихся художников».

В наши дни традиции школы Общества поощрения художеств продолжает Ленинградское художественное училище.

Рерих был оптимистом. Верил в молодежь, в ее созидательную силу. Часто говорил: «Если всегда и во всем именно молодое поколение будет привлекаться к действительному сотрудничеству, то легче всего образуется живая связь с будущим». Писал из Индии на Родину: «С особым вниманием и радостью мы следим за молодежью. Их сердца бьются особо и ново. Ведь они будут строить новый мир».

«Истинный реализм отображает сущность вещей. Для подлинного творчества реализм есть исходное восхождение. Иначе всякие паранойные тупики не дают возможности новых нарастаний. Без движения не будет и обновления, но новизна должна быть здоровой, бодрой, строительной.

Н. К. Рерих в экспедиции Улан-Батор 1927 г.

Упаси от абстрактных закоулков. Холодно жить в абстрактных домах...» Различные сюрреалисты, футуристы и многочисленные другие последователи различных «измов» уже в силу принадлежности к тому или иному направлению или течению заключают себя, по мнению Рериха, «в заколдованный круг всяких запрещений».

Своим искусством Рерих утверждал: лучший и вернейший путь к интернациональному – через национальное. Следование художественным традициям своей страны не означает пренебрежение искусством других стран и народов, наоборот, – приводит к разнообразию форм творчества, а тем самым – к обогащению мировой культуры. Хотя Рерих вдохновлялся древнерусской живописью, народным творчеством, на него благотворно воздействовали произведения итальянца Беноццо Гоццоли, француза Пюви де Шаванна, финна Аксели Галлена-Каллелы. В свою очередь, достижения Рериха использовали американец Р. Кент, мексиканец Х. Ороско, болгарин Б. Георгиев, эстонец Н. Трийк, многие другие представители различных национальных школ.

Литературное наследие художника и художественное наследие писателя. По отношению к Рериху оба эти определения почти эквивалентны. Высочайшая одаренность в одной области подкреплялась и дополнялась другой. Статьи, рассказы, притчи, сказки, листы дневника Рериха окрашены особым видением природы, человека, мира, вселенной. А картины, рисунки, монументальные произведения обогащены литературным талантом.

Он очень любил мозаику. Писал: «Мозаика всегда была одним из любимых моих материалов. Ни в чем не выразить монументальность так твердо, как в мозаичных наборах... Мозаика стоит как осколок вечности. В конце концов, и вся наша жизнь является своего рода мозаикой. Не будем думать, что можно сложить повествование или жизнеописание, которое не было бы мозаичным. Не только мозаична целая жизнь, не только мозаичен год жизни, но и день жизни уже состоит из мозаики... Лучшие литературные произведения носят на себе признаки мозаики, и сила их в монументальном запечатлении и сведении воедино всех деталей».

Слова Рериха приложимы и к его «листам дневника». Когда их читаешь, постепенно открывается эпическая панорама. Она рассказывает о бесконечно многом: о Родине и подвижничестве, преодолении косности, невежества, о бесстрашном познании жизни. О «сеятелях» – людях, создающих прекрасное. Об Отчизне и ее обороне. О «звучании народов» и охране культурного достояния человечества, о молодежи.

Есть у Рериха увлекательные, изумительные по слогу, глубокие по смыслу статьи. Скорее не статьи, а небывалые по жанру повествования. Такие, как «Радость искусству», где вдохновенно, поэтически взволнованно, но вместе с тем глубоко научно он рисует картину эволюции искусства: «Не будем слишком долго говорить о том, почему мы сейчас почти разучились радоваться искусству... Теперь мы должны посмотреть, когда именно бывала радость искусства и на наших землях. Для будущего строительства эти старые вехи сделаются опять нужными».

Памятник Н. К. Рериху в Кулу.

Печататься Рерих начал еще в конце прошлого века. Главным образом это были «листы дневника» или «записные листки», посвященные многим и поныне животрепещущим вопросам – образованию молодежи и бережное отношение к природе, устройство выставок и сохранение памятников отечественной истории и культуры. Писал он ясно, образно, но в то

же время документально точно, с указанием конкретных фактов. Гражданин в самом высоком, не расхожем смысле этого слова, Рерих всегда был тверд и бескомпромиссен в отстаивании своих убеждений, доказывая их правоту конкретными делами.

Находясь в 1926 году в Синцзяне и будучи на краю гибели, Николай Константинович пишет завещание, в котором говорилось: «Настоящим завещаю все мое имущество, картины, литературные права... в пожизненное пользование жене моей Елене Ивановне Рерих. После же нее все указанное имущество завещаю Всесоюзной Коммунистической партии. Единственная просьба, чтобы предметам искусства было дано должное место, соответствующее высоким задачам коммунизма».

В последующие годы, до самой своей кончины Н. К. Рерих многократно подтверждал, что эти слова – не минутный порыв. Подарил и завещал Родине более пятисот картин. Живя в Америке и Индии, сделал все, чтобы помочь соотечественникам (он не принял иностранного подданства) в борьбе с голодом и разрухой, в битве с фашистскими захватчиками. Публиковал в журналах и газетах патриотические статьи, рассказывающие об СССР, о России: «Подвиг», «Горький», «Толстой и Тагор», «Пушкин», «Русская женщина», «Крылья победы», «Слава» и другие. По инициативе Николая Константиновича в Индии начинает издаваться журнал «Новости Советского Союза». Уже тогда, в 1942 году, Н. К. Рерих вместе с Джавахарлалом Неру намечают планы создания Индо-Русской культурной ассоциации.

И в живописи Рериха лейтмотивом проходит тема патриотизма, прославления и обороны Родины. Это полотна: «Сергий-строитель», «Партизаны», «Настасья Микулична», «Земля славянская», «Александр Невский», «Богатыри проснулись»...

В книге собрана лишь малая часть литературного наследия Н. К. Рериха. Тем не менее предлагаемые «листы дневника» достаточно полно отображают основные идеи художника, его устремления, заветы – то главное, с чем он обращался прежде всего к молодежи. Название книги, ее глав – подлинные слова Н. К. Рериха. В каждой главе собраны листы, объединенные одной темой. Книга включает и «Детскую сказку», написанную девятнадцатилетним выпускником гимназии, и его обращение «Друзьям» от 18 октября 1947 года. Это последний в жизни художника – шестьсот шестидесятый лист дневника, им кончается его подборка «Моя жизнь. Памятки. Письма», начатая в 1937 году листами «Жизнь» и «Самое первое».

Почти все картины, воспроизводимые в книге, принадлежат Государственному музею искусства народов Востока и входят в его постоянную экспозицию. В музее создан мемориальный кабинет Н. К. Рериха.

В конце 1989 года в нашей стране образован фонд Рерихов. В Москве будет открыт культурный Центр-музей Н. К. Рериха.

А. Д. АЛЕХИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САМОЕ ПЕРВОЕ

Юрий ГАГАРИН, космонавт. Из бортжурнала. 12 апреля 1961 года

Лучи просвечивали через земную атмосферу, горизонт стал ярко-оранжевым, постепенно переходящим во все цвета радуги: к голубому, синему, фиолетовому, черному. Неопиcуемая цветовая гамма! Как на полотнах художника Николая Рериха.

Леонид ЛЕОНОВ, писатель

В особенности люблю раннего Рериха, – он для меня как бы полное сладостных и пророческих видений окно детства – собственно моего и моего народа. И всегда были близки мне его мысли и мечтания о свободном от зла и непогоды, светлом и чистом человечестве, – но еще ближе его страх утратить некое вечное сокровище, которое мы постепенно, незаметно и запросто разучиваемся ценить.

Дмитрий БЛОХИНЦЕВ, академик

Живопись Н. Рериха «неканоническая». Но искусство не ремесло. Оно не признает канонов. Искусство есть открытие – видение мира, не всеми обнаруживаемое.

Н. Рерих открыл людям красоту подвига и красоту гор. Кто видел наш Памир или Тибет, тот понимает, насколько реальны фантастические полотна Рериха. В них есть и другая сверхважная черта – они мудры. Они настойчиво напоминают нам, что суета не лучшая форма жизни.

Николай Константинович Рерих* родился 27 сентября (9 октября) 1874 года в Петербурге. Его отец, Константин Федорович, был известным нотариусом, прогрессивным общественным деятелем, принимавшим участие в подготовке реформы по освобождению крестьян; состоял членом Вольно-экономического общества, возглавлял петербургское Общество имени Тараса Шевченко. Мать художника, Мария Васильевна, урожденная Калашникова, была коренной псковитянкой. Род Рерихов древнескандинавский, обосновавшийся в России при Петре I.

Лучшие детские и юношеские воспоминания Рериха связаны с поместьем отца Изварой** под Петербургом, в сорока верстах от Гатчины. Здесь будущий художник приобщился к природе, которая, как он сам признавался, заменяла ему все. Глубокая и нежная любовь к рощам и лесным озерам, сумрачным оврагам и залитым солнцем холмам, к облакам и звездам определила характер и направление творчества Рериха.

Атмосфера родительского дома была для развития мальчика благоприятна: богатая библиотека, стремление родителей приобщить детей к естественным наукам, истории, литературе, музыке, встречи с Д. Менделеевым, монголооведами А. Позднеевым и К. Голстунским, юристом и историком К. Кавелиным и многими другими известными современниками.

Первым на художественную одаренность мальчика обратил внимание друг семьи Рерихов известный скульптор и график М. О. Микешин. Он же, по сути дела, стал и первым его учителем. Однако Рерих-старший видел в сыне будущего юриста, а не художника и рассчитывал со временем передать ему свою нотариальную контору.

Мальчиком рано завладела романтика старины. Этому способствовало чтение книг о Ледовом побоище, Куликовской битве, про изгоя Ростислава, Сергея Радонежского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова... Они поведали Рериху о героической истории народа и заложили глубокую основу его любви к родному прошлому.

С малых лет приобщился он к театру. Сохранились программы пьес, поставленных на гимназической сцене, в которых играл Рерих: Жевакина в «Женитьбе» Н. Гоголя, Васю, племянника Смурова, в «Утре молодого помещика» А. Островского, и других. Столь же рано вошла в жизнь Рериха музыка, которую он тонко чувствовал и понимал: позже он даже собирал народные песни. Все это оказало большое влияние на его творчество.

Рериху было десять лет, когда в Извару приехал известный археолог Л. Ивановский для проведения исследований в ее богатых историческим прошлым окрестностях. Ученый брал мальчика на раскопки, которые произвели на него огромное впечатление. Археология навсегда стала для Рериха источником творческого вдохновения, средством проникновения сквозь «вековой туман в тридесатое царство». Он участвовал в раскопке множества курганов и древних городищ в разных местах России, сопровождая исследования массовыми опросами крестьян, изучением местных обычаев, преданий, поверий и обобщая богатейшие материалы в книгах, статьях, лекциях. На склоне лет художник писал: «Какая это живая, нужная для всех соображений наука – археология».

В 1883 году Рерих успешно выдержал экзамены в одну из лучших частных гимназий Петербурга – гимназию фон Мая. К. И. Май был опытным педагогом, любовью к географии Рерих во многом обязан был ему. До шестого класса Рерих проходил весь школьный курс на немецком языке. Вместе с ним учились будущие известные художники А. Бенуа и К. Сомов.

Окончив в 1893 году гимназию, Рерих поступает сразу в два высших учебных заведения – Академию художеств и в университет. Отец настоял на юридическом факультете, хотя юноше был гораздо желаннее исторический; однако лишь при этом условии ему разрешили держать экзамены и в Академию художеств.

Время поступления в академию оказалось удачным: именно в 1883 году главную роль в старейшем учебном заведении России стали играть художники-передвижники. Рерин возглавил мастерскую исторической живописи. А. Куинджи – пейзажной, А. Кившенко – батальной, В. Маковский – жанровой. В состав членов академии вошли также В. Суриков, В. Поленов, В. Васнецов, М. Антокольский, В. Беклемишев. Теперь студенты могли

* Рерих – по-древнескандинавски богатый (Rich) славой (go).

** Извара – от индийск. «ишвара» – «милость богов» Заимствовано прежним хозяином имения графом Воронцовым во время его путешествия по Индии. По другой версии «iso» – по-фински «большой», «vaaga» – «гора», то есть «большая гора».

выбирать себе руководителей по своим вкусам и наклонностям.

Здесь, в Академии художеств, нашел себе Рерих «учителя не только живописи, но всей жизни» – Архипа Ивановича Куинджи.

Всего три года преподавал Куинджи в академии. За эти три года его школу прошли будущие замечательные художники – Н. Рерих, А. Рылов, К. Богаевский, В. Пурвит, Ф. Руциц, А. Борисов, И. Химона, Я. Латри и другие.

Что же было характерным для школы Куинджи? Подлинное творчество, считал учитель, немыслимо без яркой индивидуальности. Поэтому развитие и оберегание творческой индивидуальности учеников было для Куинджи постоянной заботой.

Обучение творчеству под руководством Куинджи основывалось на самом пристальном и кропотливом изучении природы. Однако учитель протестовал против непосредственного использования во время работы над картиной написанных с натуры этюдов: для картины, по его убеждению, годилось только то, что запечатлелось в памяти.

Искусство и жизнь Куинджи рассматривал как одно целое. Он не мог себе представить, чтобы среди художников были люди непорядочные или пассивные и чтобы искусство не было народным и общедоступным.

Ученики Куинджи стремятся выразить свое отношение к изображаемому широко, масштабно, энергично. Открытые, звучные тона, уверенное письмо отличают творческую манеру многих из них, так же как и склонность к эпическому показу природы.

Поразительна эволюция творчества Рериха за время учебы в академии – от совсем ученических рисунков и этюдов до дипломной картины «Гонец. Восстал род на род».

С благодарностью вспоминал Рерих и другого своего учителя – французского художника Фернана Кормона, известного своими монументальными картинами на исторические темы. «У вас, в России, так много прекрасного и характерного, и ваш долг, русских художников, почувствовать и сохранить это», – говорил Кормон Рериху, крепко запомнившему его наказ. Это было в 1900–1901 годах в Париже, по возвращении из которого Рерих выступил с полотнами «Заморские гости» и «Идолы», ставшими вскоре популярными.

Художественные особенности этих картин, выразительных по композиции, лаконичных по рисунку, декоративных по цвету, крепко связаны с народным искусством, с национальными традициями русской живописи. Они стали первыми произведениями, в которых так ясно определились основные черты творческой манеры зрелого Рериха.

Осенью 1901 года произошло в жизни Рериха знаменательное событие: его женой стала Елена Ивановна Шапошникова, правнучка полководца М. И. Кутузова, двоюродная племянница композитора М. П. Мусоргского. Ладой – ласковым древнерусским словом, означающим «милая», «любезная», звал ее Николай Константинович. Елена Ивановна была не только его верным другом и помощником, но в какой-то степени соавтором многих работ: вместе они намечали новые темы, обсуждали начатые художником полотна.

В творчестве Рериха изобразительное искусство и литература нерасторжимы, они часто объясняют и дополняют друг друга. Он написал множество стихов, сказок, притч, очерков, фельетонов, статей. Его так называемые «листы дневника» – колоритные по слогу, образные и лаконичные повествования, в совокупности составляющие как бы одно большое мозаичное произведение, цельное и законченное.

Тяга к литературному творчеству проявилась у Рериха очень рано, в детские годы. Став известным художником, он продолжал выступать и как писатель. Первое время он по несколько раз перерабатывал черновики рукописей; с годами стал писать сразу набело, редко потом изменяя написанный текст. И это не потому, что стал к себе менее требовательным: Рерих заранее вынашивал, продумывал до деталей будущее произведение – как литературное, так и художественное; он обладал замечательной памятью и, начиная работать, видел внутренним взором свое будущее произведение уже завершенным.

САМОЕ ПЕРВОЕ

На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати белых парусах.

Тонким голоском пелась старинная петровская песня. А кто пел? Того не помню. Вернее всего, Марья Ильинишна, старушка, «гаванская чиновница», приходившая из Галерной гавани посидеть с больным, сказку сказать и о хозяйстве потолковать.

Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста. Наискось было новое Адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили прямо нам в окна. Весело гремели салюты, и клубились белые облачки дыма. На набережной стоял памятник адмиралу Крузенштерну. Много плавал, открыл новые земли. Запомнилось о новых землях.

А вот и первое сочинение – песня: «Садат бадат огинись азад. Ом коську диют, тебе апку дудут». Дядя Коркунов за такое сочинительство подарил золотые папочные латы. Двух лет не было, а памятки связались с Изварою, с лесистым помещьем около станции Волосово, в сорока верстах от Гатчины.

Все особенное, все милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре. Название от индусского слова «Исвара». Во времена Екатерины неподалеку жил какой-то индусский раджа.

Дом изварский старый, стены, как крепостные, – небось и посейчас стоит. Все в нем было милое. В прихожей пахло яблоками. В зале висели копии голландских картин в николаевских рамах. Большие угольные диваны красного бархата. Столовая ясеневая. Высокий стенной буфет. За окнами старые ели. Для гостей одна комната зеленая, другая – голубая. Но это неважно, а вот важно приехать в Извару. Шуршат колеса ландо по гравии. Вот и белые столбы ворот. Четверка бежит бойко. Вот-то было славно! Желанка, Красавчик, Принц и Николаевна. Кучер Селифан. Деревни – Волосово, Захонье, Заполье – там даже в сухое время лужи непролазные. От большой дороги сворот в Извару.

Ландо шуршит по гравии мимо рабочего двора, среди аллей парка. А там радость. За березами и жимолостью забелел дом. И все-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы.

Нужно сразу все обежать. Со времен екатерининских амбар стоит недалеко от дома – длинный, желтый, с белыми колонками. Должно быть, зерно верно хранится подле хозяйского глаза. По прямой аллее надо бежать к озеру. Ключи не замерзают зимою. Дымятся, парят среди снегов. Вода светлая и ледяная. Дикие утки и гуси тут же у берега. На

берегу озера молочная, из дикого камня – очень красиво, вроде крепостной стены. Такой же старинной постройки и длинный скотный двор. Быки на цепях. К ним ходить не позволено. Такие же длинные конюшни. За ними белое гумно, картофельные погреба. Один из них сгорел. Остались валы – отлично для игры в крепость.

После города первый обход самый занятный. Все опять ново. Назавтра опять станет хотя и милым, но обычным. А в первый день – все особенное. Новые жеребята, новые щенки, новый ручной волк. Надо навестить Ваську и Мишку – малышей вроде шотландских пони. Их потом подарили казенному лесничему, а ведь они считались моими.

Вот бы припомнить самое первое! Самое раннее! Тоже из самого раннего: старинная картина – гора при закате. Потом оказалось не что иное, как Канченджунга¹. Откуда? Как попала? В книге Ходсона² была подобная гравюра. Картина с гравюры или гравюра с картины? Были кой-какие старинные вещи, но их как-то не ценили. В те годы отличную мебель выбрасывали на чердак и заменяли мягкой бесформенностью.

Вот бы вспомнить что-нибудь самое первое! Самое раннее! Вспомнишь и то и другое, но все это не самое первейшее.

*Лист дневника № 2
1937 г.*

ПОЛВЕКА

Си-Шань в утренних лучах розовеет за окнами. Так же розовел, и лиловел, и синел далекий Кунь-Лунь из Хотана³. Перед вечером на уступах белеют какие-то строения, не иначе, как монастыри. Отнимите от Пекина это горное обрамление, и многое потеряется.

Си-Шань – западные горы, за ними Монголия. Вспоминаю, как впервые слышал о ней. В детстве, в книгах о Чингисхане, в географии четвертого класса гимназии и дома, когда собирались у нас Голстунский, Позднеев и другие монголисты и восточники. Говорили и о Бадмаеве⁴.

В гимназии К. И. Мая чертили карты Азии. Желтой краской отмечали пески и Гоби. Боком мягкого карандаша наносили хребты Алтая, Тарбагатая, Алтын-Тага, Кунь-Луня... Белили ледники гималайские.

От школьных лет в гимназии Мая осталось несколько памятков. Были предметы из первых курганных раскопок вблизи нашего поместья Извара. Был портрет директора К. И. Мая и рельефная карта. Была программа торжественного спектакля с портретом Гоголя. Гоголь часто ставился на ученических спектаклях и всегда был мне близок. Именно не реализм Гоголя, но его высокая духовность и тонкая потусторонность особенно увлекали. В те же области уводили и встречи с «дидом» Мордовцевым⁵ и с Мякишевым, и учреждение Общества имени Тараса Шевченко, и постановка картин кавказских и украинских – все это разнообразно сближало с мастерством Гоголя. Были эскизы, посвященные Хмельницкому, и «Страшной мести», и «Майской ночи».

К тому же увлекательному миру приводили и уроки географии К. И. Мая. Не только чертились богато расцвеченные картины, но и лепились цветными пластилинами рельефные изображения со всеми, так милыми нам горами. Поощрялись большие размеры и новые комбинации запоминаемых раскрасок. По правде говоря, такая внушительность изображения была очень увлекательна. На праздниках устраивались географические шествия, сопровождаемые самодельными стихами. Помню, как Бенуа изображал желтый Хуан-Хэ, а блондин Калин – голубой Янь-цзыцзян. Мне доставалась Волга...

Самые первые мои курганные находки не только совпали с любимыми уроками истории, но в воспоминаниях близко лежат и к географии, и к гоголевской исторической фантастике. Много очарования было в непосредственном прикосновении к предметам

¹ **Канченджунга** – одна из высочайших вершин Гималаев (8585 метров).

² **«В книге Ходсона»** – Брайн Ходсон (1800 –1894) – британский резидент в Катманду (Непал), один из основоположников изучения северного буддизма (Махаяна).

³ **Хотан** – юрод в Северо-Восточном Китае, на юге пустыни Такла-Макан.

⁴ **Бадмаев** – Бадмаев Петр Александрович – врач, известный исследователь тибетской медицины.

⁵ **Мордовцев** – Мордовцев Даниил Лукич (1830–1905) – русский писатель и историк. Автор исторических романов и повестей. В молодости был близок к Н. Г. Чернышевскому.

большой древности. Много непередаваемой словами прелести заключалось в бронзовых позеленелых браслетах, фибулах, перстнях, в заржавелых мечах и боевых топорах, полных трепета веков давних... Около курганов сплетались старинные легенды. Ночью там проходить страшились. Увлекательно молчали курганные поля, обугрившиеся сотнями насыпей.

Как будто от разных областей звучат курганные находки, или географические карты, или яркие образцы творчества Гоголя. Но проходят десятилетия; через полвека вспоминаются эти будто бы различные предметы в одном общем укладе.

Именно они своими убедительными зовами сложили многие возможности.

Недаром опытный географ предлагал не только заучивать названия, но именно запечатлеть иероглифы Земли и линиями, и красками, и рельефами. В этом делании пробуждалась и любовь, и внимательность, и соизмеримость земных начертаний. Художество вносилось в эти прикасания к Земле. А там, где знание будет сочетаться с искусством, – там остается особенная убедительность.

Также спасибо вам, изварские курганы. Еще недавно напомнились мне изображения их в трудах Спицына¹. Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикасание, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности. Никакое книжное изучение, никакие воспроизведения не дадут ту благодетельно зажигающую искру, которая зарождается от первых непосредственных прикасаний. Это не сентиментальность, не самоубеждение, ибо живет очарование старинных предметов, украшенных и замечательных в форме и соотношениях. Когда же предметы эти особенно близки с теми историческими обликами, которые как-то самосильно вошли и поселились в сознании, тогда все становится еще ближе и неотрывно убедительнее.

1937 г.

РАДОСТЬ

Одна из первых радостей была в музыке. Приходил к нам старенький слепой настройщик. Приводила его внучка. После настройки рояля он всегда что-нибудь играл. Рояль был хороший – «Блютнер» с надписью Лешетицкого. Слепой настройщик, должно быть, был отличным музыкантом, и игра его запомнилась.

Бывало, ждешь не дожدهшься, когда кончится настройка. Как бы не помешал кто долгожданной игре. Гостиная была голубая, на стене – Канченджунга. Теперь знаю, что именно эта любимая гора была в розовом закате. Слепой играл что-то очень хорошее. Было удивительно, что слепой играет...

¹ «... в трудах Спицына...» – Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – археолог, принимал активное участие с 1891 года в работе Археологической комиссии, поднимая значение славяно-русской археологии. Был крупнейшим знатоком древностей бронзового века, волжско-камских и славянских. Составил картотеку археологических памятников, находящихся на территории СССР. Одним из первых начал осуществлять соединение археологии и истории.

Гонец 1897 г.

Потом «Руслан и Людмила» и «Жизнь за царя»¹ в Большом театре. Балеты «Роксана», «Баядерка», «Дочь фараона», «Корсар»... Казалось, что музыканты играют по золотым нотам. Приходил «Господин с палочкой». Была забота, чтобы все в ложе скорей сели по местам. «Господин с палочкой пришел!» – так тревожно заявлялось в аванложу в боязни, что запоздают и начнут двигать стульями и говорить, а там уже волшебным образом играют по золотым листам. На занавесе была погоня фавна за амурами. Со стороны фавна неприятно было сидеть в литерной ложе. Лучше всего, когда ложа оказывалась в середине...

Итальянская опера нравилась меньше. Мазини², Патти³ не поражали. «Риголетто», «Травиата», «Лючия»⁴ – что-то в них было чуждое. «Аида» и «Африканка» были ближе. Хор африканцев, певших почему-то о Бrame и Вишну, был подобран на рояле. Впрочем, играть днем рядом с кабинетом отца не разрешалось.

Уже много позднее открылся новый путь – Беляевские концерты, Римский-Корсаков – «Снегурочка». Далеко прослышалось имя Мусоргского, дяди Елены Ивановны⁵.

С первого приезда Вагнеровского цикла мы были абонентами. Страшно вспомнить, что люди, считавшиеся культурными, гремели против и считали Вагнера какофонией. Очевидно, каждое великое достижение должно пройти через горнило отрицания и глумления.

*Лист дневника № 4
1937 г*

ОТЕЦ

Говорят: «Если хотите найти сведения о художнике, менее всего расспрашивайте его родственников».

Действительно, о своих люди менее всего знают. Что мы знали об отце? Мало что знали. Мельком слышали, что он работал по освобождению крестьян. Был членом Вольно-экономического общества.

Знали, что друзьями его были Кавелин, Костомаров, Микешин, Мордовцев, Менделеев, Андреевский... Знали, что, кроме юридической работы, он писал драматические вещи. Но где они? Помню манускрипт одной драмы: он был писан мягким карандашом и стерся до неудобочитаемости.

¹ «Жизнь за царя» – так по настоянию царского двора была переименована опера М. И. Глинки «Иван Сусанин».

² **Мазини** – Мазини Анджело (1844–1926) – итальянский певец (тенор). Неоднократно гастролировал в России.

³ **Патти** – Патти Аделина (1843–1919) – итальянская оперная певица (колоратурное сопрано). Неоднократно гастролировала в России.

⁴ «**Лючия**» – опера Гаэтано Доницетти (1797–1848) «Лючия де Ламермур». Написана в 1835 году.

⁵ «... дядя Елены Ивановны...» – имеется в виду М. П. Мусоргский.

Был членом сельскохозяйственного клуба. Устроил в Изваре дорогую сельскохозяйственную школу, но не захотел дать неизбежную взятку, и школу прикрыли за левизну. Хотел устроить орошение крестьянских лугов шлюзами. Их растащили. Машины и локомобиль спалили. Ни за что.

Помню волокиту с управляющими. Каких только не было! Один поляк, праздная свои именины, сжег скирды хлеба. Другой – немец с отличными белыми бакенами – увез машины и угнал скот. Стал переезжать из уезда в уезд и еще потребовал выкуп. Третий заколол перед пасхою всех телят и объяснил, что они мерли от неизвестной болезни... Чего только не было... Со времен Павла шел с казною процесс о строевом лесе, неправильно отмежеванном...

Урывками слышали мы о делах, но внутренний облик отца оставался несказанным. Знали, что люди весьма ценили его юридические советы, доверяли ему. Помогал он в деле Добровольного флота.

Не любил лечиться отец. Уже давно врачи требовали отдых. Но он не знал жизни без работы. Просили его не курить или уменьшить курение, ибо грозило отравление никотином, но он отвечал: «Курить – умереть, и не курить – умереть»... Много было недосказанного. Наверно, были какие-то разочарования. Друзья поумирали раньше, а новые не подошли. Были какие-то рухнувшие построения. Лучшие мечты не исполнились. Мало кто, а может быть, и никто не знал, чем болело сердце.

*Лист дневника № 5
1937 г.*

ДЕДУШКА

«Пойдем к дедушке».

Бежит веселая детвора вниз по лестнице. Минуем диванную и угловую. Пробегаем библиотекой по тонкоскрипучему полу.

Старый Федор впускает в высокую темную дверь дедушкина кабинета.

Все у дедушки особенное.

Нравятся нам кресла с драконами. Вот бы нам такие в детскую! Хороши у дедушки часы с длинной музыкой. В шкафах с разноцветными стеклами книги с золотыми корешками. Висят черные картины. Одна, кажется нам, давно висит вверх ногами, но дедушка не любит, чтобы у него что-либо трогали.

Много приятных вещей у дедушки. Красный стол можно вывернуть на десять фигур. Можно перебрать цветные чубуки в высокой стойке. Можно потрогать масонские знаки (не дает надевать) и ширмы со смешными фигурами. А когда дедушка бывает добрый и нога у него не болит, он откроет правый ящик стола. Тут уж без конца всяких занятных вещей.

А сам-то дедушка какой миленький! Беленький, беленький! В «гусарском» халатике.

Полюбили мы бегать к дедушке после всяких занятий. Рады мы дедушке.

Другое.

Славяне на Днепре. 1905 г.

«Дедушка к себе велят идти».

Сердитый дедушка. Высокий, серый такой, колючий. Не угадать по нему сделать. Все-то он лучше всех знает. Все, что было при нем, лучше всего. Все должно быть так, а не иначе. Ругает и все что-то требует.

«Иван, скажи дедушке, что мы гулять ушли».

Вернемся, – там и обедать пора. Лучше завтра к нему ходим.

Все равно ругать будет.

Все хорошо, пока люб нам дедов кабинет. Пока дед для нас милый и белый.

Но когда серый, жесткий дед заслонит нашу живую жизнь, крепкую только будущим, – тогда плохо. Тогда пропал дедов кабинет. Как бы его потихоньку и не нарушили опять.

О почитании старины я говорил больше других, но и боюсь за него.

Когда окружится старины всеобщим признанием. Когда укрепится старины всякими строгими запретами. Когда из милой, даже гонимой, старины возвеличится и властно потребует покорности, – тогда неугомонное, бурливое будущее может дать сильный отпор. После спасения старины и умиления ею как бы не почувствовалось утомление и – чего бог упаси – не усомнились бы в будущем современного творчества.

Покуда дед – не запрет и отрицание, а благоуханная минута милой мудрой старины, до тех пор мы бежим к нему. Но как только около дедова кабинета раздадутся запрещения, отрицания, угрозы, тогда как бы молодое не ушло гулять. Скажут: нам будущее дороже. Еще недавно мы могли кричать: «Грех, смертный грех прикоснуться к дедову кабинету! Грех переставить там но своему неразумению! Грех не стремиться в милый кабинет белого мудрого деда!»

И правда, теперь около старины, во славу ее, жизнь наполняется запретами и угрозами. Так в новых законах о сохранении старины предусмотрены всякие кары за нарушение старины, но нет никакой награды за заботу о ней.

Конечно, и грозить иногда приходится, но строить какую-либо жизнь на запретах и угрозах нельзя; и я чувствую, что, смотря на будущее, пора сказать:

«Пусть дедов кабинет останется самым милым, самым любимым местом в доме. Пусть дед не стесняет молодую жизнь. Пусть в лучшие минуты мы стремимся к деду. Пусть дедовы законы лягут в основу, но лишь в основу, строения будущего».

Летом лишний раз о мудрой старине подумайте.

АКАДЕМИЯ

Сколько чувств будило здание академии! Музей, скульптуры, темные коридоры, а там где-то внутри и школа, связанная со многими любимыми именами... Удастся ли попасть туда?

Летом 1893 года работа с И. И. Кудриным в Музее академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. «Не увлекитесь тушевкой, – учит Кудрин, – главное покажите, как строите».

На экзамене голова Антиноя. Сделал что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: «Не в этом – так в будущем году». – «Неужели провал?» – «В списке нет вас». Но тут же стоит швейцар академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно усовещивает Новаренко: «Чего смущаете? Раньше, чем говорить, прочли бы список». Принят, и даже хорошо!!

Головной класс – профессора Лаврецкий и Пожалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залеман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричит: «У вас Аполлон-то француз, – ноги больно перетопили!»

В натурном – Виллевальде, всегда в форменном фраке, всех хвалящий. Помню, как один расхваленный им академист получил на экзамене четвертый разряд. Пошел жаловаться: «Как же так, профессор, – вы так хвалили?» – «Ну что ж, у других еще лучше было». За эскиз «Плач Ярославны» я получил первый разряд. Тогда же эскизы «Святополк Окаянный», «Пскович», «Избушка пустынная», «На границе дикий человек», «Пушкاري», «Вече»...

Старая академия кончилась. Пришли новые профессора. Встала задача: к кому попасть – к Репину или к Куинджи?

Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: «Пойдем лучше к Куинджи». Пошли. Посмотрел сурово: «Принесите работы». Жили мы близко – против Николаевского моста, – сейчас и притащили все, что было. Смотрел, молчал... Что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: «Это вот они в мастерскую ходить будут».

Только и всего. Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал – например, за «Поход», – а потом говорил: «Впрочем, не огорчайтесь, ведь пути искусства широки – и так можно!»

*Лист дневника № 8
1937 г.*

УНИВЕРСИТЕТ

Семейный гордиев узел был разрешен тем, что вместо исторического факультета я поступлю на юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию художеств. В конце концов получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов – Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего «Гонца», спрашивает: «На что вам римское право, ведь, наверно, к нему больше не вернетесь?» Был прав, но все же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский – как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачетное сочинение – «Правовое положение художников Древней Руси». Пригодилась и «Русская Правда», и летописи, и «Стоглав», и акты Археографической комиссии. В Древней, в самой Древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как ее хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения – научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в

члены Русского археологического общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П. А. Путятина я встретил Ладу – спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету сравнительно с Академией художеств уделялось все же меньше времени. Из студентов-юристов помню Серебrenицкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними в дальнейшем не пришлось. Были приглашения бывать на семинариях и в юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к Востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова, шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам – Белуха, Хан-Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет. Исторический, а не юридический факультет считал меня своим...

*Лист дневника № 7
1937 г.*

КУИНДЖИ

Куинджи скончался. Большой, сильный, правдивый Куинджи скончался...

«Куинджи – отныне это имя знаменито», – громко писали об Архипе Ивановиче, когда о нем высказались такие разнообразные люди, как Тургенев, Достоевский, Менделеев, Суворин, Петрушевский.

И с тех пор имя Куинджи не сходило с памяти.

Вся культурная Россия знала Куинджи.

Даже нападки делали это имя еще более значительным. Знают о Куинджи – о большом, самобытном художнике. Знают, как он после неслыханного успеха прекратил выставлять: работал для себя. Знают его как друга молодежи и печальника обездоленных. Знают его как славного мечтателя в стремлении объять великое и всех примирить, отдавшего все свое миллионное состояние. Знают, какими личными лишениями это состояние было составлено. Знают его как решительного заступника за все, в чем он был уверен и в честности чего он был убежден. Знают как строгого критика; и в глубине его часто резких суждений было искреннее желание успеха всему достойному. Помнят его громкую речь и смелые доводы, заставлявшие иногда бледнеть окружающих.

Знают жизнь этого удивительного мальчика из Мариуполя, только личными силами пробившего свой широкий путь. Знают, как из тридцати поступавших в академию один Куинджи не был принят. Знают, как Куинджи отказал Демидову, предложившему ему за 80 000 рублей повторить несколько картин. Еще жив слугитель Максим, получавший рубли, лишь бы пустил стать вне очереди толпы во время выставки картин Куинджи на Морской. С доброй улыбкой все вспоминают трогательную любовь Архипа Ивановича к птицам и животным.

Около имени Куинджи всегда было много таинственного. Верилось в особую силу этого человека. Слагались целые легенды.

Если некоторые друзья Куинджи пытаются обойтись теперь без прислуги, то Куинджи без всяких проповедей всю жизнь прожил со своей супругой Верою Леонтьевною без чьих бы то ни было услуг. С особым чувством каждый из нас, подходя к дверям, слышал рояль и скрипку в квартире, где жили «двое».

Вспоминаю, каким ближе всего чувствую я Архипа Ивановича после близкого общения пятнадцати лет.

Помню, как он принял меня в мастерскую свою. Помню его, будящего в два часа ночи, чтобы предупредить об опасности. Помню его, конфузливо дающего деньги, чтобы передать их разным беднякам и старикам. Помню его стремительные возвращения, чтобы дать совет, который он, уже спустясь с шести этажей, надумал. Помню его быстрые приезды, чтобы взглянуть, не слишком ли огорчила резкая его критика. Помню его верные суждения о лицах, с которыми он встречался.

О многом он знал гораздо больше, нежели они могли предполагать. Из двух-трех

фактов, с чуткостью подлинного творца, он определял цельные положения. «Я говорю не так, как есть, а так, как будет». Помню его милое прощающее слово: «Бедные они!» И на многих людей он мог установить угол понимания и прощения. Тихие долгие беседы наедине больше всего будут помниться ученикам Архипа Ивановича.

«Хорошие люди тяжело умирают». Так верит народ. Среди мучительных удуший Архипа Ивановича вспоминалась эта примета. Народная мудрость указала, что умер хороший, крупнейший человек.

Душам умерших нужны воспоминания – сколько их будет об Архипе Ивановиче Куинджи!

О нем не забудут.

1910 г.

КОРМОН

Нужно сказать, что Фернан Кормон несколькими своими указаниями заложил многое незабываемое. Некоторые его считали неисправимым академиком и очень формально сухим человеком. По моим наблюдениям это было не так. О себе Кормон говорил очень показательно: «Если бы мне пришлось начать снова, я бы сделался скульптором». Действительно, когда вы рассматриваете в Люксембургском музее его «Каина», вы понимаете всю тонкость суждений Кормона о себе. Красок он не знал, но в то же время он очень поощрял краски в учениках. Рассматривая мои эскизы, он сказал: «Мы слишком изошренны (рафинированны) – мы у вас будем учиться». Затем, когда как-то я сказал ему, что люблю не столько работать на глазах у всех, в общей мастерской, сколько наедине, он как-то сочувственно улыбнулся и сказал: «Все наши школы – чепуха (blaque), человек становится художником, когда остается один. Если имеете средства – возьмите мастерскую, работайте один и приносите мне этюды. С удовольствием я к вам зайду». Согласитесь сами, что такое суждение довольно необычно для сухого члена института, каким для многих представлялся Кормон. Нельзя не вспомнить, как Сарджент, познакомившись с некоторыми членами Королевской академии, с удивлением заметил: «Они оказались гораздо более человечными, нежели можно было предполагать».

Ученики знали как бы два Кормона. Один приходил в академию, сурово поправлял рисунок и не вдавался ни в какие рассуждения об искусстве. Другой же Кормон приглашал к себе некоторых учеников, и в праздничные дни у него собиралась целая оживленная группа, встречавшая совсем другого Кормона.

В эти минуты подчас он мне напоминал Анатоля Франса. Не скупился на очень меткие и тонкие определения. Умел похвалить, но в то же время успевал бросить какое-то ведущее слово. Приносили ему напоказ всякие работы и рисунки, и масляные этюды и эскизы, от законченных и до самых зачаточных; из моих эскизов ему нравились «Идолы», «Поход Владимира на Корсунь», «Волки», «Вороны» и эскизы для «Веча». Можно было ожидать, что краски идолов будут чужды Кормону, но он хотя и приговаривал «farouche, farouche», но все-таки показывал остальным ученикам, одобрительно восклицая: «Это для будущего!»

Лист дневника №27

1937 г.

ЛАДА

Лада – древнерусское слово. Сколько в нем лада, вдохновения и силы! И как оно отвечает всему строю Елены Ивановны! Так и звали ее. Когда Серов работал над ее портретом, он уверял, что основой ее сущности есть движение. Вернее сказать – устремление. Она всегда готова. Когда она говорит об Алтайских сестрах¹ для всенародной помощи, то в этом призыве можно видеть ее собственные основные черты. Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил, – на все это готова Елена Ивановна. Часто

¹ «... говорит об Алтайских сестрах...» – видимо, имеется в виду идея Е. И. Рерих о создании международной женской организации взаимопомощи, возникшая у нее после посещения в 1926 году Советского Алтая, народ которого произвел на нее неизгладимое впечатление.

остается лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце и все те необычные явления, которым врачи лишь изумляются. На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в устройении каравана, и в улаживании всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к такому бывало немало поводов самого различного характера.

И живет Елена Ивановна в постоянной неустанной работе, так – с утра и до вечера. Поболееет немножко, но быстро духом преодолевает тело, и опять уже можно слышать, как бодро и быстро стучит ее пишущая машина. Сейчас друзья хотят издать письма Елены Ивановны. Конечно, часть писем, да и в извлечениях. Если бы все, то получилось бы много томов.

Особа и необычна деятельность нашей вдохновительницы. В разных странах очаги питаются ее помощью, прилетающей на крыльях аэропланов. Она всегда спешит с помощью. Идут слова утешения, утверждения и пояснения. Даже из друзей многие не знают, что Еленой Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать, хотя бы косвенно, о себе. Анонимно она не пишет, но у нее пять псевдонимов. Есть и русские, и западные, и восточные. Странно бывает читать ссылки на ее книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Елены Ивановны возникают женские единения. Особая прелесть в том, что многое возникает даже, не зная истинного источника. Велика радость – давать народу широкое мировоззрение, освобождать от суеверий и предрассудков и показать, насколько истинное знание есть путь прогресса.

Лада – прекрасное древнерусское имя.

*Лист дневника №54
1938 г.*

МЫСЛЬ

Вспоминаются не только яркие писания мыслителей, но и отдельные словечки, от них в беседах услышанные. Такие пламенные меткие выражения иногда остаются в памяти особенно ясно. От Владимира Соловьева, Стасова, Григоровича, Костомарова, «дида» Мордовцева, Менделеева, Куинджи... много незабываемых речений навсегда осталось в жизни. Костомаров умел бросить меткое слово, зажигал своим бурным огнем Стасов. Менделеев даже во время шахматной партии бросал замечательные вехи. При этом такие отдельные броски оставались совершенно новыми и неповторенными в письменных трудах.

Помню «дида» Мордовцева, блестяще говорившего у нас при учреждении Общества имени Шевченко. Могли ли мы думать, что совершается нечто запрещенное и само восхваление большого поэта могло быть чем-то нецензурным. Затем для обмена мыслями создавалось несколько кружков. Был студенческий кружок, сошедшийся вокруг студенческого сборника. Но состав его был слишком пестр, и никакого зерна не составилось.

После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок – Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов... Бывали хорошие беседы, и до сих пор живет связь с Лосским и Метальниковым. Зародилось и «Содружество» – С. Маковский, А. Руманов, – группа писателей и поэтов. Просуществовало оно не так долго, но создало хорошую дружбу, оставшуюся на долгие годы и посейчас.

Удивительно, насколько меняются человеческие выражения, сказанные наедине. Например, Куинджи в беседах наедине выявлялся настоящим интуитивным философом. Какие прекрасные строительные идеи он высказывал и, видимо, бывал очень потревожен, если входило третье лицо. Точно бы что-то отлетало. Впрочем, то же самое замечалось и с Владимиром Соловьевым. Если что-либо постороннее вторгалось, то вся ценная нить мгновенно пресекалась, и он спешил прекратить беседу. Стасов – тот не боялся присутствующих. Даже наоборот, если подозревал в ком-либо врага своих идей, то он сразу начинал громить в направлении подозреваемого неприятеля. А за словами он в карман не лез. Чем дальше, тем с большею признательностью вспоминаются все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль. Ни в школе, ни в университете это не происходило, но встречи и беседы навсегда запечатлевали мысли. Целая кузница мыслей.

ПУТИ

Спрашиваете, как мы уживались со стариками? Ведь они бывали «старые, злые и опытные». Были особые причины наших долготерпении. Ведь эти старики были ниточками со многим замечательным. Как же ради того и не претерпеть? Да и не все же злые! Были и добрейшие. Хороша их бывальщина – только слушай.

Тот знал Гоголя – самого, живого, или Брюллова, или Александра Иванова. Тот был приятелем Островского или Глинки. Они знавали Мусоргского. Чайковского. Они дружили с Достоевским, Тургеневым. Деду при Бородине было двенадцать лет, а братья его уже были кавалергардами и были в битве. На наших глазах был Менделеев, Ключевский, Кавелин, Костомаров, Стасов, Владимир Соловьев. Неповторимо все это.

Тут около были Бородин, Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов. Ездили к Толстому, к самому Льву Николаевичу. «Пусть выше руль держит, тогда доплывет». Кто же так скажет о «Гонце»? Все это неповторимо. С нами были Куинджи, Репин, Суриков, а потом Врубель, Горький, Андреев. Крепкие связи с русской культурой. Кто-то рассказывал о Пирогове, о Сеченове... Все это были живые нити. Старик Колзаков говорил о собирателях Строгановых. Еще появлялся бело-серебряный Милютин. Чуть ли не к пушкинским памяткам тянулись нити очевидцев.

Странно, но все это самое старое особенно легко укладывалось с самым новым. Всякие ближайшие занозы стирались, и выступало лишь самое неоспоримое, значительное. Вот возвышенный поэт А. А. Голенищев-Кутузов толкует о Мусоргском, об Алексее Толстом. Вот Д. В. Григорович красочно оценивает своих современников. Вот М. К. Тенишева вспоминает о Тургеневе и Рубинштейне. Вот Бородин стоит у колонны зала дворянского собрания. Целая мозаика культуры: Тургенев знал Пушкина, а Пушкин знал Державина – вон куда веки пошли.

Все эти имена сейчас живут в памяти русского народа. Берегутся дома-музеи. Вспоминаются и те деятели, имена которых почему-то временно были под спудом. Очередь истории не всегда понятна людям, но не ржавеет все совершенное.

Русская культура, выношенная в русском сердце, уже оценена всем миром, но и эта оценка еще недостаточна. Тютчев ласково улыбнулся:

Умом Россию не обнять,
Ее аршином не измерить.
У ней совсем иная стать.
В Россию можно только верить¹

*Лист дневника № 3
13-14 января 1942 г*

¹ «У ней совсем иная стать...» – Н. К. Рерих цитирует неточно. У Тютчева: Умом Россию не понять. Аршином общим не измерить. У ней особенная стать – В Россию можно только верить.

Ростов Великий. Вход в Кремль. 1903 г.

ДЕТСКАЯ СКАЗКА

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь-невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи, кто именитым родом за тридцать поколений, кто богатством; но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы; при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату к царю. Согласно обычаю женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую красную книгу. Князь говорил:

«Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений... – И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: – И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков, весьма знаменитых».

«Царевна, – говорил именитый воевода, – окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди – им грозно имя мое».

«Царевна, – говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, – жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе».

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

«Что же ты принесешь жене своей?» – спросил певца царь.

«Веру в себя», – ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

«Скажи, как понять твою веру в себя?»

Певец отвечал:

«Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В

покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и куда иду я – там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..»

«Обожди, – прервал певца царь: – но имеешь ли ты право верить в себя?»

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди, и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

«Я верю в себя», – сказал певец, и никто не смеялся над ним. «Я верю в себя, – продолжал он, – и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе; и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка».

Кострома Терем бояр Романовых 1903 г.

«Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас – тот против нас», – сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

«Вижу я – не сочтут за врага меня люди и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я не создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?»

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

«Не в себя веришь ты, а в песню свою».

Смоленск. Башня. 1903 г.

Певец же ответил:

«Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя; и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей – все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня – все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моею живлю всех – так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верою этой дает счастье многим!»

«Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!..» – сказала царевна.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи – он верил в себя.

1893 г.

Юрьев-Польской. Этюд храма. 1903

СТРАХИ

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закатилось солнце.

На поляну вышел журавль и прогорланил:
«Берегись, берегись!» – И ушел за опушку.

Наверху зашумел ворон:
«Конец, конец!»

Дрозд на осине орал: «Страшно, страшно!»

А иволга просвистела:

«Бедный, бедный».

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

«Пропал хороший, пропал хороший».

И дятел подтвердил:

«Пусть, пусть!»

Сорока трещала:

«А пойти рассказать, пойти рассказать».

Даже снегирь пропищал:

«Плохо, плохо».

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники, и робели, услышав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

СТАРИННЫЙ СОВЕТ

В одной старинной итальянской рукописи, кажется, пятнадцатого столетия, – начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек, – простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано-ди-Пиетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиеннского округа.

Учитель сказал:

- Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование пресвятой девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, что теряешься теперь перед своей работой.

- Почтенный учитель, – сказал ученик, – картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рошу на красноватом утесе вдали? Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

- Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

- Плащ богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

- Сделай его так, как нужно тебе.

- Почтенный учитель, ты слишком занят превосходной работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

- Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять времени, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

- Просто так, как тебе нужно.
- Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны, и челнок на них, и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?
- Нет ничего проще: сделай так, как нужно.
- Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?
- Положи золото там, где нужно.
- Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнятах, так и хочется сделать их тонкою кистью, но в общей картине они почти не видны.
- Делай их так, как нужно.
- Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно – затемнилось у меня сейчас.
- Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?
- Кроме срока, никаких условий. Он сказал: «Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов пресвятому младенцу», и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм. Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я с добрым советом. Скажи, что значит «как нужно»?
- «Как нужно», значит, все должно быть так, как хорошо.
- Но как же так, как хорошо?
- Несчастный, непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно – так, как красиво.
- А красиво?
- Бенвенуто, выйди за дверь и иди к сапожнику Габакуку и скажи: «Возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последние рассказа для нас интереса не представляют.

1906 г.

19 Н 15

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧАША НЕОТПИТАЯ

Семен ТЮЛЯЕВ, искусствовед

Н. К. Рерих воплощал в живописи и литературном творчестве то, что видел и слышал, ничего не добавляя и не измышляя. Древние предания Востока представляли для него живую реальность, ибо возвещали извечную мечту народа о грядущем веке истины, справедливости и счастья. Здесь Рерих ощущал себя не в прошлом, а скорее в будущем. Все события легенд и преданий он переносил в реальную обстановку гор, где писал и людей -носителей этих заветов. Воспринимая прошлое как ступень к завтрашнему дню, Рерих художественно осмыслил девиз современной Индии: «Вечная и всегда новая!»

И Индия признала его. Он был дорог ей как друг, как глашатай ее заветов, наконец, как посланец мира и дружбы между Россией и Востоком.

Наследие Н. К. Рериха огромно, его изучение только начинается. Безмерен подвиг его жизни как деятеля культуры и искусства, глашатая гуманизма, мира и дружбы народов. Он показал Русь Америке и Западной Европе, Индию – России и Западу.

Поэтично, красиво, с глубоким чувством описывает Рерих природу России, с любовью говорит о ее народе, твердо верит в ее великое будущее.

Читая статьи и «листы дневника» Рериха, удивляешься постоянству его взглядов, устремлений, симпатий, его верности избранному в молодые годы пути. Недаром и на склоне жизни Рерих повторяет сюжеты своих ранних картин и этюдов, часто почти не меняя их композиционно, недаром в поздних статьях и «листах дневника» дословно цитирует написанное им же двадцать, тридцать, сорок лет назад.

Художник преимущественно исторического жанра, историк, археолог, Рерих горячо любил лучшие достижения прошлого, но никогда не отрывал их от настоящего и будущего. Он часто говорил и писал: «Не знающий прошлого не может думать о будущем». «Хорошо

прошлое, если оно не мешает будущему». Подобные мысли художника сквозят во многих его литературных работах, в том числе в очерке «Дедушка», который вы прочитали в первой главе этой книги.

Прошлое Рерих всегда рассматривал в историческом развитии, связывая культуру и искусство с социальными изменениями в обществе. Однако он заблуждался, полагая, что искусство способно стать ведущим общественно-воспитательным средством, основной силой в строительстве нового, гармонического общества, «первым двигателем всей жизни». Достоевский говорил, что красота спасет мир, Рерих уточнял: не красота, а сознание красоты.

Но Рерих не был идеалистом в обычном понимании этого слова, недаром его иногда называют «практическим идеалистом». В самом деле, вся жизнь художника – пример неустанной деятельности, направленной на претворение его идей в жизнь. А поскольку «идеализм» Рериха заключался главным образом в переоценке миссии искусства, конечных результатов его воздействия на общество, то все им сделанное ничуть не теряет от этого своей ценности. Наоборот, вера в то, что сознание красоты спасет мир, лишь помогла Рериху во всех начинаниях, умножала его энергию.

Если искусство должно стать «первым двигателем всей жизни», то необходимо всеми возможными средствами обеспечить сохранность художественных ценностей. В 1899–1904 годах художник совершил поездки по древнерусским городам и запечатлел величавые, ясные и благородные формы старинных храмов, крепостных стен и башен. Эти архитектурные картины и этюды явились первым в отечественном искусстве замечательным примером активной пропаганды художественными средствами шедевров зодчества.

Борьба с невежеством всегда и во всем – таков один из девизов Рериха. «Главное, знайте больше, – пишет он. – Прислушивайтесь, любите читать и беседовать о действительности». От невежества гибнут произведения искусства, страдает природа.

Мы сейчас много говорим об охране природы, а Рерих ратовал за это еще в конце прошлого века. «Всякое общение с природой как-то освящает человека», – утверждал он. С сожалением относился художник к тем, кто лишен способности ее любить: «Каждому приходилось видеть несчастные типы людей, для которых совершенно закрыта книга природы. Перед лицом природы, полной несказанных прелестей, они будут играть в карты или мечтать о «прелестях» городской жизни». Стоит ли говорить, что искусство и природа были для Рериха нераздельны.

Искусство в понимании Рериха имеет «много ветвей, но корень один», а следовательно – необходимые предпосылки для «грядущего синтеза», для будущего объединения всех народов земли: «Красотою побеждаем, красотой молимся, красотой объединяемся».

Художник не раз говорил о влиянии на русское искусство культуры Византии, Скандинавии и других стран. Однако он не рассматривал русское искусство как нечто подражательное, лишенное самобытности. Именно за силу, неповторимость, глубину и жизнеспособность он горячо его любил и не изменял этой любви до конца своих дней.

Но в прошлом Рерих всегда видел у искусства разных стран одну общую колыбель. Особенно много родственного он находил у русского и индийского искусства: «Обычаи, погребальные «холмы» с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи – все это так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начального пути».

Интерес к Индии жил в Рерихе с детских лет. С годами он лишь усиливался. Так, в 1906 году он пишет картины «Девассари Абунту» и «Девассари Абунту с птицами» и на эту же тему создает притчу. Прототипом картин послужили фрески Аджанты, изученные художником по фотографиям.

Можно понять поэтому радость Рериха, когда в 1913 году в Париже он увидел снимки и предметы, привезенные из Индии русским востоковедом В. Голубевым – знатоком индонезийского, индийского и тибетского искусства, постоянно проживавшим во Франции.

Полагая, что всестороннее изучение искусства, науки, истории Индии даст ключ к пониманию истоков русской культуры, художник разрабатывает планы экспедиции в эту страну. Однако лишь много лет спустя, в 1923 году, Рериху удастся осуществить свои

намерения.

ЧАША НЕОТПИТАЯ

«Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая еще милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает ее не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что еще недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда, бывало, ездили «куда следует». Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю.

Когда после простудной напасти меня стали в Крым отправлять, вопреки всему, потянуло меня опять в любимый Новгородский край. Коли пройдет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора сколько изумительных красот и в Псковской области, и в новгородской земле. Так близких и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Но теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь – настоящее, которое для будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд без смятения. Новгородцы бодр.

Бодры так же, как бодры озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как острые голубые глаза рыбаков озерных.

Степенны и суровы так же, как непроходны леса, которыми край еще полон. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменистые. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, черные с желтым... Любой выбирай. Все нетронута. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками – храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюжевскому пути. Мста и Шелонь, Шерегород, Пирос, Шлино, Бронница и Валдай, Иверский монастырь, Нил Столбенский. Возвышенности Валдайские. Все это красота. Красота бодрая.

Жальники – к Новгороду. Дивинцы – к Твери. Эти места называются: дивинец – диво-

город, с восхищением. Но того милее – жальник. В нем много жаления, покоя, слов вечных.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще «честной лес». По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время еще. А вот чудо.

Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма – сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине – прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. Там и грязи такие же, как в Старой Руссе. Варницы – старое место, при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же слышал я и о каких-то теплых ключах.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И страшно, и больно, но и приятно знать, что в четырех верстах от большого пути еще лежат такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша – полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет».

А давно ли писано? Да вот уже четверть века прибежит. А стоят ли новгородские дивинцы да жальники? Превосходно высятся.

А ходит ли на поиск новгородская вольница, ушкуйники неумные?

А копают ли самоцветы и золото на Керженце, на Урале? Какое там Урал, вот за самый Алдан забрались.

А ходят ли гусяры, сказители? Уже и по Смоленщине да по Киевщине, а и во Франскую землю с песнями приехали.

Вася Буслаев уцелел ли? Не то что жив, но и на камнях начертания вычитал.

Дивинцы новгородские! Чудо чудное! Диво дивное! Чаша неотпитая! Опять написан Микула Селянинович. Великий пахарь выоривает красоту всенародную. Открылись исстари захороненные стенописи Софийского собора в Киеве. В чудесном живописном обрамлении палехского мастера издано в Москве «Слово о полку Игореве». Закреплены в заботливом изложении мастера – Суриков, Репин, Юон, Петров-Водкин... Помянуты всенародно – Пушкин, Ломоносов, Горький, Менделеев, Павлов и другие герои. По Бородинскому полю веяли знамена. Голенищев-Кутузов, Суворов встали в памяти...

Отовсюду пишут: строится Академия наук, возводится величественный институт познания человека – экспериментальной медицины.

Народ хочет знать, молодежь всей земли хочет учиться.

Не сказка, но явь. Кто же восстанет против знания!

В «Литературной газете» № 56 говорится:

«Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию, историографию.

Надо преодолевать традицию Карамзина, давление школы Покровского¹. Надо проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Черное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательно работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания».

На эти правильные слова мы отвечали еще в 1898–1903 годах в статьях «О старине моления», «На кургане», «По старине», «По пути из Варяг в Греки», «Радость искусству» и в

¹ «... школы Покровского...» – Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк Остро критиковал дворянско-буржуазную историографию, однако сам стоял на эклектических позициях, допустив по отдельным вопросам вульгаризаторское понимание социологии.

других зовах и молениях о познании русских всенародных сокровищ. «Всенародное» – так мы пытались обратить внимание народа на истинные пути познания, на которых куется народная крепость и непобедимость.

В прошлом году мы утверждали: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: «Мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях».

Не устанем твердить об обороне всех сокровищ всенародных.

Пусть в обновленной кузнице мужественно куется меч обороны и плуг труда! Привет!

1937 г.

К ПРИРОДЕ

Не так давно в печати были приведены правдивые слова де Буалье о новом направлении искусства к жизни, к природе.

«Нас утомил культ нереального, абстрактного, искусственного... И мы вырвались на открытый воздух... И у нас из груди исторглись крики восторга и упоения: как хороша природа! как красива жизнь!» – говорил де Буалье.

Действительно, теперь везде, то там то тут, раздается этот возглас: «Как хороша природа!...»

... Художники настоящего времени горячо стремятся к передаче природы; стараются они взглянуть на природу, на жизнь глазом индивидуальным, и в разнообразии их воззрений передаваемая природа начинает жить. Истинное упрощение формы (без символического шаблона и академической утрировки), восхищение перед легким решением задачи приближения к впечатлению природы, прозрачность фактуры, – именно высокая техника, даже незаметная в своей высоте, все эти основания лежат в корне новейших художественных стремлений всех родов искусства.

Этим стремлением к природе, конечно, не исключается творчество историческое, ибо мы любим его не постольку, поскольку оно является приятным патриотическому чувству, поучительным или же иллюстрацией исторического источника, а оно дорого нам и ценно также потому, что дает нам художественную концепцию несравненно самобытной былой природы и восстановление человеческой личности, несмотря даже на сильную неуравновешенность многих сторон ее, все же может быть полнейшей при большей простоте.

Изборск. Этюд башни. 1903 г.

Стремление к природе, натурализм, само собой разумеется, понимается не только в широком значении, в смысле стремления вообще к жизни, но и в буквальном, являющемся неперменным следствием первого понимания, то есть в смысле стремления к самой канве жизни, стремления в природу.

Беру первый попавшийся пример на недавней Парижской выставке одним из любопытных уголков ее была швейцарская деревня. Интересно было наблюдать впечатление, производимое ею на большинство публики: лица как-то успокаивались, улыбки делались менее искусственными и напряженными, и часто тянулась рука снять шляпу, – это хороший жест! Искренно является он только перед величавым, – снимем ли мы шляпу перед стариком, в храме ли или перед морской тишиной. Раздавались голоса: «И не подумаешь, что в центре Парижа!» «Даже воздух словно бы чище кажется», – слышалось на различных наречиях, а ведь это была лишь грубая подделка, как что подобные отзывы можно было объяснить лишь чрезмерной окружающей суетой и усиленным над природой насилием.

Сильно в человеке безотчетное стремление к природе... до того сильно это стремление, что человек не гнушается пользоваться жалкими пародиями на природу – садами и даже комнатными растениями, забывая, что подчас он бывает так же смешон, как кто-нибудь, носящий волос любимого человека.

Все нас гонит в природу: и духовное сознание, и эстетические требования, и тело наше – и то ополчилось и толкает к природе, нас, измочалившихся суетой и изверившихся. Конечно, как перед всем естественным и простым, часто мы неожиданно упряимся; вместо шагов к настоящей природе стараемся обмануть себя фальшивыми, нами же самими сделанными ее подобиями, но жизнь в своей спирали культуры неукоснительно сближает нас с первоисточником всего, и никогда еще, как теперь, не раздавалось столько разнообразных призывов к природе.

Парадоксальной должна представляться пресловутая нелюбовь Джона Рескина¹ к железным дорогам. Его требование сообразоваться при всяких сооружениях с окружающим пейзажем могло казаться странным, но в этом последнем желании нет ничего излишнего; наоборот, теперь оно должно считаться практически необходимым и неперменным условием

¹ «... нелюбовь Джона Рескина...» – Рескин Джон (1819–1900) – английский эстетик и критик. Считал средством избавления от общественных бед всеобщее образование, нравственное воспитание людей, отводя в этом деле огромную роль искусству. Критиковал с позиций консервативного романтизма буржуазное общество, его паразитизм и упадок нравов.

во всех проявлениях созидательной работы.

Различные заботы о здоровье природы уже давно признаются насущными: мы разводим леса, углубляем реки, удобряем землю, предотвращаем обвалы – все это требует усиленной работы и затрат. Но целесообразное пользование пейзажем, природой тоже ведь одно из существеннейших условий ее здоровья, и притом для выполнения этого условия ничего не надо тратить, не надо трудиться, не надо «делать», надо только наблюдать, чтобы и без того делаемое совершалось разумно. И для осуществления этой задачи прежде всего необходимо сознание, что самый тщательный кусок натурального пейзажа все же лучше даже вовсе не самого плохого создания рук человека. Всякий клочок природы, впервые подвергающийся обработке рукой человека, непременно должен вызвать чувство, похожее на впечатление потери чего-то невозвратимого.

И надо сказать, что требование заботливого отношения к природе и сохранения ее характерности нигде не применимо так легко, как у нас. Какой свой характер могут иметь многие европейские области? Придать характер тому, что его утратило, уже невозможно. А между тем что же, как не своеобразие и характерность, ценно всегда и во всем? Не затронем принципа национальности, но все же скажем, что производства народные ценятся не столько по своей исключительной целесообразности, сколько по их характерности.

Русь только начинает застраиваться. Русь начинает менять первобытное хозяйство на новейшее. Русь теперь вводит разные важные статьи благоустройства; многочисленные ее пункты еще, по счастью, сохранились девственными и характерными. Ничего там не нужно ни сносить, ни переделывать, но лишь наносить и делать, имея в виду никаких ни трудов, ни денег, – несостоящее соображение экономии природой.

Указание на многие девственные места Руси вовсе не следует понимать в том смысле, что вопрос экономии природой у нас находится в благополучном состоянии. Конечно, у всех бездна разбросанных по всей будничной жизни примеров холодной жестокости при обращении с природой, жестокости необъяснимой, доходящей до нелепости.

К сожалению, соображения бережливого отношения к природе нельзя ни навязать, ни внушить насильно, только само оно может незаметно войти в обиход каждого и стать никому снаружи не заметным, но непременным стимулом создателя.

Скажут: «Об этом ли еще заботиться? На соображения ли с характером природы тратить время, да времени-то и без того мало, да средств-то и без того не хватает».

Изборск. Крест на Труворовом городище. 1903 г.

Но опять же и в третий раз скажу, ибо вопрос о расходах настолько всегда краеугольный, что даже призрак его нагоняет страх, средств это никаких не стоит, а разговор о времени и лишнем деле напоминает человека, не полощущего рта после еды по недостатку времени. Вот если будут отговариваться прямым нежеланием, стремлением жить, как деды жили (причем сейчас же учинят что-либо такое, о чем деды и не помышляли), тогда другое дело. Тогда давайте рубить леса, класть шпалы по нарочито лучшим местам, тогда как также удобно в смысле практическом было бы их положить в соседнем направлении; давайте в Архангельске ставить колоннаду, а в Крыму – тесовые срубы; тогда... мало ли что еще можно придумать подходящего для последнего образа мысли.

В то время, когда усиленно начинают искать орнамент и настоящий стиль, когда, вдумавшись в памятники древности, поиски за орнаментом обращаются к той же окружающей природе; когда своеобразие в человеке начинает цениться несравненно, тогда не заботиться о природе, факторе этой своеобразности, грешно.

Чтобы заботиться о чем бы то ни было, надо, конечно, прежде всего знать этот предмет заботы. Знаем ли мы, русские, нашу природу? Возьмем среднее, и принуждены будем сказать:

«Не знаем».

«Хотим ли мы знать нашу природу?»

«Этого незаметно».

«Принято ли у нас знакомиться с нашей природой?»

«Нет, не принято».

После всех этих неблагополучных заключений попробуем найти смягчающее вину обстоятельство.

«Возможно ли у нас ознакомление с природой?» Ответ: «С трудом». Правда, последний ответ умаляет тяжесть указанных признаний, но, с другой стороны, ведь только спрос создает предложение.

«Почему у вас такая неприспособленность ко всему?» – спрашиваете вы при случайной остановке на захолустном постоялом дворе, раскинутом в превосходнейшей местности. «Кормилец, да нешто с нас спрашивает кто-нибудь? Нешто кому это надобно? Вот ты проехал, да недели две назад приказчик из экономии со станowymi останавливались, а теперь и неведомо, когда гостя дождешься» – «Почему вы не хотите ознакомиться с внутренними областями?» – спрашиваете любителя путевой жизни. «Да что вы, хотите, что ли, меня клопам на растерзание отдать? Или чтобы цинга у меня сделалась?»

Всегда жалуются обе стороны друг на друга. И теперь, когда всмотритесь во все эти строго организованные поездки под всеми углами и по всем радиусам Европы, то прямо смешными становятся наши два-три общепринятых маршрута, от них же первые «по Волге» и «но Черному морю», и полное пренебрежение ко многим остальным, в самом деле прекрасным.

И хоть бы что ни говорилось, за исключением одного процента, все все-таки поедут по избитым путям; никаких приспособлений для более разнообразных поездок все-таки сделано не будет; никто на пешеходные путешествия (столь принятые по Европе) не дерзнет, и все-таки мы будем ощущать слишком мало стыда, слыша, что некоторые иностранцы видели Россию лучше, нежели исконные ее жители, имеющие при том возможность такого ознакомления.

Нижний Новгород Кремлевские стены. 1903 г.

Правда, от всякого смельчака, отважившегося отступить от традиции и пробраться куда-нибудь в укромный, обойденный железными путями уголок, вы наслышитесь всегда прямо невероятных рассказов о трудностях пути его (и мне лично приходилось испытывать немало курьезов даже при следовании довольно обыденным маршрутом), но почти без исключений вторая часть рассказа – впечатления природы, быта и древности, с избытком покрывают первую. И не мудрено! Возьмите любую область. Возьмите суровую Финляндию с ее тихими озерами, с ее гранитами, молчаливыми соснами. Возьмете ли Кивач и бодрый Северный край. Возьмете ли поэтичную Литву или недавние твердыни замков балтийских – сколько везде своеобразного! А Урал-то! А протяжные степи с отзвуками кочевников! А Кавказ с милой патриархальностью еще многих племен! Да что говорить о таких заведомо красивых местах, когда наши средние губернии подчас неожиданно дают места красоты и характера чрезвычайного. Вспомним озерную область – губернии Псковскую,

Новгородскую, Тверскую с их окрестностями Валдая, с их Порховскими, Вышгородами, с их привольными холмами и зарослями, смотрящими в причудливые воды озерные, речные. Как много в них грустной мелодии русской, но не только грустной и величавой, а и звонкой плясовой, что гремит в здоровом рудовом бору и переливается в золотых жнивьях.

Обок с природой стоит любопытная жизнь ее обитателей. Сбилась уже эта жизнь; разобраться в ней уже трудно без книжных указаний, но все же для пытливого уха среди нее всегда зазвучат новые струны и дальнорезкий глаз всегда усмотрит новые тона.

Много на Руси истинной природы, надо беречь ее...

Говоря о заботливом отношении к природе, попутно нельзя не сказать тут же двух слов о сохранении мест, уже освященных природою, о сохранении исторических пейзажей и ансамблей.

О сохранении исторических памятников теперь, слава богу, скоро можно уже не говорить, на страже их скоро станут многолюдные организации с лицами просвещенными во главе. Но мало охранить и восстановить самый памятник, очень важно, насколько это в пределах возможного, не исказить впечатления его окружающим...

Всякое общение с природой как-то освящает человека, даже если оно выражается в такой грубой форме, как охота. Охотникам знакомо тягостное чувство при отъезде из природы; охотник скорее других прислушается в городе к далекому свистку паровоза и вздохнет не о том, что лишняя птица остается живой, а почему не он уезжает в природу.

Всегда особенно много ожидаешь, и при том редко в этом ошибаешься, когда встречаешься с человеком, имевшим в юности много настоящего общения с природой, с человеком, так сказать, вышедшим из природы и под старость возвращающимся к ней же...

Слыша о таком начале и конце, всегда предполагаешь интересную и содержательную середину и редко, как я сказал, в этом обманываешься.

Иногда бывает и так, что под конец жизни человек, не имеющий возможности уйти в природу физически, по крайней мере, уходит в нее духовно; конечно, это мнение полно, но все же хорошо заключает прожитую жизнь.

Люди, вышедшие из природы, как-то инстинктивно чище и при том уж не знаю, нашептывает ли это мне всегда целесообразная природа, или потому, что они здоровее духовно, но они обыкновенно лучше распределяют свои силы, и реже придется вам спросить вышедшего из природы: зачем он это делает, тогда как период данной деятельности для него уже миновал?

«Бросьте все, уезжайте в природу», – говорят человеку, потерявшему равновесие, физическое или нравственное; но от одного его телесного присутствия в природе толк получится еще очень малый, и хороший результат будет лишь, если ему удастся слиться с природой духовно, впитать духовно красоты ее, только тогда природа даст просителю силы и здоровую, спокойную энергию.

Тем и важно, что искусство теперь направляется усиленным ходом в жизнь, в природу и толкует зрителям и слушателям разнообразными наречиями красоту ее.

Но нельзя исключить из красоты и жизнь вне природы.

Пусть города громоздятся друг на друга. пусть они закутываются пологом проволочной паутины, пусть на разных глубинах шныряют змеи поездов и к небу вавилонскими башнями несутся стоэтажные дома. Город, выросший из природы, угрожает теперь природе; город, созданный человеком, властвует над человеком. Город в его теперешнем развитии уже прямая противоположность природе; пусть же он и живет красотой прямо противоположную, без всяких обобщительных попыток согласить несогласимое. В городских нагромождениях, в новейших линиях архитектурных, в стройности машин, в жерле плавильной печи, в клубах дыма, наконец, в приемах научного оздоровления этих, по существу, ядовитых начал – тоже. своего рода, поэзия, но никак не поэзия природы.

И ничего устрашающего нет в контрасте красоты городской и красоты природы. Как красивые контрастные тона вовсе не убивают один другого, а дают сильный аккорд, так красота города и природы в своей противоположности идут рука об руку и, обостряя обоюдное впечатление, дают сильную терцию, третьей нотой которой звучит красота «неведомого».

ВСЕНАРОДНОЕ

Общество архитекторов-художников согласилось с моим предложением. Решено открыть всероссийскую подписку на исследование древнейших русских городов – Новгорода и Киева. Признано, что в деле общекультурных устоев страны уже пора обращаться не только к правительственным учреждениям, но прежде всего к народу. Уже надлежит народу знать свою историю, знать свои сокровища, беречь свои богатства.

Встретились два приятеля.

- Слышали, будете собирать деньги на исследование городов?
- Будем. Скоро начнем. Уже слышим сочувственные отклики.
- Только вам на эти дела не дадут денег-то.
- Отчего! Разве на худое подбиваем?
- Кому какое дело до исследования прошлой жизни? Кому надо знать прошлые культуры? У нас города без фонарей, без водопровода, без путей сообщения, а вы о раскопках...
- Не клевете на народ. Из ста тридцати миллионов людей если одна двадцатая часть задумается о значении древности, и то составит крупная сумма. По рублям полмиллиона соберется.
- Хотите держать пари, что ваша подписка плохо пойдет?
- Лет десять назад согласился бы с вами. Но с тех пор страна перешагнула большие культурные грани. Умы задумались над такими неожиданными задачами, что немыслимое мыслимым стало. Уже стало почетным участвовать в исследовании забытой поучительной жизни. Уже поняли былинную красоту древности. Даже грубейшие люди стали понимать, что древности составляют подлинные сокровища.
- Все-таки трудно вам отыскать сочувствующих. Слишком велика страна. Слишком трудно вам найти друг друга.
- В этом вы правы. Нашему спросу и предложению встретиться нелегко. Обиднее всего сознавать, что и сейчас, в эту самую минуту, где-то на Руси сидит кто-нибудь и придумывает, к чему бы приложить свои средства.
- А если вы соберете мало, всего тысяч десять, двадцать, разве стоит с такими средствами приниматься за большие дела?
- Всегда стоит. Даже с самыми малыми средствами можно добыть превосходные памятники прошлого. Слишком земля насыщена находками. Кроме того, во время самой работы легче всего могут подойти средства. Первые удачные находки могут всколыхнуть новую волну интереса.
- Значит, уповаете на свое упрямство?
- Именно так. Только кремневым упрямством можно двигать культурные дела. Вспомните, как составил музей в Нюрнберге, или как Северный музей в Стокгольме создан лишь частными силами. Одна всенародная лотерея в Швеции дала для музея на наш счет полтора миллиона рублей...

И у нас есть примеры единоличных, сильных начинаний. Хотя бы посмотреть, как быстро двигает музей Академии наук В. В. Радлов¹. Это дело растет прежде всего его сильным желанием сделать полезное.

- Конечно, все это так. Но все-таки я опасаюсь за ваше дело.
- Что же, по-вашему, наше дело скверное, нечестно, недостойно, спекулятивно, глупо?
- Конечно, нет. Когда-нибудь поверят, что ваши доводы были своевременны и полезны, а теперь убоятся новых выступлений.
- Наконец-то вы договорились. Вы сказали истинное слово «убоятся». Во все можно уверовать. Всякий спрос найдет предложение. Всякая воля может быть убеждена полезностью дела, но «страх» труднее всего побороть. В нашей русской жизни слишком много страха; маленького, серого страха. Мы боимся будней. Мы боимся громко заговорить. Боимся высказать радость. Боимся переставить вещи. Боимся подумать ясно и бесповоротно.

¹ **В. В. Радлов** – Радлов Василий Васильевич (1837–1918) – русский языковед и этнограф, специалист в области тюркских языков, занимался археологическими раскопками и этнографическими исследованиями. Совершал поездки по Сибири, Алтаю, Туркестану, Монголии. Участвовал в реконструкции Кунсткамеры Петра I, из которой был выделен этнографический отдел и создан Музей антропологии и этнографии.

Мы легко примиряемся с тем, что нам что-то не суждено. Мы боимся заглянуть вперед. Боимся обернуться назад в беспредельную, поучительную жизнь, нужную для будущего. Но от страха, наконец, нужно лечиться. Пора перестать бояться темноты и призраков, в ней живущих. Все-таки я верю, что Россия, неожиданная, незнаемая Россия, готова для бодрой культурной работы.

Печоры. Монастырские стены и башни. 1904 г.

- Хочу верить подобно вам. Исследуйте старинную жизнь. Заодно исследуйте и живущих людей, наших общих знакомых. Когда-нибудь непременно расскажите, как и кто отозвался на ваши призывы. У вас составятся любопытные воспоминания.

В безверии ушел один приятель.

Другой хотел ободрить.

- Ну, что ж, если средств не найдется, по крайней мере, хоть полезный разговор выйдет. Опять разговор. Неужели опять только все народный разговор? Должно, наконец, в России начаться и дело. Будем твердить и верить.

До 1914 г.

ИНДИЙСКИЙ ПУТЬ

В Париже весной для меня была радость. В Музее Чернуского¹ открыта выставка предметов восточного искусства из частных собраний. Сама по себе выставка очень интересна. Вещи выбраны со вкусом и знанием. Превосходны разные живописные и лепные священные изображения Индии, Цейлона, Сиамы, Японии, Индо-Китая.

Не пройти равнодушно мимо эпических красок, мимо чернолаковой бронзы, мимо цветистой и великолепной космогонии.

Но на выставке было и другое, для нас, русских, уже особо значительное. За эту радость я очень благодарен моему другу В. В. Голубеву.

Уже давно мечтали мы об основах индийского искусства. Невольно напрашивалась преемственность нашего древнего быта и искусства от Индии. В интимных беседах часто устремлялись к колыбели народной, а нашего славянства в частности.

Конечно, могли говорить нам: мечты неосновательны, предположения голословны,

¹ **Музей Чернуского...** – в основу музея была положена коллекция произведений буддийского и японского искусства, собранная итальянцем Энрико Чернуски.

догадки полны личных настроений. Нужны были факты.

И вот теперь В. В. Голубев (живущий почти всегда в Париже), наконец, начал большое дело. Начал это дело так умело, так прочно, что можно, по моему убеждению, ждать крупных достижений.

Если дело пойдет так, как начато, то Голубев создаст себе возможность первому от русской жизни пройти по новому направлению к истокам индийского искусства и жизни.

В. В. Голубев снарядил экспедицию в Индию. Были всякие трудности. Несколько участников погибло от жары и лихорадки, но зато были привезены снимки и предметы и, главное, наблюдения, которым должен радоваться каждый русский.

На выставке Музея Чернуского ожидал меня Голубев, и то, что он показал и рассказал мне, было так близко, так нам нужно и так сулило новый путь в работе, что оба мы загорелись радостью.

Теперь все догадки получали основу, все сказки становились былью.

Обычаи, погребальные «холмы» с оградами, орудия быта, строительство, подробности головных уборов и одежды, все памятники стенописи, наконец, корни речи – все это было так близко нашим истокам. Во всем чувствовалось единство начального пути.

Ясно, если нам углубляться в наши основы, то действительное изучение Индии даст единственный материал. И мы должны спешить изучать эти народные сокровища, иначе недалеко время, когда английская культура сотрет многое, что нам так близко.

Обычаи вымирают, быт заполняется усовершенствованиями, гробницы и храмы оседают и разрушаются.

Голубев, чуткий к искусству, взял в этом изучении верный путь. Не путь отшельника-ученого, летописца для будущих веков, а путь повествователя на пользу и сведение всем, кому дороги искусство и скованная им жизнь.

Мы поняли значение византийских эмалей. Мы поняли, наконец, и ценность наших прекрасных икон. Теперь иконы уже вошли в толпу, и значение их укреплено. Через Византию грезилась нам Индия: вот к ней мы и направляемся.

Не надо пророчествовать, чтобы так же, как об иконах, сказать, что изучение Индии, ее искусства, науки, быта будет ближайшим устремлением.

Нет сомнения, что эти поиски дадут отличные последствия. Но, повторяю, надо спешить. Надо не упустить многие последние возможности.

Вот почему считаю, что дело, начатое В. В. Голубевым, должно нас радовать чрезвычайно.

Надо знать, что за первую экспедицией решена и вторая. В будущем у Голубева растут планы, о которых я еще не могу говорить.

Пусть Голубев сам подробно ознакомит нас со своими выводами и планами. Жаль, если французы с их верным чутьем скорее нас поймут значение работы Голубева.

Желаю нашей Академии наук вовремя еще серьезнее обратить внимание на эти работы.

Желаю В. В. Голубеву всякой удачи и жду от него бесконечно многозначительного и радостного.

К черным озерам ночью сходятся индийские женщины. Со свечами. Звонят в тонкие колокольчики. Вызывают из воды священных черепах. Их кормят. В ореховую скорлупу свечи вставляют. Пускают по озеру. Ищут судьбу. Гадают.

Живет в Индии красота.

Заманчив Великий Индийский путь.

1913 г.

МОЗАИКА

Мозаика всегда была одним из любимых моих материалов. Ни в чем не выразить монументальность так твердо, как в мозаичных наборах. Мозаика дает стиль, и в самом материале ее уже зарождается естественное стилизирование. Мозаика стоит как осколок вечности. В конце концов и вся наша жизнь является своего рода мозаикой. Не будем думать, что можно сложить повествование или жизнеописание, которое бы не было мозаичным. Не только мозаична целая жизнь, не только мозаичен год жизни, но и день жизни уже состоит из мозаики.

Фрагменты различных качеств и свойств заключены в каждом часе нашего труда. Заблуждается человек, если думает, что можно совершенно монолитно обдумать нечто или прожить хотя бы один день. Сила творчества поддерживается разнообразием красок мозаики. Вам нужно, чтобы эти краски на известном расстоянии сочетались в один звучный тон. Для контраста вы разделяете куски смальты темными границами, и в этих граничных начертаниях тоже заключены своего рода глифы.

Каждый живописец должен хотя бы немного приобщиться к мозаичному делу. Оно даст ему не поверхностную декоративность, но заставит подумать о сосредоточенном подборе целого хора тонов. Неправильно, когда в мозаике выкладывается картина, которая была сделана не для мозаики. В каждом эскизе нужно выразить и тот материал, в котором он будет выполнен. Эти технические соображения относятся как к мозаике, выраженной в смальте, так и к мозаике нашей жизни. Лучшие литературные произведения носят на себе признаки мозаики, и сила их в монументальном запечатлении и сведении воедино всех деталей. Обобщить и в то же время сохранить все огненные краски камня будет задачей мозаичиста. Но ведь и в жизни каждое обобщение состоит из сочетания отдельных ударов красок, теней и светов.

Иногда скажут: вы мыслите слишком мозаично, — а разве все, чем мы живем, не мозаично? Каждый день состоит из бесчисленного ряда самых разнообразных фрагментов. Они будут на всех уровнях и физического и мысленного напряжения. И чем больше их будет, тем лучше. В мозаике обобщают ограничительные линии. Так же точно и в жизни есть такие задерживающие центры, которые и все, казалось бы, несочетаемое разнообразие сведут в одну целую и звучную мозаику.

*Лист дневника № 66
1938 г.*

НЕПОВТОРИМОЕ

«Размо-кропо-го-дилос!» «Нет, коллега, не так!» «Размо-кропо-годи-лос!» «Да это просто Ванька написал размокропогодилося!»

Так давно шутили по поводу экспедиции Радлова по исследованию надписей на скалах и камнях Сибири. Не только потому шутили, что надписи долго не удавалось разобрать, но и вообще ухмылялись, не понимая значения археологии. Судьба древностей, в частности древностей русских, извилиста. Когда приходилось рисовать разрезы курганов, то с особой болью отмечалась и грабительская траншея. И как часто эти грабители были почти современны самому кургану или гробнице. Часто траншея шла с полным знанием особенностей погребения, с пониманием всех положенных ценных предметов. И в Египте, и в Азии, и в южных степях России грабители нередко шли по пятам погребения. А сколько профессионалов-кладоискателей, всяких бугровщиков и курганщиков навсегда затруднили научные выводы.

В очерках истории Сибири, например, читаем: «Несмотря на все эти опасности, связанные с отправлением промысла, некоторые курганщики обращали его в средство существования и приобретали в нем такую сноровку, что по одному наружному виду кургана определяли их относительную древность и содержание в них драгоценных металлов. Так как многие из курганов были значительны по своим размерам, а некоторые к тому же покрыты тяжеловесными камнями (в 100–200 пудов), то курганщики соединялись в артели (до 200–300 человек) и таким образом занимались «бугрованием». Одна из таких артелей, состоявшая из 150 человек, в XVIII веке, по среднему течению Иртыша нашла курган и извлекла из него до 50 фунтов золота в разных поделках. Конечно, далеко не все сибирские курганы были так богаты; однако могильного золота и серебра было столько в обращении, что в Красноярске, в главном рынке курганных драгоценностей, в XVIII веке могильное золото продавалось по 50–90 копеек золотник. Эти драгоценности в то время составляли важный предмет торговли на Ирбитской ярмарке, где охотно покупались русскими и инородцами и распространялись за Урал».

Подобная же участь постигла и те памятники сибирской древности, из которых можно было извлечь хоть какую-нибудь пользу. Остатки древних сооружений, «каменные бабы» и намогильные камни, нередко покрытые любопытнейшими надписями и изображениями, «писанцы» до последнего времени употреблялись либо на жернова, либо в качестве простого материала для постройки новых зданий, конечно, без всякого соображения о научном значении истребляемых памятников старины.

Ярославль. Церковь Святого Власия 1903 г.

Наряду с хищничеством и алчностью можно встречать и самые несносные показания изуверства. Сколько прекрасных пещерных росписей и ваяний уничтожено рукою фанатизма. При этом опять-таки ищите ближе. Не успокаивайте себя, что кто-то и когда-то давно разрушал. Не обвиняйте только давно истлевших вандалов.

Изуверство и сейчас еще процветает. Да еще в каких замысловатых одеяниях! То оно наставляется религиозными заблуждениями, то, напротив, оно вдохновляется безбожием. Само хищничество курганщиков бледнеет перед диким размахом изуверства.

Из рук хищника иногда предмет попадал и в добрые руки. Но свирепость изуверства знала лишь уничтожение и обезображивание. Не ужасно ли помыслить, что изуверство существует и по сие время? В часы лекций о памятниках искусства и быта именно эти памятники уничтожаются. Скажите после этого, что судьба творчества уже защищена. Посмейте утверждать, что все благополучно.

Только невежество будет успокаивать справедливую бдительность. А условное приличие скажет: не будем нарушать чинность собрания неприятными сообщениями. Но дело-то в том, что действительная опасность велика. Ничем не успокоишься, когда знаешь,

что изуверство живет во всем своем безобразном разнообразии.

Разобьет ли амфору хищник, перельет ли ювелир кубок Челлини¹ на металл, будет ли уничтожена неповторимая статуя изувером или будет ли разрушен памятник невеждою, во всем будет бездна дикости. Наряду с разрушениями разве не стоят и обезображивания прекрасных творений древности? Грубые пристройки, приделки, замазывания и квази-реставрация умерщвляют душу памятника.

После руки изувера следует рука ханжи, спесивою и невежи, которые по-своему изменяют тончайшие творения. Обычно бессмысленно, бесчувственно совершаются такие, часто непоправимые, святотатства. Исчезнувшая красота навсегда застывает в гримасе искажения. Плачевный отталкивающий вид вместо недавнего очарования.

Оставляя в пустыне ценный памятник, спрашивали проводника: «Устоит ли?» И умудренный опытом покачал головою: «От зверей – может быть, от людей – вряд ли».

Скорбно такое опытное слово. Но многие задачи решаются от противного. Пусть именно это противное и поможет благомыслящим сотрудникам собраться в мужественной защите всего священо прекрасного.

Главное, знайте больше. Прислушивайтесь, любите читать и беседовать о действительности. Уж больно много незнания.

1 января 1935 г.

ФЛОРА

Кто не знает святых Флора и Лавра, так красиво изображаемых в зеленых пущах с белыми конями? Известно, как почитают этих святых русские крестьяне за их попечение о конях, о коровах и о прочем домашнем имении.

Рассказывается, как некий губернатор, любитель ботаники, пожелал ознакомиться с флорой вверенной ему губернии и приказал представить ему все образцы ее. Приказ попал в руки местных полицейских чинов и произвел переполох немалый.

Что бы такое было «флора»? Чем таким обеспокоился начальник? Недоумение росло, пока, наконец, дьячок не надоумил, что, должно быть, губернатору потребовались все Флоры. Так и решили. Собрали всех Флоров, а кстати и всех Лавров, ибо святые эти изображаются вместе, да и отправили недоуменных и огорченных мужичков в губернию к еще более недоуменному сановнику-ботанику.

Мало в каких других областях столько анекдотов, как около народной медицины и ботаники. Трудно поверить, чтобы каждая травка была на пользу. Даже очень рассудительные люди внутренне недоумевают, когда им рассказывают, что тот самый репейник, который они только что уничтожали, является благотворным лекарством или что морковь или земляника, искони потребные для стола, могут быть полезны в очень серьезных случаях.

Все помнят обратный анекдот, когда губернатор запросил местные власти о кустарных промыслах. Местный исправник доносил, что кусты действительно имеются, но какое употребление из них делают крестьяне, ему неизвестно, ибо иногда глупый народ лечится всякими растениями. И в этом случае народ заподозривался в глупости, ибо лечился растениями.

Как и во всем, малознающая середина готова отвергать и отрицать. В то время, когда уже просвещенные верхи очень бережливо относятся к каждому народному преданию и вполне оценили значение фольклора, и найдут лучший язык с оставшимися носителями этой народной мудрости, тогда же будут существовать и зубры, иногда даже модернизированные, выросшие лишь на отрицании.

По счастью, знакомясь с народами, вы видите, как нередко еще осталась трогательная чуткость, которая живет как наследие многих веков.

Вчера приходили старые буряты. Принесли они единственный сохранившийся экземпляр бурятского словаря, который является необходимым и в смысле медицинском. Надо было видеть, как трогательно они хотят переиздать тот ксилограф. Говорят: «Ведь без этой книги молодым не на чем учиться, здесь столько полезных сведений». Так в далеких

¹ Челлини – Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский скульптор и ювелир, талантливейший писатель. Как ювелир и медальер блестяще усвоил традиции ренессансной пластики малых форм.

юртах заботятся о знании. Там ничего не имеют против новейших форм совершенности, но в то же время со всею сердечною преданностью берегут остатки старых знаний. Пусть из этих знаний не все приложимы сейчас, но для каждого полезного растения вы должны пройти весь луг, чтобы убедиться, где, что и как существует.

Наверное, врач, вновь открывший целебное свойство эфедры от астмы, не только о ней прочел в старых китайских фармакопеях. Конечно, он изучал очень многое для того, чтобы во благо человечества вновь воспользоваться лишь некоторыми. Записываю это и повторяю упорно, ибо все-таки существует такое заблуждение, что в старинной мудрости нужно изучать лишь кое-что, ибо остальное неприменимо. Но как же вы найдете это «кое-что», если не ознакомитесь со всем?

В некоторых новых школах предполагается исключить изучение классиков. Как много прекрасного, вдохновительного и вечно руководящего будет исключено таким запрещением! И какой это будет ужас, если всюду и во всем воцарится ограниченный техникум со всеми ужасами условной специализации.

Девушка в крестьянской одежде (полуверка) 1903 г.

Ростов Великий. Паперть. 1903 г.

Именно теперь, когда всевозможные новые открытия говорят о расширении горизонта, именно теперь так несовременно все еще думать об иллюзиях технократии с ее специализациями. Тогда, когда даже малыши познают соотношения макро- и микрокосма, тогда, казалось бы, совестно устремляться к какому-то заведомому самоослеплению. Человек, сказавший себе: я не хочу знать ничего, кроме винта, перед которым я случайно оказался, – в каком же истинном строительстве может существовать такое самоограничение? Тот, кто во многом приложился, тот оценит и высокое качество каждой части.

Когда-то произносили безумные формулы о мечтании уравнивать все человеческие мозги. Какой жестокий тиранический дух мог подсказывать такое насилие? Вообще, условие жестокости должно быть очень пересмотрено. Это чудовище гнездится в более многочисленных ущельях, нежели предполагается. Самая опасная жестокость как ужасная форма невежества живет ни в каких-то судах или около тронов и кафедр, нет, она притаилась во множайших очагах семейной и общественной жизни. Она является одним из самых пресекающих все живое начал. И там, где притаился элемент жестокости, там стеснено и всякое познание. Ведь истинное познание не для самости, оно, конечно, прежде всего самоотверженно. В этом самоотвержении и красота, и величие, и беспредельность!

Разные травы внимательно собирал благой Чарака; ему посвящена картина в Бенаресе. «Каждая малейшая травка – на пользу». «Всяк злак – на пользу человеков».

17 января 1935 г.

РУССКАЯ ИКОНА

Теперь все знают, что старая русская икона есть ценнейший примитив. Весь мир ознакомился с этими нашими сокровищами и единодушно восхитился также и со стороны чисто художественной. Это признание произошло в течение последних тридцати лет. Но еще в 1900 году дело обстояло совершенно иначе. Для одних икона была священным предметом, который из почитания можно наглухо забить гвоздями в золотой или серебряный оклад. Нам приходилось видеть чудесную живопись, забитую гвоздями, и варварство это происходило от почитания. Для других икона была какой-то кустарщиной, а прекрасные мастера-иконописцы презрительно назывались «богомазами». Когда мы ездили по Руси для ознакомления с фресками старых соборов и с чудесною иконописью, на нас смотрели как на чудаков. Один злой человек даже написал, что скоро весь обиход по нашим рисункам будет по «мотивам Чуди и Мери». На такие наскоки мы отвечали, что пройдет несколько лет – и те же хулители будут восхищаться якобы вновь открытыми русскими примитивами. Восхищение это будет не только на страницах научных трактатов по истории искусства, но будет оно в лучших художественных оценках. Мы прибавляли: «И завопят и заохают, – будем их вопление пророчествовать».

Так и случилось. Вдруг сделалось принятым ездить по старым монастырям, заботиться о восстановлении древних фресок и восхищаться новгородским, киевским и московским иконным письмом. Открылись глаза на ценнейшую художественную сторону иконописания – вдруг оказалось, что из среды народной постоянно выходили истинные художники. Одни из них оставили нам имена свои, но большинство прошло безымянно, а ведь и они, эти «знаемые и незнаемые», «писанные и неписанные», были отличными мастерами. Когда-то нам говорили, что только иноземцы научили русских иконников. Преемственность всегда была и во всем, и нам нечего отказываться от наследий Византии, Востока и Италии. Но никто не скажет, что такие великолепные мастера, как Симон Ушаков, Рублев, Данило Черный «со товарищи», не были исконно русскими дарованиями. Расширились страницы русской истории искусства. Оказалось, что вовсе не от основания Академии художеств, но от глубокой древности русский народ уже может гордиться своими художниками, настоящими мастерами, которые с великим искусством изукрашали стены храмов и палат.

*Лист дневника № 60
1938 г.*

НЕ СЧИТАЙ

Мальчик, значения ссоре не придавай. Помни, большие – странные люди. Сказав друг о друге самое злое, завтра готовы врагов друзьями назвать. А спасителю-другу послать обидное слово. Уговори себя думать, что злоба людей неглубока. Думай добрее о них, но врагов и друзей не считай!

1916 г.

Юрьев-Подольской. Этюд храма. 1903 г.

НЕ ЗАКРОЙ

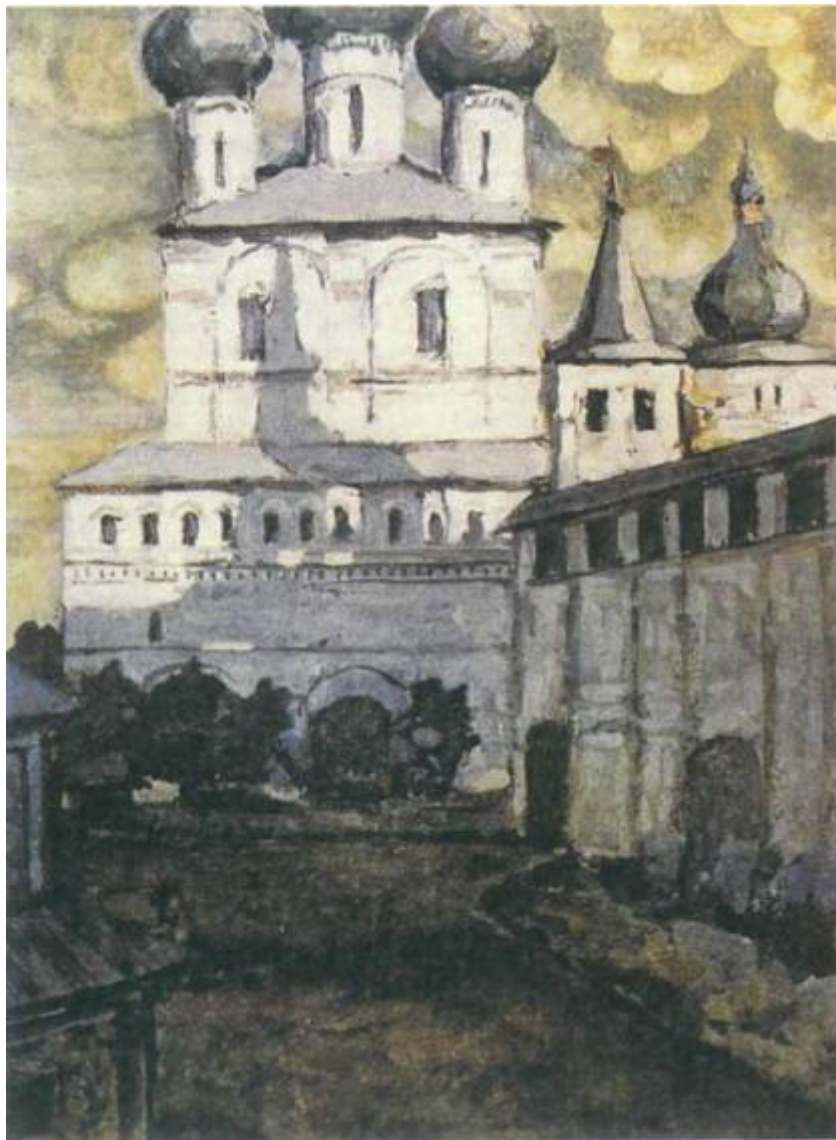
Над водоемом склонившись,
мальчик с восторгом сказал:
«Какое красивое небо!
Как отразилось оно!
Оно самоцветно, бездонно!»
«Мальчик мой милый,
ты очарован одним отраженьем.
Тебе довольно того, что внизу.
Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза твои вверх.
Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе
не закрой».

1916 г.

ЗАХОЧЕШЬ

В знак победы, милый мой мальчик,
платье цветное ты не надень.
Победа была, а бой будет.
Не смогут тебя победить.
Но выйдут биться с тобою.
Твою прошлую жизнь прозревая,
сколько блестящих побед
и много горестных знаков я вижу.
Но победа тебе суждена,
если победу
захочешь.

1917 г.

Ростов Великий. Надвратная церковь. 1903 г. 59

ПРИ ВСЕХ

Плакать хотел ты и не знал, можно ли? Ты плакать боялся, ибо много людей на тебя смотрело. Можно ли плакать на людях? Но источник слез твоих был прекрасен. Тебе хотелось плакать над безвинно погибшими. Тебе хотелось лить слезы над молодыми борцами за благо. Над всеми, кто отдал все свои радости за чужую победу, за чужое горе. Тебе хочется плакать о них. Как быть, чтобы люди не увидали слезы твои? Подойти ко мне близко. Я укурю тебя моею одеждой. И ты можешь плакать, а я буду улыбаться, и все поймут, что ты шутил и смеялся. Может быть, ты шептал мне слова веселья. Смеяться ведь можно
при всех.

1919 г.

ЛЮБОВЬ

Вот уж был день! Пришло к нам сразу столько людей. Они привели с собой каких-то совсем незнакомых. Ранее я не мог ничего о них расспросить. Хуже всего, что они говорили на языках, совсем не понятных. И я улыбался, слушая их странные речи. Говор одних походил на клекот горных орлов. Другие шипели, как змеи. Волчий лай иногда узнавал я. Речи сверкали металлом. Слова становились грозны. В них грохотали горные камни. В них град проливался. В них шумел водопад. А я улыбался. Как мог я знать смысл их речи? Они, может быть, на своем языке повторяли милое нам слово

любовь?

1920 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БЕССТРАШИЕ

Джавахарлал НЕРУ

Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения.

Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и путешественник, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно – тысячи картин, и каждая из них великое произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, из которых многие отображают Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, которые веками, возвышаясь над равнинами Индии, были нашими стражами.

Картины его напоминают нам многое из нашей жизни, нашего мышления, нашего культурного и духовного наследства, многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном; и мы чувствуем, что мы в долгу у Николая Рериха, выявившего этот дух в своих великолепных полотнах.

Рабиндранат ТАГОР, из письма к Н. К. Рериху, 1920 г.

Ваши картины глубоко взволновали меня. Глядя на них, я понял одну простую вещь, которая как будто бы и совершенно ясна, но тем не менее ее нужно вновь и вновь открывать для себя: истина беспредельна. И когда я попытался найти слова, чтобы передать мысли, вызванные вашими картинами, то мне это не удалось. И не смог я потому, что язык слов в состоянии выразить только какую-то грань истины, язык же картин – истину в целом, что словами не выразить.

Каждый вид искусства достигает своего совершенства лишь тогда, когда это искусство открывает душе свои тайники, ключ к которым находится только у этого вида искусства. Когда картина – великое творение, вряд ли мы в состоянии выразить словами, в чем ее величие, и вместе с тем мы должны понять и познать ее. То же самое и с музыкой. Мир красот и звуков непередаваем словами. Ваши картины не похожи на картины других, и словами о них не расскажешь. Ваше искусство наделено чертами исключительной самобытности, потому что оно – великое искусство.

Искусство и наука, по убеждению Рериха, неотделимы друг от друга. Еще в юные годы ему понравилось высказывание Л. Толстого: «Наука и искусство так же тесно связаны между собой, как легкие и сердце, так что если один орган извращен, то и другой не может правильно действовать».

У художника нет картин, за которые его можно было бы назвать мистиком или абстракционистом. Всегда и во всем он был реалистом. Он верил, что наука всесильна, что она откроет любые тайны, объяснит любые чудеса. Из всех сказок лучшей, по его мнению, была сама жизнь. Из всех направлений и методов в искусстве Рерих признавал лишь реализм: «... от реализма открыты все пути. Самое реальное творчество может быть прекрасно по колориту, может иметь внушительную форму и не убоится увлекательного содержания».

Даже боги и святые в изображении Рериха – существа вполне реальные, конкретные. Они не создатели вселенной, а, как и все люди, ее производные. Они рождены землей. Святые Рериха не для умилений и богомолений. Они – иносказание, символы организующего доброго начала, труда, борьбы за правое дело.

Одна из любимых исторических фигур Рериха – Сергей Радонежский, возведенный церковью в ранг святого. Сергия очень почитал и М. Нестеров. Оба художника посвятили ему немало картин, но трактовали своего героя совсем по-разному. У Нестерова Сергей – добрый, кроткий, мечтательный и отрешенный («Видение отроку Варфоломею», 1890, «Юность преподобного Сергия», 1892–1897, «Преподобный Сергей Радонежский», 1899).

Сергий Рериха – труженик, один из зачинателей русского культурного строительства. «Пусть моя картина «Сергий-строитель» напомнит о нерушимом строительстве», – писал художник, лейтмотивом через все творчество которого проходит тема труда. «Работа идет – все идет», – любил говорить Рерих.

Труд, созидание, наука, искусство, подвиг – этим живет Рерих, это главное в его творчестве. А творчество, в его понимании, бессмысленно, если не адресовано народу. В течение более чем десяти лет Рерих руководил крупнейшей школой России – школой Общества поощрения художеств, большую часть учащихся которой составляли рабочие и дети рабочих. Школа была с художественно-прикладным или, как тогда говорили, с промышленным уклоном. Такой уклон был Рериху по душе.

Он рано проникся любовью к декоративно-прикладному искусству, убежденностью в огромных возможностях его воздействия на самые широкие народные массы. Часто выступал против несправедливого отделения так называемой «художественной промышленности» от искусства и причисления первой к чему-то второстепенному. Нет второстепенных областей приложения творческих сил, есть плохие художники. Большой мастер, даже если он не «профессионал», создаст высокое произведение искусства из любого материала и любыми техническими средствами, полагал он, следуя своему постоянному девизу «Искусство едино!».

Прожив несколько лет в странах Европы и в Америке, в 1928 году Рерих основывает ставший олицетворением синтеза науки и искусства Гималайский институт научных исследований «Урусвати» в долине Кулу в Западных Гималаях, где отныне находится и его дом. Здесь, в Индии, проходит последний период жизни художника.

Почему же для научных исследований Рерих выбирает именно эту область земного шара? Да потому, что, как писал он, «нигде в мире не могут быть собраны воедино такие разнообразные условия. Высочайшие вершины до 30 000 футов, озера на 15–16 000 футов; глубокие долины с гейзерами и прочими минеральными горячими и холодными источниками; самая неожиданная растительность – все это служит залогом новых научных находжений чрезвычайной важности».

Институт состоял из двух отделений – ботанического и этнолого-лингвистического, в функции которого входило еще изучение и разведка археологических памятников. Его сотрудники занимались даже проблемами изучения космических лучей в высокогорных условиях. Начавшаяся вторая мировая война прервала работу института.

Приходится лишь поражаться тому, как Рерих успевал делать так много и в самых разных областях. Это не только не мешало ему писать картины – наоборот, помогало, давая пищу для новых тем, сюжетов, композиционных решений, являясь одним из факторов актуальности его творчества, всегда устремленного в будущее. И сейчас, в наши дни, творчество Рериха неотделимо от таких важных проблем, как национальное и интернациональное, искусство и наука, искусство и нравственность, традиции и новаторство, стиль и стилизация.

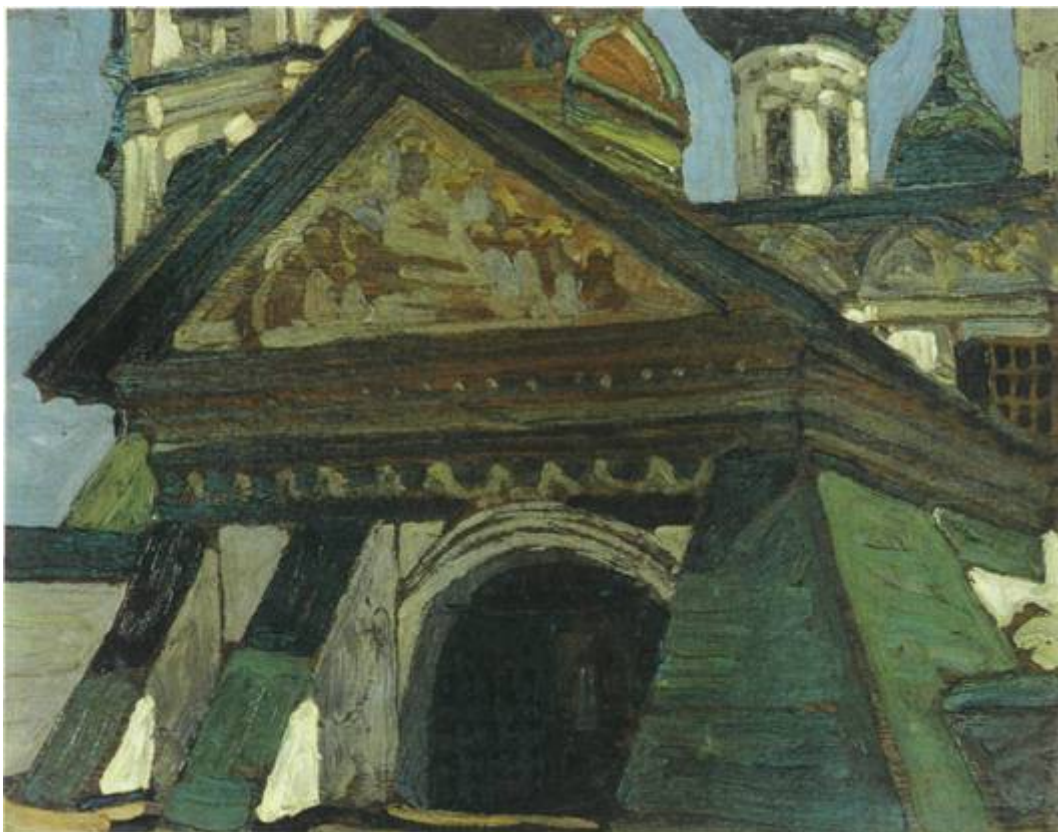

БЕССТРАШИЕ

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреодолимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть прежде всего открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец, прежде всего, не доходит до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неукротимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда в силу каких-то предвзятостей и суеверий человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным – боязливый человек готов предать анафеме или забвению самые поучительные накопления древнего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые, полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с находениями археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима. Ведь многие иероглифы написаний условно символичны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Ярославль. Вход в церковь Николы Мокрою. 1903 г.

Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных, остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков, еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике обделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец, мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам извлечения таких бичей человечества, которые именно устрашают и по сей час. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака, или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавней, накопленной мудрости?

Ограниченное отрицание не должно иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромождать поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на пользу развития человеческого мышления, — все должно быть и выслушано и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания. Благо знания во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая, неограниченная эволюция. Каждый затрудняющий ее будет исчадием тьмы. Каждый посылующий ей будет истинным воином, сотрудником света.

22 декабря 1934 г.

CREDO

Пишут, что не знают мое credo. Какая чепуха! Давным-давно я выражал мое понимание жизни. Ну что ж, повторим еще раз:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата "священного источника". Свет искусства озарит бесчисленные сердца новою любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это.

Дайте искусство народу, куда оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...»

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже "земные" люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотою побеждаем. Красотою молимся. Красотою объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, но в суете города. И, чуя путь истины, мы с улыбкою встречаем грядущее».

Писалось это двадцать лет назад, а говорилось и гораздо раньше. Те самые, кто говорит, что они не знают, отлично слышали от меня самого. Знать-то они знают, но для каких целей им нужно набросить тень, внести неопределенность. «Клевещите, клеветайте, всегда что-нибудь останется». А мы все же будем звать к прекрасному, и ценность творчества будет нашей основой.

*Лист дневника № 65
1938 г.*

ЗАПАДНИ

Нагорья Тибета часто до того изрыты сурками, что езда делается очень опасной. Даже на шагу конь иногда неожиданно проваливается по колено и глубже. Скакать совсем нельзя – можно коню ноги переломать.

Западни повсюду. Понемногу привыкаешь к опасностям, и они становятся как бы неизбывностью жизни. Однажды, в поисках каменного века, посреди бурного Новугородского озера, потекла лодка. Вода быстро прибывала. Пробовали заткнуть течь – не помогло! А ветер крепчал. Гребцы сумрачно переговаривались. Один греб изо всех сил, другой вместе с нами двумя откачивал воду.

«Не доедем».

«Говорил, нужно было взять у Кузьмы новую лодку».

«Не доехать. Сиверко захлестывает».

«А плавать умеете?»

«Нет, не умеем».

«Ну тогда еще хуже».

Моя милая Лада и тут проявила твердость и спокойствие.

«Все-таки глупо тонуть», – только и сказала, а сама работала не хуже гребца. Вот у кого учиться мужеству. И почему это слово от мужа, когда пример часто придет от женщины?

Вдали показалась синяя пологая коса. Гребец осмелел:

«Ин доедем».

Но другой продолжал настаивать:

«Куда тебе! Того гляди все полотнище высадит».

А через полчаса авральной работы стало ясно, что мы продвинулись к берегу:

«Бывает, и корабли ломат, а бывает, и не ломат».

«Не иначе, что преподобный Сергей вынес из западни. А была западня, вот уж западня! Ну теперь огонек запалим, обсушимся».

Не прошло и часу, как мы причалили к илистой косе. Где тут обсушиваться, когда на песке блеснули вымытые волнами стрелки и скребки.

«Спину-то, Елена Ивановна, пожалейте. Не поденная работа», – улыбается Ефим, а сам легко ступает в лаптях по топкому илу. Славный Ефим.

Тонули мы и в Финляндии на озере в ростепель перед ледоходом. Пробовали тонуть в Балтийском море около Гапсаля. Лада чуть не сгорела. Юрия чуть не застрелили в Улан-

Баторе. Много было всяких западней, и водных, и земных злокозненных.
Учились жизни всячески.

*Лист дневника № 38
1937 г.*

ХУДОЖНИКИ ЖИЗНИ

Знаком красоты открываются врата запечатанные. С песней подходят к дикому яку, чтобы он, оставив свирепость, поделился молоком своим. Песнию укрощают коней. Песне змеи внимают. Знаменательно наблюдать, как целительно и возвышающе каждое красоты прикосновение.

Уже много раз приходилось писать о значении так называемых прикладных художеств. Много раз сопоставлялось так называемое высокое искусство с не менее значительным выявлением всех отраслей художественной промышленности. Даже страшно еще раз повторять о том, что пуговица, созданная Бенвенуто Челлини, не только не ниже, но, несомненно, выше множества посредственных картин и кладбищенской скульптуры. Стары эти сравнения, казалось бы, уже не нужны эти напоминания, но сама жизнь показывает как раз обратное.

Во всех областях жизни по-прежнему остро отделена от общего понятия искусства сфера прикладного искусства, остро заклеянного каким-то стыдным понятием «коммерческого» искусства.

Вместо того чтобы постепенно осознать единство существа творчества, человечество как бы стремится еще более мелко разграничиться и взаимно унижать друг друга. Казалось бы, совершенно ясно, что стиль жизни создается не только крупнейшими единичными творцами, но и всею массою художников прикладного искусства. Не всегда исключительные творцы создают характер костюмов, не всегда их рука протягивается к афише или к ювелирному изделию. По необъяснимой странности керамическое производство почему-то считается ниже скульптуры из мрамора, хотя очаровательные Танагры дали достаточный пример благородного народного творчества. По-прежнему вы можете услышать скорбное восклицание многих молодых людей: «Не могу существовать искусством, должен идти в коммерческие изделия!» Точно этим самым художник обрекает себя на неизбежную гибель, которая будто бы должна сопровождать всякое участие в жизненном искусстве. Какой же материал, какие же такие условия могут отнять у художника его сущность? Какие же такие требования могут заставить сделать что-либо нехудожественно в любом проявлении жизни? Какой же такой предприниматель может истребить творческий огонь, неудержимо пробивающийся через все материалы? Для каждого предпринимателя, даже самого рудиментарно-нехудожественного, важно, чтобы его изделие было четко, ярко, убедительно и легко входило бы в обиход масс. В конце концов, которое же из этих условий отвратительно? Ведь и Рафаэль, получая свои заказы, тоже был руководим прежде всего условием убедительности. Именно условие убедительности вовсе не противоречит истинной художественности. Гоген из желания самовыражения расписывал двери и внутренность жилища своего на Таити. Врубель выражал свою «Царевну Лебедь» на блюде. Бесчисленно множество примеров, когда самые разнообразные художники искали выражения в самых неожиданных материалах. Как мы уже говорили, сам материал, само изысканное качество его дает особую убедительность вещи. Зачем повторять те же самые примеры, которые были так многократно твердимы при разных случаях? Не рассуждение, но действия должны укрепить мысль, так нужную для культуры. Если мы приходим к выражению объединенности искусств, то тем самым мы утверждаем и необходимость теснейшего сочетания всех отраслей искусства в разных его материалах. Трудно, да и не к чему указывать последовательность необходимости этих мастерских, идущих рука об руку и с эскизным и этюдным натурным классом. Эту последовательность нужно предоставить самой жизни. В каждой стране, в каждом городе – больше того, в каждой части города есть свои особые запечатления жизни. На эти запросы и нужно ответить прежде всего. Около большой фабрики тканей нужно прежде всего дать рисунки и изучение техники этого производства. Около керамической и фаянсовой фабрики нужно помочь сочетать в тесном соседстве всякие жизненные выявления, подсказанные потребностями ближайшими. Между прочим, не

нужно упускать из виду, что само физическое соседство этих мастерских будет, несомненно, помогать обоюдно, в своих неожиданных комбинациях подсказывая новые увлекательные решения. Открытый, не стесненный предрассудками ум преподавателя и широкая потребность к творчеству среди учеников дадут ту живую вибрацию, которая, не застывая в монотонности, даст мастерским бесконечное жизненное разнообразие и убедительность...

Египтяне называли художников, ваятелей – «сеенех», то есть «оживитель», «воскреситель». В этом наименовании явлено глубокое понятие сущности искусства. Как же безмерно расширится оно, когда мы перенесем его во все проявления жизни, когда признаем в каждом украшателе обихода «художника жизни»! И сам он, этот истинный «оживитель» будней, восхитится силою новою, исполняясь творческим духом в облагораживании каждого предмета обихода.

Уйдет из употребления стыдное, уродливое в самом себе понятие «коммерческого» искусства. «Художник жизни» – так назовем каждого благородного украшателя. Он должен знать жизнь, он должен чувствовать законы пропорций. Он создатель потребной формы, он ценитель ритма жизненного. Для него число, соотношение не есть знак мертвый, но есть формула бытия.

Пифагор вычисляет и творит, в ритме воспекает, в ритме молится, ибо в числах, в ритме не только земная, но и небесная музыка – «музыка сфер». Пифагору-математику вторит св. Августин, богослов: «*Pulchra numero placent*» («Числом пленяет красота»). Этот магнит чисел, пропорций, соотношений и технических созвучий, необходимый каждому украшателю жизни, исключает всякое унижение или раздробление великих творческих понятий.

Не будем страшиться говорить самыми высокими словами о каждом проявлении красоты. Бережное, возвышенное выражение будет щитом всему жизненному искусству, часто загнанному в потемки подвалов. Страна, мыслящая о будущем, пусть бережет от мала до велика всех тех, кому она будет обязана оправданием своим на великом судище Культуры. Облегчая судьбу этих строителей жизни, страна Культуры исполняет лишь основную заповедь Прекрасного, так красиво выраженную античным поэтом:

«*Os homine sublime dedit coelumque tueri*» («Чело человеку высокое дал да горнее узрит»).

Высоким заветом утверждает Бхагават Гита¹ многообразие творчества. «На каком бы пути ни приблизился ко мне человек, на том пути и благословляю его».

1931 г.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Если удача зависит в большой степени от наших внутренних предпосылок, то как нужно научиться следить за собою, чтобы не отравлять пространство. Такая заботливость приучит к истинной бережливости. Мы не имеем права покушаться на чужую энергию – самовольно потратить чужие ценности. Ведь это нельзя как в материальном, так и в духовном плане. Между тем из самых, казалось бы, добрых намерений нередко происходит растрата чужих сил. При этом люди думают, что взяли от одного, а между тем самовольный заем произошел совсем от другого. Люди думают, что они оберегли что-то, а на самом деле они усугубили и отяготили.

Много раз приходилось видеть, как по незнанию даже друзья в самый напряженный момент посылали очень отравленные стрелы. Может быть, накануне очень ответственного действия именно дружеская стрела, опрометчиво пущенная, наносила опасную царапину. Конечно, предполагалась посылка стрелы по другому направлению, но пославший не рассчитал все внутренние связи и невольно задел именно то, что предполагал оберечь. И чем больше сотрудничество уже спаивалось, тем опаснее могли быть эти нерассчитанные удары.

Чувства любви и преданности должны бы достаточно предупреждать неосторожных

¹ **Бхагават Гита** – «Бхагаватгита» – буквально «Песнь божества» – название философской поэмы, входящей в состав Шестой книги «Махабхараты» – великого эпоса Индии, возникшего около I тысячелетия до н. э. Главный сюжетный стержень эпоса – история борьбы двух царских родов: Кауравов и Пандавов – закончившейся битвой на поле Курукшеты, в которой приняли участие «все народы» Индии.

лучников. Чувство доверия, как основа сотрудничества, должно бы напомнить об осторожности. Врожденное чувство доброжелательства должно бы создать осмотнительное благоволение. Но, очевидно, всех этих сочетаний недостаточно. Может быть, кроме сердечной заботливости, нужно развить в себе то, что называется бережливостью.

В каждом опрометчивом действии непременно будет вред и для других, и для себя. Если человек еще не научился вполне заботливо относиться к другим, то пусть он хотя бы и для себя самого поостережется. Всякое покушение на чужие ценности будет уже похищением, и вред от него будет тем же вредом, как от каждого покушения на чужое достояние.

Бережность или бережливость! Эти оба понятия вполне связаны, хотя на первый взгляд как бы имеют в виду различные действия. Приучение себя к понятию сотрудничества помогает осмыслить все трогательное значение бережности и бережливости. При осознанном сотрудничестве прежде всего разовьется уважение к действиям сотрудника.

Ростов Великий. Теремки княжеских палат. 1903 г.

Если кто-то что-то делает, то, значит, у него есть достаточное основание именно к этому способу выражения. Сотрудник, прежде чем заподозрить, что действие несовершенно, прежде всего отнесется с полным доверием и доброжелательством. Когда же после дружелюбного исследования поступка у сотрудника явится соображение, что нечто могло бы быть сделано иначе, то он всеми лучшими способами постарается разъяснить, почему его соображения более действительны.

Разве возможны среди сотрудников выражения, восклицания недружелюбия или злобы? Какие же они после этого сотрудники? Если в одном случае могла загреметь и завизжать злоба, значит, это возможно и в другом случае. Кто знает, может быть, среди самого ответственного действия могут вспыхнуть те же самые языки алого пламени. Значит, вино еще не готово. Значит, сотрудничество еще не состоялось. Если же так многое еще не оформилось и не установилось, то возможно ли ответственное действие? Испытание всегда приходит на малом. Есть старинная сказка о том, как некий царь заявлял, что он произведет очень серьезные испытания. Все готовились к ним и ждали их, и удивлялись, почему они отложены. Разве они вообще отменены? Но совершенно неожиданно все сотрудники были созваны и было объявлено новое распределение труда. Оказалось, что испытания уже произошли. Люди были испытаны на самых, для них незамеченных, обиходных проявлениях. Было отмечено, когда и кто раздражился, когда была неточность, когда была расточительность. Словом, все было взвешено в то время, когда люди ожидали, что

испытания будут происходить в каких-то торжественных собраниях.

Люди выучили на тот случай какие-то благозвучные формулы. Запоминали наизусть изречения. Чертили на память формулы и вычисления. А в то же время в обиходе, сами того не замечая, достаточно выявили свои внутренние качества и свойства.

Недаром в сказаниях и в высоких учениях говорится о неожиданности. Приготовить себя к таким жданным неожиданностям можно лишь постоянной настороженностью и бережливостью. Оберегая друга и сотрудника, люди оберегают самих себя. Когда же будет понято, что всякое неосновательное суждение есть уже признак неподготовленности к ответственным действиям? А ведь одно искривленное или нарушенное действие влечет за собой множество прискорбных искривлений. Выпрямлять эти искривления гораздо труднее, нежели вообще не допустить их.

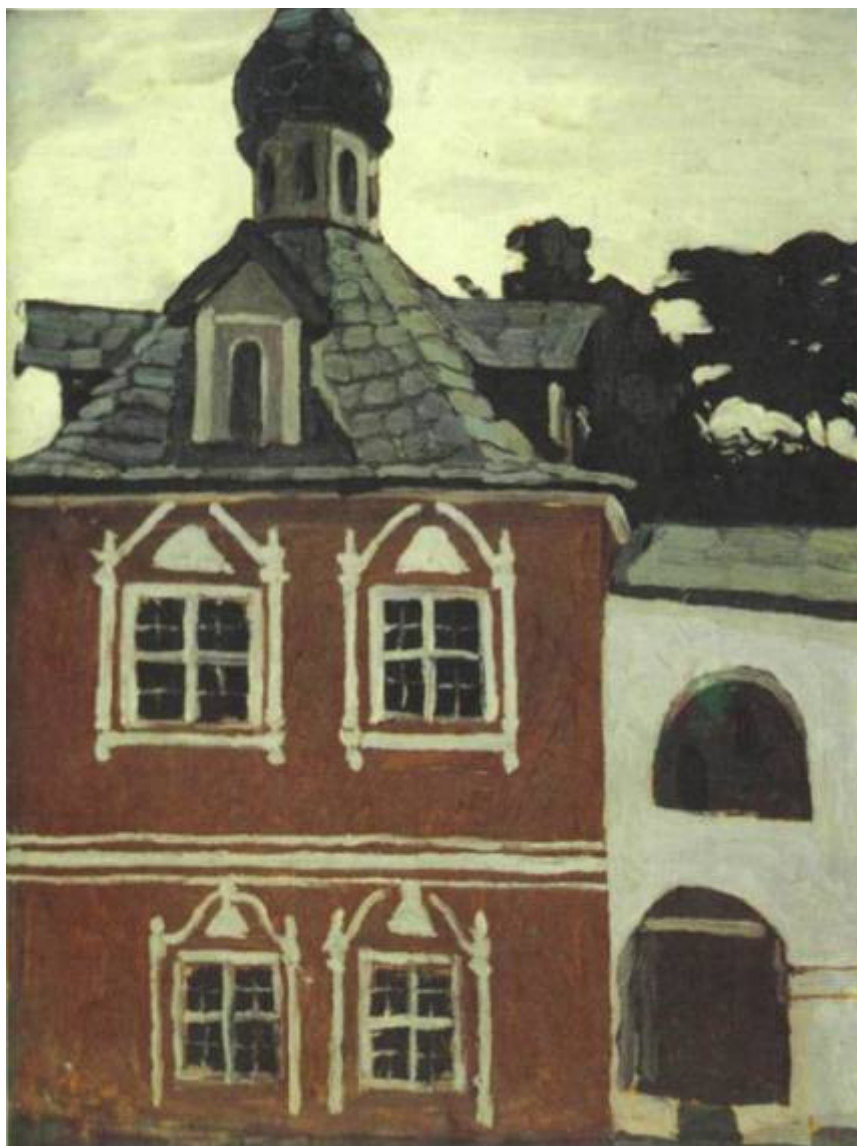
Друзья! Будем очень бережливы. Будем очень бережны.

8 марта 1935 г.

НАРОД

С многолюдством народным мне пришлось встречаться во всей моей жизни. В Изваре всегда было многолюдно. Во время охоты довелось встречаться с народом во всех видах его быта. Затем раскопки дали народную дружбу. Поездки по многим древним городам создали встречи самые незабываемые. Потом в Школе Общества поощрения художеств каждый год приходилось встречаться с тысячами учащихся, в большинстве с фабричными тружениками всяких областей. И эти встречи навсегда составили ценнейшие воспоминания, и душа народная осталась близкой сердцу.

В последний раз мы соприкоснулись к русскому народу во время экспедиции 1926 года, когда ехали через Козеунь, через Покровское к Тополеву Мысу, а оттуда плыли по Иртышу и далее до Омска. И в Покровском, а затем на пароходе к нам приходили самые разнообразные спутники. Велика была их жажда знания. Иногда чуть ли не до самого рассвета молодежь, матросы, народные учителя сидели в наших каютах и толковали, и хотели узнать обо всем, что в мире делается. Такая жажда знания всегда является лучшим признаком живых задатков народа. Не думайте, что вопросы задаваемые были примитивны. Нет, люди хотели знать и при этом высказывали, насколько их мышление уже было поглощено самыми важными житейскими задачами. Народ русский испокон веков задавался вопросом о том, как надо жить. К этому мы имеем доказательства уже в самой древней литературе нашей. Странники всегда были желанными гостями. Хожалые люди не только находили радушный ночлег, но и должны были поделиться всеми накоплениями. Сколько трогательной народной устремленности можно было находить в таких встречах. Нередко при отъезде какой-то неожиданный совопросник, полный милой застенчивости, стремился проводить, чтобы еще раз, уже наедине, о чем-то допросить.

Печоры. Ризница. 1903 г.

Горький рассказывает, как иногда на свои вопросы он получал жестокие мертвенные отказы. Невозможно отказать там, где человек приходит, горя желанием знать. В этом прекрасном желании спадает всякое огрубение, разрушаются нелепые условные средостения, и соприкасаются дружно и радостно сущности человеческие. Как же не вспомнить Ефима, Якова, Михаила, Петра и всех прочих раскопчных и путевых друзей. Навсегда останутся в памяти пароходные совопросники, так глубоко трогавшие своими глубокими запросами. В столовую парохода входит мальчик лет десяти. «А не заругают войти?» – «Зачем заругают, садись, чайку выпьем». Оказывается, едут на новые места, и горит сердце о новой жизни, о лучшем будущем. Знать, знать, знать!

*Лист дневника № 51
1938 г.*

УРУСВАТИ

Уру и Свати – древние имена, встречаемые в «Агни пуранах»¹. Урусвати –

¹ «... в Агни пуранах» – пураны – буквально сказания о древности – предания, огромные эпические произведения, напоминавшие «Махабхарату». Пураны были созданы между началом I тысячелетия и началом II тысячелетия н. э. различными индийскими сектами. Пуран имеется большое количество (в том числе «Агни пураны»); 18 из них считаются главными («Махапурана»). Пураны пока еще мало изучены. Несмотря на мифологический характер содержания, они являются ценнейшими и неисчерпаемыми источниками для изучения истории древнего индийского общества. Язык пуран, считающихся ведами низших каст, отличается простотой и лаконичностью и также представляет большой интерес для изучения Агни – в древнеиндийской мифологии – бог огня.

Гималайский институт научных исследований начался в 1928 году под самыми хорошими знаками. Гималаи являются неиссякаемым источником не только аюрведических исследований, но и со стороны исторической, философской, археологической и лингвистической всегда будут неисчерпаемы. Место института в древней долине Кулу, или Кулута, тоже было удачно. В этих местах жили риши и мудрецы Индии. Многие легендарные и исторические события связаны с этими нагорьями... Здесь находятся развалины дворцов Пандавов, пещеры Арджуны, – здесь собирал «Махабхарату»¹ риши Виаса. Здесь и Виасакунд – место исполнения желаний. Но не все, видно, желания исполняются. В самое короткое время были собраны богатые ботанические и зоологические коллекции, накапливался местный лекарственный материал, шли записи и лингвистические исследования. Коллекции посылались и в Ботанический сад Нью-Йорка, и в Музей естественной истории там же, в Нью-Гарденс в Англию, и в Академию наук в Ленинграде, и в Ботанический сад в Париже. Кроме того, местные растительные экстракты посылались в Европу для терапевтических анализов. Пospel целый обширный тибетско-английский словарь, уже готовы исследования лахульского и амдосского диалектов. Много уже собралось разнообразных материалов. Журнал института за три года своего выхода и по содержанию, и даже по объему все возрастал, и был установлен обмен научных изданий и корреспонденция со всеми странами мира. Среди членов и сотрудников института закрепились имена: д-р К. К. Лозина-Лозинский, полк. А. Е. Махон, д-р Г. Лукин, лама Лобзанг Мингюр Дордже, Махапандит Рахул Санкритьяна, лама Чомпел, ботаник Султан Ахмад, покойный проф. Кашиап, покойный знаменитый биолог Индии Джагадиш Чандра Боше, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии д-р Кенг, проф. Е. Д. Меррил, много-много ценных сотрудников. Много потрудился и директор института Юрий и секретарь института Шибаяев, а сколько трудов положил Святослав и по медицинским экстрактам и по ботаническим собираниям. Были уже налажены показательные питомники, и вдруг захлопотали американские финансовые кризисы. Зашумело европейское смущение. Пресеклись средства. Одними картинками не удастся содержать целое научное учреждение. Давали все, что могли, а дальше и взять негде. Между тем общий интерес к Гималаям все возрастает. Ежегодные экспедиции направляются сюда со всех концов мира. Новые раскопки раскрывают древнейшие культуры Индии. В старых монастырях Тибета обнаруживаются ценнейшие манускрипты и фрески. Аюрведа опять приобретает свое прежнее значение, и самые серьезные специалисты опять устремляются к этим древним наследиям. Стоит лишь вспомнить, какие интересные исследования произвел д-р Бернхард Рид, доказавшие, что основы древнейшие весьма близки нынешним открытиям. Все есть, а денег нет.

*Лист дневника № 61
1938 г.*

МУЖЕСТВО

«Никто не скажет, что искали мы на пустых местах». Так сказало в свое время в Новгороде. Можно то же самое сказать об Индии, Тибете, Монголии, Китае... Как сон, когда-то мелькали мечты о Гималаях. Более всего они казались недостижимыми. Но сказка жизни чудеснее всех сказок.

Любим Родину. Любим народ русский. Любим все народы союзные. «Никто не скажет, что это дурно». И эти слова писались давно. Счастье, что ни от чего не приходится отказываться. И от труда художества не откажемся. И опять и опять прикоснемся к

¹ «Махабхарата» – «Сказание о великой битве бхаратов» – величайший памятник древнеиндийского героического эпоса. Состоит из 18 книг, или парв, к которым приложена 19-я книга – «Хариванша» («Родословная Хари»), посвященная Вишну, одному из трех главных богов индийского пантеона «Махабхарата» содержит свыше 100 000 шлок, или двустиший. Предполагают, что первоначально она была создана на народных языках Индии (пракритах) и лишь впоследствии переведена на санскрит. Индийская литературная традиция считает, что «Махабхарата» – единое произведение, автор которого легендарный мудрец Вьяса. Главная идея основного сказания «Махабхараты» – объединение Индии. На протяжении двух тысячелетий «Махабхарата» питала творчество поэтов и писателей Индии.

творчеству. «Искусство – венец жизни». И это писалось. И о сердце, и о мысли писалось. И еще, и еще о том же хочется сказать.

Стара поговорка: «Деньги потеряны – ничто не потеряно. Мужество потеряно – все потеряно». Учились терять деньги, имущество. Собирали древности, любили старинные произведения, и все исчезло – как во сне было. Много чего собранного, сохраненного ушло. Но мужество не покинуло. А ведь оно не «из голубого неба». На чем-то оно строится. Да, да, из творчества, из собирательства, из труда крепнет мужество. На наших глазах от всяких потерь погибали сильные люди. Затемнился путь перед ними и сломилась мысль.

Разным рассеянными друзьям хочется сказать о мужестве. Так нужно им сейчас это слово! Бывает, проснешься на рассвете и чувствуешь, что где-то как колокольчик звенит. Чья-то нужда стучится. Посылаешь мысль, но дойдет ли? Какие взрывы, какие ужасы воспрепятствуют? Какая злая воля встанет преградой? Безмерна злобность, все пресекающая.

«Податься некуда», – жалуется чье-то измученное сознание. «Никто не пожалеет», – впадает в сомнение одинокий. И как рассказать, что одиночество не существует? Каким спешным словом послать ободрение. Такое ободрение, которое не показалось бы отвлеченным, нежизненным.

Прежде пошлем о мужестве. Оно как озон прочистит атмосферу и прогонит призраки. «От ночных призраков освободи». Молятся, вызывают люди, но мужество должно зародиться в сердце. Должно прочно отложиться в глубинах сознания. «Страха не боюсь. Смерти не страшусь», – поет герой.

*Лист дневника. № 285
10 сентября 1941 г.*

СВОБОДА ПОЗНАНИЯ

Суеверия, предрассудки, предубеждения во всех веках одолевали человека. Всегда находились своеобразные инквизиторы, желавшие втиснуть истину в свои клещи. Познавание всегда бывало ограничено под страхом костра. Несчетны костры, пылавшие и справа и слева. Множество полезнейших научных находжений горело на потеху толпы. Жгли Джордано Бруно, уничтожали Лавуазье, убили Сократа, продавали в рабство Платона.

Длинен синодик невежественных уничтожений. Напрасно лучшие умы взывали об освобождении науки. Толпы кричали о свободе и изгоняли Аристида, утесняли Аристотеля, Пифагора, Перикла.

И не в глубокой древности искать примеры. На нашем веку Академия наук преследовала Менделеева. Не от сладкой жизни ушел Мечников. Послушайте «воплъ в пустыне» Пирогова. Может быть, теперь наука освободилась? Ведь сейчас все кричат о свободе и справедливости. «Ну еще не совсем победа!» Можно привести по-прежнему множайшие печальные примеры суеверий, хотя бы они и прикрылись различными терминами.

Взять хотя спор о материи и духе. Кто сказал, что эти понятия различны и даже противоположны? Из давних времен звучит простейшее и убедительнейшее доказательство единства материи и ее трансмутации. Лед, вода и пар! Разве это не очевидно?

И почему высшие, тончайшие слои материи будут противны ее единству? Пусть сама природа со всею очевидностью раскрепостит науку и освободит мысль.

Прав Энгельс, когда без отрицаний говорит в своей «Диалектике природы», что задача науки заключается в том, чтобы раскрыть нам то, чего мы не знаем. А «при отрицании прекращается всякая наука». Ленинцы пусть помнят завет о диалектическом материализме. Диалектизм есть живое, познающее, развивающееся понятие. Он не есть мертвенное отрицание, он в основе полон допущения и свободного исследования. И еще пусть доброжелательно помнят завет Ленина о том, что так неотложно: «Первое – учитесь! Второе – учитесь! Третье – учитесь!» Долой суеверия, предрассудки, предубеждения!

*Лист дневника № 399
28 апреля 1943 г.*

ГЕРОИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

... Каждая весть теперь, как неожиданный подарок. Даже мирные Швейцарские горы уже почти недосыгаемы. Португалия почему-то вовсе замолчала. Женевский журнал еще доходит, но Коимбра замолкла, точно бы там ничего не происходит. Если пошлю Вам последние мои очерки – вряд ли они дойдут. Давно хотел послать Вам темпера, но это уж совсем невозможно. Даже книги в Америку запрещено посылать. Все становится труднее.

... Вот Вы определяете мое искусство, как героический реализм. Мне радостно такое определение. Подвиг, героизм всегда были зовущими. Истинный реализм, утверждающий сущность жизни, для творчества необходим. Не люблю антипода реализма – натурализма. Никакой сущности природы он не передает, далек он от творчества и готов гоняться за отбросами быта. Печально, что так долго не отличали натурализма от реализма. Но теперь это различие утвердилось. Это даст здоровый рост будущим направлениям искусства.

Истинный реализм отображает сущность вещей. Для подлинного творчества реализм есть исходное восхождение. Иначе всякие паранойные тупики не дают возможности новых нарастаний. Без движения не будет и обновления, но новизна должна быть здоровой, бодрой, строительной.

Упаси от абстрактных закоулков. Холодно жить в абстрактных домах. Не питает абстрактная пища. Видали жилища, увешанные абстракциями... Жуткие предвестники! Довольно! Человечество ищет подвига, борется, страдает... Сердце требует песнь о прекрасном. Сердце творит в труде, в искании высшего качества.

Жизнь двинула такие грозные реальности, что им будет созвучен лишь истинный реализм. Хитрым загибом, перегибом, изгибом, не преоборешь ужасов, затопивших смятенное человечество. Ближайшее будущее не сулит быстрого оздоровления.

Шатается Культура. Близится пустыня знания. Призрак голода бродит по миру. Жестокосердие иссушило. Беда порождает беду. В лохмотьях скитается бедствие. Бесчисленны жестокие драмы людские. Всякие эпидемии, мании, мегаломании не дремлют. Неразрешимы судьбы.

Среди такого хаоса художники могут поднять знамя героического реализма. Зычно позовут они к нетленной красоте. Утешат горе. Кликнут к подвигу. Пробудят радость. Без радости нет и счастья. А ведь о счастье мечтает и самый нищий убогий. Мечту о счастье не отнять у человека. Художники всех

Областей, помогите!

Лист дневники №451

1 января 1944 г.

ВПЕРЕД

Благодарю судьбу за добрые знакомства с Роденом, Морисом Дэни. Ходлером, Галлен-Каллелой. Бренгвином, Сарджентом¹, Тагором – все они разные, все они крупные, все они бились в жизненных битвах и преодолевали. Из них, кажется, еще живы Дэни и Бренгвин – а может быть, и не живы, – теперь сведения о культурных деятелях так скудны и случайны.

Тоже совсем разные Пюви де Шаванн или Кормон. Но оба внесли житейский опыт. Хорошо, что пришлось сблизиться с Горьким, Григоровичем, Андреевым, Станиславским, Римским-Корсаковым, узнал Стасова, Ключевского, Верещагина. Узнал Льва Толстого, Репина, Куинджи. Все эти встречи неповторимы, и каждая дала незабываемый оплот в жизни.

Вот толстовское напутствие «Гонцу» – «пусть выше руль держит, тогда доплывет». Нелегко в бурю руль высоко держать, но вспомнишь завет – завет мудрый – и подтянешься.

¹ **М. Дени** – Дени, Морис (1870–1943) – французский художник.

Ходлер – Ходлер, Фердинанд (1853–1918) – художник, крупнейший мастер нового швейцарского искусства, способствовавший созданию собственной швейцарской школы живописи.

Галлен-Каллела – Галлен-Каллела, Аксель (1865–1931) – крупнейший финский художник.

Бренгвин – Бренгвин, Фрэнк (1867–1956) – один из крупнейших художников Великобритании XX века, утверждавший на английской почве принципы большого, связанного с современной жизнью реалистического искусства.

Сарджент – Сарджент, Джон Синглер (1856–1925) – американский живописец и график. Писал портреты, жанровые картины, исполнил росписи, которым присущи черты стилизации.

А бури-то все грознее, и нет в тучах просвета. В грозе и молнии Родина, любимая Родина побеждает врага.

«Не замай!» – перед войною говорили мы врагам. Напоминали грозные примеры истории, но видно, судьбе угодно было явить народ русский великим победителем – на страх всем врагам. «Не замай!» Руси. Но испытай на себе необоримую мощь Русского воинства, мощь всенародную.

Строитель новой жизни народ русский, все народы необозримой целины умеют быть друзьями, но не сделай их врагами – тяжела их десница, и несломимо их мужество. Народ Русский помнит напутствие Сергия Радонежского Дмитрию Донскому перед Куликовой битвой: «Если испытал все мирные средства – тогда сразись, и победишь!»

Русь всегда склонная к мирному преуспеянию, но остерегись разгневать ее, остерегись вторгнуться в ее священную землю. «Проснулись богатыри!» И уже не задремлют на несменном дозоре. Светлое будущее, светлое добротворчество! Творческий труд всенародный!

За тысячью туманов есть гора, где человек человеку не враг, но друг.

Лист дневника № 525

24 марта 1945 г.

ВЗЛЕТЫ

Высоки взлеты науки. Странно подумать, что многим областям познания едва ли исполнилось сто лет. Сколько мучеников науки запечатлелось в течение веков! Сперва жгли на кострах, потом подвергали психическим пыткам. Да и теперь везде ли освобождена мысль? Свободно ли творчество? Нет ли прорыва между верхами и низами? Такие расселины могут задерживать караван.

Велик Ленин в своем приказе: «Учиться! Учиться! Учиться!» Велик он в призыве к движению, к вечной диалектике. Эта подвижность, бесстрашие, одоление невежества есть завет истинного созидателя. Мир в его вечном становлении, в неудержном движении изучаем с точки зрения диалектики. Ничто мертвенное не должно омрачать понятия жизни.

Да наука устремляется к открытию новых подходов к понятию пространственных энергий. Солнечные пятна, спектроанализ, астрохимия уже не алхимические «бредни», но данные научной лаборатории. Невежды уже не назовут овладение атомной энергией безумными фантазиями. Уже не будут глумиться над возможностью жизни на планетах. Не скажут мертвое слово о том, что «все уже найдено».

Народные множества уже преодолели суеверия, а ведь их много было и среди цивилизованных дикарей. Самое ужасное зрелище являет цивилизованный дикарь, отрицатель, вредитель всего молодого, устремленного к новым исканиям. «От каждого по способности, каждому по надобности». Такого завета не поймет дикарь-запретитель. Он знает лишь ограничения, запреты. Его словарь начинается с отвратительного «нет», и зовущее «да» не входит в его мышление. И машинно его мышление. Он накрепко запер себя на какой-то подробности и заслонил свет неустанного свободного познания.

Разве о трюизмах говорим? Какие там трюизмы, когда Земля трещит под дикарской ступнею. Счастье, если бы уже можно было назвать цивилизованного дикаря трюизмом. Но увы! Не трюизм он, но труп повапленный, хотя бы и надел фрак. Прежде почему-то хоронили во фраках, да еще с орденами.

Но обратимся к великому кличу народа русского: «Учиться, учиться, учиться!». Отметим все гнилое и охраним все прекрасное. Чудесные взлеты науки уже не будут отдельными взлетами, но обратятся в дружный вихрь блестящего преуспеяния. Народ русский привык побеждать. Герои высоко подняли Знамя Победы, никто не отнимет его. А за ним развевается Знамя Мира, Знамя Культуры, и герои труда в подвиге укрепят стяг всенародный. Экое славное русское слово «подвиг». В нем и движение, и творчество, и преуспеяние. Именно русскому народу довлеет подвиг.

*Лист дневника № 586
24 мая 1946 г.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СЕЯТЕЛИ

Леонид АНДРЕЕВ, писатель

Рерихом нельзя не восхищаться, мимо его драгоценных полотен нельзя пройти без волнения... Ибо богатство его красок беспредельно, а с ним беспредельна и щедрость, всегда неожиданная, всегда радующая глаза и душу; видеть картину Рериха – это всегда видеть новое, то, чего вы не видели никогда, даже у самого Рериха.

И оттого путь Рериха – путь славы. Лувр и музей Сан-Франциско, Москва и Вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений; и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику.

И еще одно, важнейшее, можно сказать о мире Рериха – это мир правды. Как имя этой правды, я не знаю – да и кто знает имя правды? Но ее присутствие неизменно волнует и озаряет мысли особым, странным светом. Словно снял здесь художник с человека все наносное, все лишнее, злое и мешающее, обнял его и землю нежным взглядом любви – и задумался глубоко. И задумался глубоко, что-то прозревая...

Олег АНТОНОВ, авиаконструктор

Люблю искусство Рериха и бесконечно восхищаюсь им. Это вечность и красота.

Константин ЮОН, художник

Знания ученого и глубокая интуиция большого художника лежали в основе замечательных картин. Эмоциональное искусство Рериха почти непередаваемо словами – оно для глаз и для души.

Среди литературного наследия Рериха значительное место занимают письма. Эти письма-очерки, в которых художник часто прибегает к иносказанию, метафоре, адресованы и конкретному лицу, и одновременно самой большой аудитории. Поэтому для

нас не имеет особого значения выяснение их адресата.

В письме-очерке «Сеятели» Рерихом ясно сказано: «Если бы каждый из нас, хотя бы на час, почувствовал, что ему делать нечего и мыслить не о чем, то ведь это уже был бы час умирания. В делании, в творении, в работе мысли Вы и остаетесь молодыми, и Вас хватит на все полезное». Эти слова как нельзя лучше характеризуют их автора.

В самом деле, прожив семьдесят три года, он сделал так много, словно вообрал в себя сразу несколько жизней. В нем соединились художник, ученый, поэт, педагог, общественный деятель, путешественник. Каждая область приложения его таланта заслуживает самых капитальных исследований. И каждую невозможно рассматривать вне связи с остальными.

Четыре из пяти видов изобразительного искусства были родной стихией художника: живопись, графика, декоративно-прикладное искусство и даже архитектура. Он применял самые разнообразные средства выражения замыслов – писал и рисовал маслом, темперой, пастелью, акварелью, гуашью, тушью, карандашом, углем и другими материалами.

Рерих был выдающимся мастером композиции, которая в реалистическом произведении не существует сама по себе, не живет помимо содержания и не заслоняет его. Композиция является важнейшим средством достижения образной выразительности и убедительности. Она имеет свои законы, постичь которые может лишь художник, знающий жизнь, природу, людей, способный к глубоким обобщениям, умеющий увидеть типичное, характерное.

Композиция есть продукт творчества, о котором Рерих в этой главе так замечательно говорит. Все сеятели, то есть творцы красоты, все посеявшие на земле доброе, светлое, были и есть людьми творческими. Творчество, знание, труд, искусство – вот чем живет сеятель, что составляет самое его существо.

Среди сеятелей Рерих называет выдающихся художников, музыкантов, писателей разных стран и времен. Величие их – в соединении мастерства художественного воплощения с человеколюбием, желанием принести радость окружающим.

Рерих удивительно тонко чувствует людей, их натуру, индивидуальность, замечательно точно характеризует их творчество. Со многими выдающимися современниками он встречался или сотрудничал. На всю жизнь запомнились ему встречи с Л. Толстым, Н. Римским-Корсаковым, И. Репиным, М. Горьким, Р. Тагором, В. Стасовым...

Многие из тех, о ком вспоминает Рерих в своих дневниках, статьях, письмах, высоко отзывались о нем самом, о его творчестве. Например, в 1902 году художник писал жене из Москвы, где на выставке экспонировались его картины: «Суриков просто чуть не до слез тронул меня – таких хороших вещей наговорил... Если бы он знал, какую радость он мне доставил!» По инициативе другого выдающегося живописца – В. А. Серова – картина Рериха «Город строят» перешла с выставки в собственность Третьяковской галереи.

С искренней симпатией и уважением относился к Рериху М. Врубель; А. Куинджи аккуратно подшил и до самой смерти бережно хранил сто писем своего любимого ученика. Очень ценили творчество Рериха Л. Андреев, К. Станиславский, Ф. Шаляпин и многие-многие другие русские и зарубежные деятели культуры.

Рерих был убежден, что в основе творчества любого художника должны быть национальные начала, обогащенные достижениями мировой культуры. Его собственное искусство сформировалось под сильнейшим воздействием древнерусской живописи и миниатюры, традиции которых он по-своему переработал и продолжил.

Подлинный сеятель – всегда учитель, воспитатель. Таким был Куинджи. Таким был и Рерих.

СЕЯТЕЛИ

Среди пустынных нагорий Монголии, где уже не видно ни единого дерева, каким-то чудом остался вяз, по-туркестанскому карагач. Сохранился ли он потому, что притаился в овраге, оживила ли его ближняя дождевая промоинка, но он уцелел. Какие-то злые люди отпилили и обломали некоторые ветки, но все же не дерзнули свалить все дерево.

Не только уцелел вяз как напоминание о бывших здесь лесах, но и занялся полезной деятельностью – разбросать и засеять окружающие его склоны молодыми отпрысками. Среди ирисов, востреца, дерасуна темнеют многие кустики вязовые. Если не произойдет здесь обвала или не пройдет жестокосердная рука истребителя, то в будущем окажется целая вязовая роща. Так неустанно трудится дерево, стремясь и в опустошенной почве опять создать жизнь.

По окрестностям можно находить пни и корни бывшего леса. Конечно, не природа, но людская невежественная жестокость расправилась с этими охранителями жизни. Пусть деревья не надобны после известной высоты, когда их жизнедеятельность уже планомерно заменяется качеством праны¹ горной. Но ниже этих вершин пусть не поднимается жестокая рука, искоренившая всякую жизнь. Пусть навсегда укрепится сознание о всех жизнедеятелях и жизнехранителях.

Вы пишете, что времени не хватает отвечать на всю разнообразную корреспонденцию. Пишете, что двух рук мало для того, чтобы переделать все, что надлежит, в течение дня. Вспомните об этом вязе, который устоял среди всевозможных опасностей и, несмотря ни на что, продолжает благое дело сеятеля. Глядя на спиленные и обломанные нижние ветви, можно представить себе, сколько раз злонамеренная рука подбиралась к дереву. Но все-таки вместо уничтожения произошел посев целой вязовой поросли. Если дерево может, несмотря ни на что, продолжать благотворную работу, то тем более люди не могут быть разочарованы и отпугнуты всякими безобразными личинами. Очень рад слышать, что у Вас времени мало. Когда времени мало, оно становится ценным, и, поверьте, его хватит на все. Много времени лишь у ничего не делающих. Если бы каждый из нас, хотя бы на час, почувствовал, что ему делать нечего и мыслить не о чем, то ведь это уже был бы час умирания. В делании, в творении, в работе мысли Вы и остаетесь молодыми, и Вас хватит на все полезное. Также представьте себе, что каким-то способом Вы были бы лишены возможности постоянного делания, ведь Вы не могли бы далее существовать вообще. Труд, живой и ведущий к жизни, отошел бы – вот было бы истинное несчастье! Организм, уже устремившийся к труду, немедленно разложился бы под смрадным дуновением безделья.

Труд, постоянное делание, творение есть лучшее тоническое лекарство. В этой панацее не будет включено никаких наркотиков, не потребуется никакого опьянения, но здравая,

¹ «... заменяется качеством праны...» – Прана – дыхание, жизнь, дух, душа. По учению йогов, всемирное начало энергии и жизненной силы в человеке.

ясная радость будет источником долгой, плодотворной жизни.

Может быть, кто-то, если скажете ему о Вашей занятости, пожалеет Вас. Такое жаление будет лишь по неведению. Именно будем всегда радоваться каждому делателю, каждому творцу, каждому сеятелю. Даже если пахарь и сеятель возбуждают чье-то соревнование и завистливое негодование, то это будет только еще одним стимулом полезного труда. Марафон творчества! Марафон труда!

Вы пишете, что люди удивляются, как многое сделано в краткий срок. Скажите им, что это происходит потому, что требуется очень мало времени скушать Ваши две морковки (как Вы говорите) и вместо бездействия опять погрузиться в радостную для Вас работу. Без нее Вы и не могли бы жить. Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной. Если на одном секторе деятельности заметятся какие-то временные препятствия, то Вы знаете, что во всем круге работы всяких секторов великое множество. Потому не пойте «На реках вавилонских»¹ не от сидений, но от бодрой, неизбывной творческой работы.

Ростов Великий Церковь на Ишне. 1903 г.

Хотя Вам, как Вы пишете, и трудно успеть ответить на все разнородные письма, но все же найдите в себе бодрость не оставить этих пишущих в неведении и не создать впечатления отчужденности. Мог бы Вам привести многие примеры, как именно чрезвычайно занятые люди всегда немедленно отвечали на письма. Они и не могли запускать это, ибо иначе плотины прорвались бы от накопившихся застоев. Вспоминая о железной дисциплине работы, приведем себе на память хотя бы Бальзака или тех обильных творцов литературы, которые находили время решительно на все. Не забудем, что Ришелье, среди множайших трудов, писал целые драмы. Вспомним, чего только не успевал сделать Ломоносов! Да мало ли таких примеров.

Пусть навсегда останется отличием наших культурных учреждений любовь к труду, стремление к постоянному деланию, желание полезных посевов. Пусть во всем будет избегнута формальность и поденщина. Все, от мала до велика, одинаковые трудники, и трудятся не за страх, а за совесть, или, вернее, за радость. Ведь если кто не познал эту радость, значит, он еще не подумал о том, что есть просвещение во всех областях, на всех полях, во всех возможностях. Буду рад слышать, что Вы по-прежнему завалены перепискою, что времени у Вас не хватает на все, что хотелось бы Вам сделать. В этом неукротимом желании делания будут Ваша сила и молодость.

1934–1935 гг.

¹ «... на реках вавилонских...» – библейский псалом, повествующий о пленении древних евреев в Вавилонии. Существуют многочисленные поэтические и музыкальные переложения этого псалма.

ТВОРЧЕСТВО

Лизипп¹, прежде чем сделаться ваятелем, был подмастерьем кузнеца. Печаль мыслящей души и горести голодного тела не иссушили сердца великого художника. Нет той засухи, которая может уничтожить зерно творчества, готовое процвести. В самых тяжких трудах народная песня звучит призывом к обновленному творчеству. Заложено оно в качестве каждого труда. Искусство, знание, труд – сыны того же творчества, ведущего, возводящего.

Задачи искусства с древнейших времен характеризованы самыми различными словами. Как бы ни были разнообразны эти определения, но сущность их всюду сквозит одна и та же. От искусства прежде всего требуется убедительность. Говорят, что для убедительности нужно увидеть красиво. Так оно и есть. Увидеть красиво – это значит и понять наилучшую композицию. Что же такое есть эта композиция? Много говорилось об условном, умышленном сочинении. Говорилось о тенденции, о претенциозной сюжетности, вообще, много раз люди хотели выразить свое справедливое негодование против чего-то, что, по их мнению, отягощало и обескрыливало высокое понятие творчества.

Действительно, бывает условное сочинение. Такая композиция всегда будет, в конце концов, утомлять и надоедать. Это будет искусственная композиция. Но существует и другая композиция, естественная и словами нереченная. Художник может увидеть так четко и строительно, что из его песни, как говорится, слова не выкинешь. Именно так, как бывает в природе, когда самые разнообразные элементы сочетаются в полном согласии. Когда рассматриваешь группу кристаллов, то всегда можно удивляться, как даже при неожиданности форм они образуют стройное, убедительное целое. Так бывает и во всем художественном творчестве. Произведения бывают так естественно кристаллизованы, что даже рассуждения о композиции вообще отпадают. В таком кристалле творчества выразится и та убедительность, которая может быть очувствована, но слова будут бессильны ее выразить и дать о ней какой-нибудь рецепт. Картину, естественно построенную, вы не урежете и не прибавите. Вы не передвинете ее части не оттого, чтобы не нарушить «симметрию», но чтобы не лишить ее жизненного равновесия. Вам захочется жить с такой картиной, ибо в ней вы будете находить постоянный источник радости. Каждый предмет, источающий радость, уже представляет истинную драгоценность. Вам безразлично, к какой школе или к какому течению будет относиться этот предмет искусства, – он будет убедительным проводником Прекрасного и даст вам часы, в которые вы полюбите жизнь. Вы будете признательны тому, кто помог вам улыбнуться жизни, и будете беречь этот иероглиф Красоты. И вы станете добрее, не сухим приказом морали, но творческим излучением сердца. В вас пробудится Творец, сокрытый в недрах сознания.

Наука, в ее лучших открытиях, оказывается уже искусством. Такие поразительные научные синтезы навсегда запечатлеваются в человеческом мозгу как нечто покоряюще убедительное. Тогда наука уже не является условной синхронизацией фактов, но победительно устремляется в область новых познаний и ведет за собою человечество.

Творчество, будет ли оно в знании или в искусстве, словом, во всех областях, руководимых музами классического мира, оно будет увлекательно, то есть убедительно. Наука уже входит в такие необъятные области, как мысль. При этом обнаруживается, что мысль действует по каким-то законам, еще не произнесенным человеческими словами, но уже ощущаемым в ряде производимых сейчас опытов. Ум мыслителя будет творческим.

От искусства постоянно требовали, чтобы оно было творческим. Это требование более чем справедливо. В конце концов, искусство и не может быть не творческим. Будет ли то сложнейшая картина, будет ли это пейзаж, будет ли это портрет, но раз это произведение выйдет из-под руки подлинного художника, оно будет творческим. В сложности современных понятий, может быть, и само понимание творчества раздробилось. Иногда люди начинают полагать, что творчество должно выражаться в формах, не имеющих ничего общего с реальностью. Все еще помнят шутку, подстроенную на одной французской выставке, где картина оказалась написанной хвостом осла. В поисках творчества люди иногда начинают вместо освобождения (ибо творчество должно быть свободно) искать каких-то новых ограничений и условных рецептов. При этом забывается самое основное условие творчества – творчество прежде всего не терпит ничего условно навязанного и

¹ Лизипп – Лисипп – древнегреческий скульптор из Сикиона, придворный мастер Александра Македонского, крупнейший художник второй половины IV века до н. э.

самоограничительною.

Для примера вспомним хотя бы Гогена. Можно ли его назвать условным и нарочитым? Именно в свободе творчества Гоген перешагнул за все рамки сюжета или каких-либо ограничительных технических правил. Гоген всегда остается творческим художником, иначе говоря, всегда остается убедительным подлинным мастером. Сила убедительности Гогена не в каких-либо рецептах и рассудочно придуманных правилах. Он творил так же, как поет птица, которая не может не петь, ибо ее песнь есть выражение ее сущности. Убедительность Гогена живет в том, что он был способен увидеть каждую свою картину, как часть творческой природы.

Таинственное видение картины, именно так, как нужно, именно так, как убедительно, будет всегда далеко, за пределами технических правил. Творцы всех времен и народов создавали произведения, не только интуитивно увидев ею в лучшем выражении, но они распространяли свое творчество и на самый материал, из которого они работали. Ваятель, уже увидев глыбу мрамора, творил из нее в лучших пределах. Художник-резчик пользовался каждым качеством куска дерева, чтобы слить его с образами, явившимися творческому глазу. Живописец интуитивно выбирал красочный материал для каждого своего выражения. Художник не мог бы потом объяснить, почему именно ему требовалась масляная живопись или темперная, или акварельная, или пастель. Так было нужно. Почему оратор повышает и понижает свои интонации? Почему музыкант находит те несказуемые чарующие гармонии, которых он и сам не может уже повторить?

Сейчас много говорят об интуиции. Пишутся труды об интуитивной философии. Ищутся решения проблем не только в вычислениях, но и в интуитивном синтезе. Один художник говорил: «Сделайте так, чтобы поверили». Другой, рассуждая о некотором реалисте, говорил, неужели он должен изобразить даже и всю придорожную грязь, потому что она в реальности существует? Но в то же время не будем говорить и против реализма. Ведь реализм есть стремление к действительности. А действительность дает и ту убедительность, которую нужно увидеть красиво.

Нижний Новгород. Кремлевская башня. 1903 г.

За последнее время также много говорилось о синтезе искусства. В изобразительных искусствах синтез есть не что иное, как конденсация всех добрых возможностей. Однажды Брюллов в шутку говорил, что искусство чрезвычайно легко: «Стоит взять нужную краску и положить ее в нужное место». Мастер и большой техник, в сущности, сказал правду. Именно, нужно положить краску и сделать так, как нужно. А нечто подскажет, что есть это «нужно». Мастер знает, что иначе и нельзя было бы сделать, а когда вы спросите его, по каким таким законам и правилам он сделал именно так, а не иначе, то никакой художник не объяснит вам, в силу каких законов он поступил так.

Сопоставляя произведения разных времен и народов, мы видим, что нередко самые, казалось бы, разнородные произведения отлично уживаются в общем сочетании. Можно легко себе представить, как некоторые примитивы и персидские миниатюры, и африканское искусство, и китайцы, и японцы, и Гоген, и Ван Гог могут оказаться в одном собрании и даже на одной стене. Не материал, не техника, но нечто другое позволит этим совершенно различным произведениям ужиться мирно вместе. Все они будут истинно творческими произведениями. При этом все роды искусства: и скульптура, и живопись, и мозаика, – словом, решительно все, в чем выразился творческий порыв мастера, будут друзьями, а не взаимно исключаящими врагами. Каждый из нас нередко слышал взаимоисключающие суждения. Кто-то говорил, что он понимает лишь старинную школу. Кто-то запальчиво возражал, что все должно быть в движении, и потому он радуется лишь модернистам, хотя бы и в резких их проявлениях. Кто-то почитал лишь масляную живопись, а другие преклонялись перед легкою акварелью. Кто-то уверял, что он любит лишь «законченные картины», а другие говорили, что для них дороже всего эскизы, как первые одухотворенные порывы творца. Кто-то хотел восхищаться лишь монументальными творениями, но другие любовно улыбались миниатюрам. Одни ограничивали себя грандиозом, а другие находили

отдых души и в малых художественных библиотечках. Означают ли всякие такие ограничения и ограниченность души любителя? Или же, может быть, эти любители просто засорили свои возможности?

Очень часто и любовное, и собирательное зависят от какого-то случайного первого толчка. Когда-то человек, может быть, услышал о том, что картина писана масляными красками, и это выражение запало в его мозг. Ребенок в семье услышал поразившее его слово об акварели – может быть, ему дали ящик с акварельными красками, – и из случайного начала потом сложилось внимание именно к этому материалу. Во всех проявлениях жизни, а в особенности в художественных импульсах, часто приходится встречаться с начальной случайностью. Конечно, эти «случайности» часто оказываются далеко не случайными. Человек зазвучал именно на то, а не на другое, и в этом, может быть, выразились его спящие накопления. Пришла весна, и естественно распустились почки, долго спавшие в зимних холодах. Началось новое творчество!

Какое прекрасное слово «творчество»! На разных языках оно звучит зовуще и убедительно. Оно в самом себе уже говорит о чем-то скрыто возможном, о чем-то победительном и убедительном. Настолько прекрасно и мощно слово «творчество», что при нем забываются всякие условные преграды. Люди радуются этому слову, как символу продвижения. Веление творчества покрывает собою все рассудочные шептания о правилах, о материалах, обо всем том, о чем часто рычит пресекающее слово «нельзя». Творчеству все можно. Оно ведет за собою человечество. Творчество есть знамя молодости. Творчество есть прогресс. Творчество есть овладение новыми возможностями. Творчество есть мирная победа над косностью и аморфностью. В творчестве уже заложено движение. Творчество есть выражение основных законов вселенной. Иначе говоря, в творчестве выражена красота.

Сказано, красота спасет мир. Этой формуле улыбались и сочувственно, и осудительно, но опровергнуть ее никто не мог. Есть такие аксиомы, которым можно удивляться, но не опровергнуть их нельзя. Человечество мечтает о свободе, оно пишет этот великий иероглиф на фронтонах зданий. В то же время человечество пытается всеми мерами ограничить и снизить это понятие. Великая свобода мысли явлена в истинном творчестве. Истинным же будет то, что прекрасно и убедительно. В тайниках сердца, за которые ответствен сам человек, заложено верное суждение о том, что есть истинная убедительность, что есть творчество, что есть Красота.

«Не картина, но правда», – говорил Веласкес.

1937 г.

МАСТЕРСКАЯ КУИНДЖИ

«... Мощный Куинджи был не только великим художником, но также был великим Учителем жизни. Его частная жизнь была необычна, уединенна, и только ближайшие его ученики знали глубины души его. Ровно в полдень он восходил на крышу дома своего, и, как только гремела полуденная крепостная пушка, тысячи птиц собирались вокруг него. Он кормил их из своих рук, этих бесчисленных друзей своих: голубей, воробьев, ворон, галок, ласточек. Казалось, все птицы столицы слетались к нему и покрывали его плечи, руки и голову. Он говорил мне: «Подойди ближе, я скажу им, чтобы они не боялись тебя». Незабываемо было зрелище этого седого и улыбающегося человека, покрытого щебечущими птичками; оно останется среди самых дорогих воспоминаний. Перед нами было одно из чудес природы; мы свидетельствовали, как малые птички сидели рядом с воронами и те не вредили меньшим собратьям.

Одна из обычных радостей Куинджи была помогать бедным так, чтобы они не знали, откуда пришло благодеяние. Неповторяема была вся жизнь его. Простой крымский пастушок, он сделался одним из самых прославленных наших художников исключительно благодаря своему дарованию. И та самая улыбка, питавшая птиц, сделала его и владельцем трех больших домов. Излишне говорить, что, конечно, все свое богатство он завещал народу на художественные цели».

Так вспоминалось в записном листе «Любовь непобедимая». А в «Твердыне пламенной» сказалось:

«Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», – говаривал мой

учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей: жизнь в недотрогах не нуждается!» Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы света с тьмою.

Пришел к Куинджи с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться:

- Семья, служба мешают искусству.
- Сколько вы часов на службе? – спрашивает художник.
- От десяти утра до пяти вечера.
- А что вы делаете от четырех до десяти?
- То есть как от четырех?
- Именно от четырех утра?
- Но я сплю.

Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день.

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпаса стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, полные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное – избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве!

Помню, как Общество поощрения художеств пригласило меня после окончания Академии художеств помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать».

Сорок лет прошло с тех пор, как ученики Куинджи разлетелись из мастерской его в Академии художеств, но у каждого из нас живет все та же горячая любовь к Учителю жизни. В каждой статье об искусстве приходят на память всегда свежие заветы Учителя, уже более четверти века ушедшего от земли. Еще в бытность нашу в академии Щербов изобразил в карикатуре нашу мастерскую; для обстановки Щербов взял мою картину «Сходятся старцы», но карикатура лишь подчеркнула нашу общую любовь к Учителю. Когда же в 1896 году президент академии обвинил Куинджи в чрезмерном влиянии на учащихся и потребовал его ухода, то и все ученики Куинджи решили уйти вместе с Учителем. И до самой кончины Архипа Ивановича все мы оставались с ним в крепкой любви, в сердечном взаимопонимании и содружестве.

И между собою ученики Куинджи остались в особых неразрывных отношениях. Учитель сумел не только вооружить к творчеству и жизненной борьбе, но и спаять в общем служении искусству и человечеству. Сам Куинджи знал всю тяготу борьбы за правду. Зависть сплетала о нем самые нелепые легенды. Доходило до того, что завистники шептали, что Куинджи вовсе не художник, а пастух, убивший в Крыму художника и завладевший его картинами. Вот до чего доползала змея клеветы! Темные люди не могли переварить славу Куинджи, когда статья о его «Украинской ночи» начиналась словами: «Куинджи – отныне это имя знаменито». Писали о Куинджи и дружили с ним такие люди, как Тургенев, Менделеев, Достоевский, Суворин, Петрушевский... Одни эти имена уже обостряли язык клеветы... Но боец был Куинджи. не боялся выступать за учащихся, за молодых, а его суровые, правдивые суждения в совете академии были грозными громами против всех несправедливостей. Своеобычный способ выражений, выразительная краткость и мощь голоса навсегда врезались в память слушателей его речи. В недавних газетах сообщалось, что в Русском музее отведен целый зал произведениям Куинджи. Народ помнит о своих ценностях.

Хранят нерушимо память об Учителе и все разлетевшиеся ученики, укрепившие имена свои на страницах истории искусства.

Вильгельм Пурвит стал прославленным художником и главою академии в Латвии. Чуткий колорист Пурвит, как никто, запечатлел весеннее пробуждение природы. Передал снега, обласканные солнцем, и первые листья берез, и звонкие ручьи... На днях в газете «Сегодня» Пурвит говорил о красотах Латгалии; читая его ласковые слова о родной природе, мы опять видели перед собой славного, углубленного Пурвита, точно и не было прошедших сорока лет.

Привет Пурвиту.

Фердинанд Рушиц стал корифеем польского искусства. Старый город Краков гордится им, и во многих странах знают его героические произведения. Именно героичность звучит в картинах Рушица. И в пейзажах, и в старых городах, и в самых твердых, уверенных красках утверждена сила художника. В 1903 году в Вильне последний раз встретились с Рушицем. Но словно бы и не пробежали эти десятки лет.

Привет Рушицу.

Росток Великий Дверь церкви на Ишне. 1903 г.

Аркадий Рылов укрепил себя на одной из лучших страниц русского искусства. «Зеленый шум» Рылова обошел все художественные издания. Русские музеи хранят его картины, а многие ученики его сохраняют о нем сердечную память. Работали мы с Рыловым и после академии семнадцать лет в Обществе поощрения художеств. Как прекрасно вел он свои классы, и как любили его ученики! Русскую природу он любит, знает и умеет передать эту несломимую любовь своим ученикам. Рылов – заслуженный деятель искусств – еще

недавно, после смерти Горького, так прекрасно писал в «Красной газете» о памятнике великому писателю, о народном творчестве! Рылов умеет ценить народные сокровища. Уже шестнадцать лет не виделись мы, но, как вчера, вижу дорогого друга.

Привет Рылову.

Николай Химона подтвердил собою лучшие основы Греции. И с ним мы работали шестнадцать лет в лучшем согласии. Он умел хранить заветы Учителя. В 1930 году в Лондоне была его посмертная выставка. Сильны и свежи были его пейзажи. Снега, реки, весенние холмы, а также и знаки дальней его родины – Греции.

Привет Химоне.

Константин Вроблевский любил Карпаты, Украину. И с ним дружно работали мы в Школе Общества поощрения художеств. Верный в слове, твердый в работе, Вроблевский был близким для учащихся.

Привет Вроблевскому.

Константин Богаевский – певец Крыма – дал свой, неповторенный стиль. Помнится статья Волошина о Богаевском. Незабываемы характерные скалы и старые башни Тавриды и совершенно особая схема колорита.

Привет Богаевскому.

И Латри любил Крым. Элегия и величавость запечатлены в его картинах, в глубоком тоне и спокойе очертаний. Слышно было, что Латри был в Париже и увлекался прикладным искусством. Едино искусство и всюду должно внести красоту жизни.

Привет Латри.

Виктор Зарубин дал любимые им Украину, Харьковщину, Межигорье с обозами, паломниками, с далями, полными его настроения. Странники по лицу земли уходят за холмы, блестят степные речки, залегли курганы, и шепчутся темные сосновые боры.

Привет Зарубину.

Не знаю, где Борисов – поэт Севера, баян льдов и полуночного солнца. Где Кандауров? Помним его «Скифскую могилу» в музее академии. Где Калмыков? Где Бровар? Педашенко? Курбатов? Воропанов? Но если бы встретились, то сорок лет минули бы незаметно. Ничто неприятное не может войти между учениками Куинджи. Свежи заветы Учителя.

В Индии почтен учитель – Гуру¹. Приходилось много раз писать о Куинджи, и друзья-индусы сердечно понимали память об Учителе.

Привет всем друзьям, ученикам Куинджи! Немалый, но незаметный срок – сорок лет.

15 октября 1936 г.

ВРУБЕЛЬ

Ярко горит личность Врубеля. Около нее много солнечного света. Много того, что нужно. Хочется записать о Врубеле.

Повидаться с ним не приходится. Стоит мне приехать в Москву, оказывается, он уже в Петербурге. Если прихожу на выставку, где он должен быть непременно, мне говорят: «Только сейчас ушел». И так несколько лет. Пока не знаю его, надо о нем записать. После знакомства впечатление всегда меняется. Сама внешность, лицо и то уже все изменяет; а слово, а мысль? И сколько раз горестно вспоминалось: к чему знать автора? Какой осадок на песне произведений часто остается от слова самого художника.

С Врубелем перемена к худшему не будет при знакомстве. Могут прибавиться личные черточки, собственные мысли Врубеля о своих задачах. Говорят, он человек редкой чуткости и обаяния. Все, что около него, тоже чуткое и хорошее. Хорошо, что так говорят; достойно, что так и есть. Это так редко теперь. Часто около новых творений стоят люди старые ликами и внутри некрасивые.

Около Врубеля ничто не должно быть некрасивым.

Светит свет и в нем, и на всем, что движется близко. Страшен нам священнейший культ мудрецов великой середины. Каким невыносимым должен быть среди него Врубель, середины не знавший. В холодном хоре убивающих искусство, как страшно звучит голос

¹ **Гуру** – санскритское «учитель». В Индии почитание учителя является основой всякого воспитания и образования.

Врубеля и как мало голосов за ним. Высокая радость есть у Врубеля: радость, близкая лишь сильнейшим; середина никогда не примирится с его вещами. Приятно видеть, как негодует мудрец середины перед вещами Врубеля. Не глядя почти на картину, спешит он найти хулу на искусство. Но крик его, правда, без разума; и в самом среднем сердце не может не быть искры, вспыхивающей перед красотой. Какую же хулу, грубую и бессмысленную, нужно произнести, чтобы скорей затушить светящую искру. Середина долго дрожит, долго колеблется после картин Врубеля. Не скоро мудрец середины остановится без хорошего и злого, без ангела и без дьявола, – ненужный, как ненужно и все строение его.

Какой напор нашей волны безразличия должен выносить Врубель? Ведь сейчас мы даже будто перестали уже негодовать на всякий непосредственный подход к подлинной красоте; ожесточение будет сменяться самодовольной усмешкой и неумными воображениями победы. Что делать и зачем делать таким, как Врубель, среди толпы, среди всей тяготы, запрудившей наше искусство?..

У нас так мало художников со свободной душой, полной своих песен. Надо же дать Врубелю сделать что-либо цельное; такую храмину, где бы он был единым создателем. Увидим, как чудесно это будет. Больно видеть все прекрасное, сделанное Врубелем в Киеве, больно подумать, что Сведомский и Котарбинский¹ и те имели шире место для размаха. Неужели, чтобы получить доступ сказать широкое слово, художнику прежде всего нужна старость?

Мы стараемся возможно грубее обойтись со всеми, кто мог бы двинуться вперед. И на одну поднятую голову опускаются тысячи тяжелых рук, ранее как будто дружелюбных.

Только Третьяков первое время поддержал Сурикова. Мало поняли Левитана. Мы загнали Малявина в тишину деревни. Мы стараемся по мере сил опорочить все лучшее, сделанное Головиным и Коровиным. Мы не можем понять Трубецкого. Выгнали Рушца и Пурвита на иностранные выставки. Ужасно и бесконечно!... Врубелю мы не даем размахнуться. Музей академии не знает его. Появление его маленького отличного «Демона» в Третьяковской галерее волнует и сердит нас. Полная история русского искусства должна отразиться в Русском музее, но Врубеля музей все-таки видеть не хочет. Только заботами кн. Тенишевой, украсившей свой отдел музея «Царевной-Лебедью», музей не остался вовсе чужд Врубелю. Странно. Мы во многом трусливы, но в искусстве особенно храбры маститые трусы; даже будущего не страшатся. Поражает наша неслыханная дерзость, не знающая даже суда истории...

Легко запоминаются многие хорошие картины. Много отзывается определенно сознательно. Наглядевшись вдоволь, через время опять хочется вернуться к хорошему знакомому и долго покойно сидеть с ним, и не страшит промежуток разлуки.

Но иначе бывает перед вещами Врубеля. Уходя от них, всегда хочется вернуться. Чувствуется всем существом, сколько еще недосмотрено, сколько нового еще можно найти. Хочется жить с ними. Хочется видеть их и утром, и вечером, и в разных освещениях. И все будет новое. Сами прелести случайностей жизни бездонно напитают вещи Врубеля, прелести случайные, великие лишь смыслом красоты. Какая-то необъятная сказка есть в них; и в «Царевне-Лебеди» и в «Восточной сказке», полной искр, ковров и огня, и в «Пане» с этими поразительными глазами, и в «демонах», и во всей массе удивительно неожиданных мотивов. Таинственный голубой цветок живет в этом чистом торжестве искусства. И достойно можем завидовать Врубелю. В такой зависти тоже не будет ничего нечестного. Так думаю.

Врубель выставил «Жемчужину». Останется она у Щербатова; ему нужны такие вещи в основу галереи.

Этим временем мы бывали на выставках; слушали лекции; не упустили спектакли, набирались всяких мнений. Мы были в «курсе» дела, в ходе жизни и жемчужины не сделали.

Врубель мало выезжал теперь; мало видел кого; отвернулся от обихода и увидал красоту жизни; возлюбил ее и дал «Жемчужину», ценнейшую. Незначительный другим обломок природы рассказывает ему чудесную сказку красок и линий за пределами «что» и

¹ **Сведомский, Котарбинский** – Сведомский Павел Александрович (1849–1904) и Котарбинский Василий (Вильгельм) Александрович (1847–1921) – художники академического направления. Были привлечены в помощь В. М. Васнецову для росписи Владимирского собора в Киеве, где М. А. Врубель был всего лишь исполнителем орнаментов.

«как».

Не пропустим, как делал Врубель «Жемчужину». Ведь это именно так, как нужно: так, как мало кто теперь делает. Среди быстрых примеров нашего безверия и веры, среди кратчайших симпатий и отречений, среди поражающего колебания, среди позорного снобизма, на спокойной улице за скромным столом, недели и месяцы облюбовывает Врубель жемчужную ракушку. В этой работе ищет он природу. Природу, далекую от жизни людей, где и сами людские фигуры тоже делаются волшебными и неблизкими нам. Нет теплоты близости в дальнем сиянии, но много заманчивости, много новых путей – того, что тоже нам нужно. Этой заманчивости полна и «Жемчужина». Более чем когда-либо в ней подошел Врубель к природе в тончайшей передаче ее и все-таки не удалился от своего обычного волшебства. Третий раз повторяю это слово, в нем какая-то характерность для Врубеля: в нем есть разгадка того странного, чем вещи Врубеля со временем нравятся все сильнее. В эпическом покое уютной работы, в восхищении перед натурой слышно слово Врубеля: «Довольно манерного, довольно поверхностной краски. Пора же глубже зарыться в интимнейшую песню тонов». Пора же делать все, что хочется, вне оков наших свободных учений.

«Если хотя одну часть вещи сделать с натуры, это должно освежить всю работу, поднять ее уровень, приблизить к гармонии природы». В таком слове звучит коренное умение пользоваться природой. Врубель красиво говорит о природе: полутон березовой рощи с рефlekсами белых стволов; тень кружев и шелка женских уборов; фейерверк бабочек; мерцанье аквариума, характер паутины кружев, про все это нужно послушать Врубеля художникам. Он бы мог подвинуть нашу молодежь, ибо часто мы перестаем выхватывать красивое, отрезать его от ненужного. Врубель мог бы поучить, как надо искать вещь; как можно портить работу свою, чтобы затем поднять ее на высоту, еще большую. В работах Врубеля, в подъемах и падениях есть нерв высокого порядка, далекий от самодовольного мастерства или от беспутных хватаний за что попало. Не поражающее, а завлекающее есть в работах Врубеля – верный признак их жизнеспособности на долгое время. Подобно очень немногим, шедшим только своей дорогой, в вещах Врубеля есть особый путь, подсказанный только природой. Эта большая дорога полна спусков и восходов. Врубель идет ею. Нам нужны такие художники.

Будем беречь Врубеля.

1906 г.

СЕРОВ

Бывают смерти, в которые не верят. Петербург не поверил смерти Серова. Целый день звонили. Целый день спрашивали. Целый день требовали опровержений. Не хотели признать ужасного, непоправимого. Серов – настоящий, подлинный, а потеря его – настоящая, невознаградимая. Жаль умирающих старцев. Жаль умерших детей. Но когда гибнет человек среди яркого творчества, среди счастливых исканий, полный своей работой, то не просто жаль, а страшно, просто ужасно примириться со случившимся. В лучшую пору самоуглубления, в лучшие дни знаний искусства и лучшей оценки людей явно жестоко вырван из жизни подлинный художник, смелый, честный и настоящий, требовательный к другим, но еще более строгий к себе, всегда горевший чистым огнем молодости.

Вчера имя Серова так часто в нашем искусстве произносилось совсем обычно, но сегодня в самых разных кругах самые различные люди почувствовали размеры значения его творчества и величину личности Валентина Александровича. Он сам – самое трудное в искусстве. Он умел высоко держать достоинство искусства. Ни в чем мелком, ни в чем недостаточно проверенном укорить его нельзя. Он умел ярко отстаивать то, во что он поверил. Он умел не склоняться в сторону того, во что ему еще не верилось вполне. В личности его была опора искусству. В дни случайностей и беглых настроений значение В. А. незаменимо. Светлым, стремящимся к правде искусством закрепил он свою убедительность в жизни. Был подвиг в жизни и в работе Серова. Редкий и нужный для всей ценности жизни подвиг. Подвиг этот вполне почувствуют еще сильнее. Великий подвиг искусства творил Серов своей правдивой, проникновенной работой, своим неизменно правдивым словом, своим суровым, правдивым отношением к жизни. И все, к чему приближался В. А.,

принимало какое-то особенное обаяние. Друга искусства В. А. в день примирения, в день смерти можно назвать врагом только в одном отношении – врагом пошлости. Всей душой чувствовал он не только неправду и неискренность, но именно пошлость.

Пошлость он ненавидел, и она не смела к нему приближаться.

Как об умершем, просто нельзя говорить о В. А. Поймите: ведь до чего бесконечно нужен он нашему искусству. Если еще не понимаете, то скоро поймете. Укрепление на земле памяти об ушедших от нас нужно, и в этом воспоминании об ушедшем от нас Серове будет слабое утешение. Мы будем видеть и знать, что он не забыт, что труд его жизни служит славным примером. Мы и наши дети будем видеть, что произведения Серова оценены все более и более и помещены на лучших местах, а в истории искусства Серову принадлежит одна из самых красивых страниц.

1912 г.

СУРИКОВ

О большом скорбим. Хотим видеть крупный замысел. Хотим приобщиться к поискам значительного и красивого. И вот именно теперь, именно в дни этих замыслов уходит от нас большой. Из нашей жизни удалился именно тот, кто был рожден для крупных и глубоких размахов. Тот, кто не убоился и верил.

Ушел из мира Василий Иванович Суриков. Такой мощный, такой крепкий, что, кажется, не мог он уйти совсем. Кажется, что он должен еще вернуться, чтобы досказать свою эпическую повесть о Руси.

Мало кому удалось коснуться таких глубоких сторон русской жизни, как Сурикову. Просто, складно и безбоязненно открыл он образы, которые навсегда останутся за ним в русской жизни.

Природная эпичность, врожденная стойкость вне всего случайного и преходящего подсказали Сурикову путь прямой, открыли глаз суровый и верный, дали ухо, направленное лишь к тому, что соответствовало подвигу его жизни.

Хорошее, настоящее слово – подвиг.

Многих подвигов не замечаем. Многие подлинные подвиги раздавлены толпой, обесцвечены вчерашним днем. Но именно в русском искусстве, именно в необъятности русской жизни подвиг творчества особенно нужен.

Все строение нашей жизни, так часто уродливой, часто трусливо изменчивой в самых ценных понятиях, может быть выправляемо только истинным подвигом. Такой подвиг – вся жизнь Сурикова. Его путь был нужен искусству и жизни.

Правдиво говорил Суриков. Послал он в жизнь слово простое, но в прямоте его слова были предчувствия самые ценные, самые открывающие. В подходе к живописи, в красочных прозрениях серебристого тона, в структуре картин и в особенностях сочинения звучала стройная песнь.

Из песни слова не выкинешь. Песнь Сурикова убедительна. Из нее не исключить ни одного образа. В пределах нашего эпоса лягут творения Сурикова: «Боярыня Морозова» с откровением великого русского поклона, «Меншиков», «Ермак», «Казнь стрельцов»... В них убедительность, о которой мы мечтаем сейчас.

В ряду великих подвигов русского искусства, в ряду подлинных борцов – Врубеля, Серова, Федотова, Куинджи, Венецианова – имя Сурикова звучит спокойно и строго. Хранит оно заветы русской жизни.

Кому завещал их Суриков? Кто придет за ним? Вернется ли он досказать о том, чем сильна Русь?

1916 г.

ЧУРЛЁНИС

Слышу, что имя Чурлёниса стало национальным именем в Литве, сделалось гордостью народа литовского. От души радуюсь этому. Каждое признание истинной ценности всех веков и народов должно быть приветствовано. Там, где ценят своих героев, творцов и

тружеников, там возможно и светлое будущее. Довольно бывшего невежества, когда на разных путях истории мы видели, как попирались и оскорблялись лучшие человеческие достижения. Довольно невежественных отрицаний. Народ может жить лишь светлым допущением и утверждением. Когда постройка идет – все идет:

Еще недавно было принято или осмеивать, или скептически пожимать плечами на все новое и необычное. Ох уж эти скептики, которые в своих зачерствелых сердцах готовы придушить каждое молодое достижение! Если кто-то является в новой форме, то разве такое обновление уже должно стать уделом растерзания?

Вспоминаем Ван Гога, пославшего своему домовладельцу в уплату за квартиру свое отрезанное ухо¹, как символ пресловутого шейлоковского мясного вознаграждения. Вспоминаем, как Модильяни умер с голоду, и лишь этот потрясающий конец открыл доступ к общему признанию его произведений. Вспоминаю происходившую на наших глазах трагедию гениального Врубеля. Не сошел ли он с ума от всех тех жестоких несправедливостей, которыми невежественные дикари кололи и обжигали его возвышенное сознание?

Трудна была земная стезя и Чурлёниса. Он принес новое, одухотворенное, истинное творчество. Разве этого недостаточно, чтобы дикари, поносители и умалители не возмутились? В их запыленный обиход пытается войти нечто новое – разве не нужно принять самые зверские меры к ограждению их условного благополучия?

Помню, с каким окаменелым скептицизмом четверть века назад во многих кругах были встречены произведения Чурлёниса. Окаменелые сердца не могли быть тронуты ни торжественностью формы, ни гармонией возвышенно обдуманых тонов, ни прекрасною мыслью, которая напитывала каждое произведение этого истинного художника. Было в нем нечто поистине природно вдохновенное. Сразу Чурлёнис дал свой стиль, свою концепцию тонов и гармоническое соответствие построения. Это было его искусство. Была его сфера. Иначе он не мог и мыслить и творить. Он был не новатор, но новый. Такого самородка следовало бы поддержать всеми силами. А между тем происходило как раз обратное. Его прекраснейшие композиции оставались под сомнением. Во время моего председательствования в «Мире искусства» много копий пришлось преломить за искусство Чурлёниса. Очень отзывчиво отнесся Добужинский. Тонкий художник и знаток Александр Бенуа, конечно, глубоко почувствовал очарование Чурлёниса. Но даже и в лучших кругах, увы, очень многие не понимали и отрицали.

Так же точно многими отрицалось и тончайшее творчество Скрябина. В Скрябине и в Чурлёнисе много общего. И в самом характере этих двух гениальных художников много сходных черт. Кто-то сказал, что Скрябин пришел слишком рано. Но нам ли, по человечеству, определять сроки? Может быть, и он, и Чурленис пришли именно вовремя, даже наверное так, ведь творческая мощь такой силы отпускается на землю в строгой мере. Своею необычностью и убедительностью оба эти художника, каждый в своей области, всколыхнули множество молодых умов.

¹ «... свое отрезанное ухо...» – в декабре 1888 года Винсент Ван Гог в приступе помешательства отрезал у себя мочку уха и отнес своей знакомой Рашель.

Печорский монастырь. Большая звонница. 1903 г.

В конце концов разве мы знаем, где происходит наибольшее восприятие творчества. Леонид Андреев незадолго до смерти писал мне: «Говорят, что у меня есть читатели, но ведь я-то их не знаю и не вижу». Скорбно звучали такие признания писателя.

Другой прекрасный художник недавно писал мне: «Говорю, как в подушку». Истинно, не знаем мы путей творчества. Формула – неисповедимы пути – весьма реальна. Но рядом с этим невидимым для самого художника восприятием его творчества живет и напряжение его сил. Все помнят жизненную трагедию Рембрандта или Франца Хальса. Но и в трагедии этой так много торжественности. Без героической торжественности облики названных художников потеряли бы многое. Сами костры и факелы дикарей являются лишь озарением пути. Без врагов люди забыли бы о многом полезнейшем и прекраснейшем. Недаром приходилось писать похвалу врагам.

Вот и Чурленис в своих прекрасно напевных мирных созданиях тоже мог бы написать похвалу врагам. Дикари и враги много потрудились для его будущей славы. И пришла она, эта легкокрылая гостья, не для того, чтобы только переночевать около произведений Чурлениса, но чтобы озарить его творения навсегда. Велика радость, когда можно отметить, что весь народ признал свою истинную ценность.

Недавно всенародно хоронили великого писателя Горького. В этой всенародности был крик признательности всеобщей. Не ему ушедшему, но во имя справедливости прекрасен был порыв дружный, превознесший ценность искусства.

Прекрасно признание Чурлениса литовским народом. Это тоже будет не временный взрыв сентимента, но твердое признание, низкий поклон всенародный творцу и труженику. Радуюсь вестям из Литвы о признании прекрасного художника Чурлениса.

3 сентября 1936 г.

ГОРЬКИЙ

Восемнадцатого июня в Горках, около Москвы, скончался великий русский писатель Максим Горький.

За последние месяцы ушло три великих русских: физиолог Павлов, композитор Глазунов и теперь Горький. Всех троих знал весь мир. Кто же не слышал о рефlekсах Павлова? Кто наряду с Чайковским и Римским-Корсаковым не восхищался Глазуновым? Кто же в ряду корифеев русской литературы не читал Горького, запечатлевшего неувядающие русские образы?

Более полумиллиона людей пришло поклониться праху великого писателя, а в день похорон гроб сопровождали семьсот тысяч почитателей. Представители государства держали почетный караул и несли, после сожжения праха, урну для установки ее в стене Московского Кремля. Присутствовал весь дипломатический корпус. Пушечный салют проводил знаменитого писателя. Некоторые французские газеты были поражены, что писателю всею нацией были оказаны такие высокие почести. Были венки от французского и чехословацкого правительства. Иностранная пресса единодушно откликнулась, достойным словом почтив память Горького.

В Москве постановлено воздвигнуть на государственный счет памятники М. Горькому в Москве, Ленинграде и Нижнем Новгороде, который теперь именуется именем Горького. Муниципальный совет Праги постановил присвоить одной из улиц столицы Чехословакии имя Максима Горького...

Ромен Роллан по телефону из Швейцарии прислал следующее письмо, почтив память умершего: «В этот мучительный час расставанья я вспоминаю о Горьком не как о великом писателе, и даже не о его ярком жизненном пути и могучем творчестве. Мне вспоминается его полноводная жизнь, подобная его родной Волге, жизнь, которая неслась в его творениях потоками мыслей и образов. Горький был первым высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим пути для пролетарской революции, отдавшим ей свои силы, престиж своей славы и богатый жизненный опыт... Подобно Данте, Горький вышел из ада. Но он ушел оттуда не один. Он увел с собой, он спас своих товарищей по страданиям».

В парижских газетах, дошедших в Гималаи, сообщается много показательных знаков повсеместного почитания умершего писателя. Почтили его и друзья, почтили все страны и секторы. Даже в самых сдержанных отзывах высоко вспоминаются произведения Горького: «На дне», «Буревестник», «Городок Окуров», «Мещане», «Мать» и его последние произведения: «Дело Артамоновых» и «Клим Самгин». И, в конце концов, добавляется: «Умер человек и художник, которого мы все любили». Итак, искусство объединило и врагов и друзей. От самого начала своей яркой писательской деятельности Горький (его имя было Алексей Максимович Пешков, но все его знали по псевдониму) занял выдающееся место в ряду русских классиков. Как о всяком большом человеке и великом таланте, около Горького собралось много легенд, а с ними и много наветов. Кто-то хотел его представить бездушным материалистом, кто-то вырывал из жизни отдельные словечки, по которым нельзя судить ни человека, ни произведение. Но история в своей неподкупности выявит в полной мере этот большой облик, и люди найдут в нем черты, для многих совсем неожиданные...

Москва. Вид Кремля из Замоскворечья. 1903 г.

Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний. Во всем этом многообразии вспыхивали постоянно новые, замечательные черты характера Горького, подчас совершенно не совпадавшие с суровой наружностью писателя. Помню, как однажды, когда в одной большой литературной организации нужно было найти спешное решение, я спросил Горького о его мнении. Он же улыбнулся и ответил: «Да о чем тут рассуждать, вот лучше вы, как художник, почувствуйте, что и как надо. Да, да, именно почувствуйте, ведь вы интуитивист. Иногда поверх рассудка нужно хватить самую сущностью».

Помню и другой случай, когда в дружеском кругу Горький проявил еще одну, неожиданную для многих, сторону. Говорили о йогах, о всяких необычайных явлениях, родиной которых была Индия. Многие из присутствовавших поглядывали на молчавшего Горького, очевидно ожидая, что он как-нибудь очень сурово резюмирует беседу. Но его заключение было для многих совсем неожиданным. Он сказал, внутренне осветившись: «А все-таки, замечательные люди эти индусы».

Он очень хотел иметь мою картину. Из бывших тогда у меня он выбрал не реалистический пейзаж, но именно одну из так называемой «предвоенной» серии – «Город осужденный», именно такую, которая ответила бы прежде всего поэту. Да, автор «Буревестника» и не мог не быть большим поэтом. Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещая всю многогранность и богатство души народной...

Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве «Нива». Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность

коробила Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду Дом всемирной литературы, Дом ученых и Дом искусств. Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству.

От имени Лиги культуры принесем наши искренние чувства памяти Горького, которая прочно и ярко утвердится в Пантеоне Всемирной славы.

12 июля 1936 г.

ТОЛСТОЙ И ТАГОР

«Непременно вы должны побывать у Толстого», – гремел басистый В. В. Стасов за своим огромным заваленным столом.

Разговор происходил в Публичной библиотеке, когда я пришел к Стасову после окончания Академии художеств, в 1897 году.

«Что мне все ваши академические дипломы и отличия. Вот пусть сам великий писатель земли русской произведет вас в художники. Вот это будет признание. Да и «Гонца»

вашего никто не оценит, как Толстой. Он-то сразу поймет, с какою такою вестью спешит ваш «Гонец». Нечего откладывать, через два дня мы с Римским-Корсаковым едем в Москву. Айда с нами! Еще и Илья (скульптор Гинцбург) едет. Непременно, непременно едем».

И вот мы в купе вагона. Стасов, а ему уже семьдесят лет, улегся на верхней полке и уверяет, что иначе он спать не может. Длинная белая борода свешивается вниз. Идет длиннейший спор с Римским-Корсаковым о его новой опере. Реалисту Стасову не вся поэтическая эпика «Китеж-града» по сердцу.

«Вот погодите, сведу я вас с Толстым поспорить. Он уверяет, что музыку не понимает, а сам плачет от нее» – грозит Стасов Корсакову.

Именно в это время много говорилось о толстовских «Что есть искусство?» и «Моя вера». Рассказывались, как и полагается около великого человека, всевозможные небылицы об изречениях Толстого и о самой его жизни. Любителям осуждения и сплетен предоставлялось широкое поле для вымыслов. Не могли понять, каким образом граф Толстой может пахать или шить сапоги.

Утром в Москве, ненадолго остановившись в гостинице, мы все отправились в Хамовнический переулок, в дом Толстого. Каждый вез какие-то подарки. Римский-Корсаков – свои новые ноты, Гинцбург – бронзовую фигуру Толстого, Стасов – какие-то новые книги, и я – фотографию с «Гонца».

Тот, кто знал тихие переулки старой Москвы, старинные дома, отделенные от улицы двором, всю эту атмосферу просвещенного быта, тот знает и аромат этих старых усадеб. Пахло не то яблоками, не то старой краской, не то особым запахом библиотеки. Все было такое простое и вместе с тем утонченное. Встретила нас графиня Софья Андреевна. Разговором, конечно, завладел Стасов, а сам Толстой вышел позже. Тоже такой белый, в светлой блузе, потом прозванной «толстовка». Характерный жест рук, засунутых за пояс, так хорошо уловленный на портрете Репина.

Только в больших людях может сочетаться такая простота и в то же время несказуемая значительность. Я бы сказал – величие. Но такое слово не полюбилось бы самому Толстому, и он, вероятно, оборвал бы его каким-либо суровым замечанием. Но против простоты он не воспротивился бы. Только огромный мыслительский и писательский талант и необычайно расширенное сознание могут создать ту убедительность, которая выражалась во всей фигуре, в жестах и словах Толстого. Говорили, что лицо у него было именно значительное – русское лицо; такие лица мне приходилось встречать у старых мудрых крестьян, у староверов, живших далеко от городов. Черты Толстого могли казаться суровыми. Но в них не было напряжения, и само воодушевление его при некоторых темах разговора не было возбуждением, но, наоборот, выявлением мощной, спокойной мысли. Индии ведомы такие лица.

Осмотрел Толстой скульптуру Гинцбурга, сделал несколько кратких и метких

замечаний. Затем пришла и моя очередь, и Стасов оказался совершенно прав, полагая, что «Гонец» не только будет одобрен, но вызовет необычные замечания. На картине моей гонец спешил в ладье к древнему славянскому поселению с важной вестью о том, что «восстал род на род». Толстой говорил: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет».

Затем Толстой заговорил о народном искусстве, о некоторых картинах из крестьянского быта, как бы желая устремить мое внимание в сторону народа. «Умейте поболеть с ним», – такие были напутствия Толстого. Затем началась беседа о музыке. Опять появились парадоксы, но за ними звучала такая любовь к искусству, такое искание правды и забота о народном просвещении, что все эти разнообразные беседы сливались в прекрасную симфонию служения человечеству. Получился целый толстовский день. На другое утро, собираясь обратно в дорогу, Стасов говорил мне: «Ну вот теперь вы получили настоящее звание художника».

Священная мысль о прекрасной стране жила в сердце Толстого, когда он шел за сохой, как истинный Микула Селянинович древнерусского эпоса, и когда он, подобно Бёме¹, тачал сапоги, вообще искал случая прикоснуться ко всем фазам труда. Без усталости разбрасывал этот сеятель жизненные зерна, и они крепко легли в сознание русского народа. Бесчисленны дома имени Толстого, толстовские музеи, библиотеки и читальни имени его. И разве можно было вообразить лучшее завершение труда Толстого, как его уход в пустыню и кончину на маленьком полустанке железной дороги? Удивительнейший конец великого путника! Это было настолько несказанно, что вся Россия в первую минуту даже не поверила. Помню, как Елена Ивановна первая принесла эту весть, повторяя: «Не верится, не верится! Точно бы ушло что-то от самой России. Точно бы ограничилась жизнь».

Я сейчас записываю эти давние воспоминания, а под окном от самой земли и до самого неба, через все пурпуровые и снеговые Гималаи, засияла всеми созвучиями давно небывалая радуга. От самой земли и до самого неба! Так же именно Елена Ивановна принесла и совсем другую весть. Не раз доводилось ей находить в книжных магазинах нечто самое новое, нужное и вдохновительное. Нашла она и «Гитанджали» Тагора в переводе Балтрушайтиса. Как радуга засияла от этих сердечных напевов, которые улеглись в русском образном стихе Балтрушайтиса необыкновенно созвучно. Кроме чуткого таланта Балтрушайтиса, ему, конечно, помогло и сродство санскрита с русским, литовским и латышским языками. До этого о Тагоре знали в России лишь урывками. Конечно, прекрасно знали, как приветственно имя Тагора во всем мире, но к сердечной глубине поэта нам, русским, еще не было случая прикоснуться.

«Гитанджали» явилось целым откровением. Поэмы читались на вечерах и на внутренних беседах. Получилось то драгоценное взаимопонимание, которое ничем не достигнешь, кроме подлинного таланта. Таинственно качество убедительности. Несказуема основа красоты, и каждое незагрязненное человеческое сердце трепещет и ликует от искры прекрасного света. Эту красоту, этот всесветный отклик о душе народной внес Тагор. Какой такой он сам? Где и как живет этот гигант мысли и прекрасных образов? Исконная любовь к мудрости Востока нашла свое претворение и трогательное созвучие в убеждающих словах поэта. Как сразу полюбили Тагора! Казалось, что самые различные люди, самые непримиримые психологи были объединены зовом поэта. Как под прекрасным куполом храма, как в созвучиях величественной симфонии, победительно соединяла сердца человеческие вдохновенная песнь. Именно так сказал сам Тагор в своем «Что есть искусство?»:

«В искусстве наша внутренняя сущность шлет свой ответ наивысшему, который себя являет нам в мире беспредельной красоты, поверх бесцветного мира фактов».

Все поверили, и верят, и знают, что Тагор принадлежит не к земному миру условных фактов, но к миру великой правды и красоты. Прочно зародилась мечта: где бы встретиться? Не доведет ли судьба и здесь, в этом мире, еще увидеть того, кто так мощно позвал к

¹ **Бёме** – Беме, Якоб (1575–1624) – немецкий философ-пантеист, сохранивший тесную связь с теологией. В его сочинениях простое переложение библейских мифов, одухотворенное силой религиозной мечты, перемежается глубокими наблюдениями.

красоте-победительнице? Странно выполняются в жизни эти повелительные мечты. Именно неисповедимы пути. Именно сама жизнь тклет прекрасную ткань так вдохновенно, как никакое человеческое воображение и не представит себе. Жизнь – лучшая сказка.

Мечталось увидеть Тагора – и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэт-террас в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно «Сны Востока». Помню удивление поэта при виде такого совпадения. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца. Ведь недаром говорится, что первое впечатление самое верное. Именно самое первое впечатление и сразу дало полное и глубокое отображение сущности Тагора.

Таким же незабываемым и для нас осталось это явление Тагора, со всеми проникновенными речами и суждениями об искусстве. Незабываемым осталось и его письмо, насыщенное впечатлениями нашей встречи. Затем встретились мы и в Америке, где в лекциях поэт так убедительно говорил о незабываемых законах красоты и человеческих взаимопониманий. В суэте левиафана-города слова Тагора иногда звучали так же парадоксально, как и волшебная страна Толстого, живая в сердце великого мыслителя. Тем больше был подвиг Тагора, неустанно обходившего мир с повелительным зовом о красоте. Сказал поэт: «Цивилизация ждет великого завершения выражения своей души в красоте». Можно цитировать неустанно из книг Тагора его моления и призывы о лучшей жизни, такие легко выполнимые в непреложной стране самого поэта.

Разве далеко от жизни эти зовы? Разве они лишь мечты поэта? Ничуть не бывало! Вся эта правда во всей своей непреложности дана и выполняма в земной жизни. Напрасно невежды будут уверять, что мир Тагора и Толстого утопичен. Трижды неправда. Какая же утопия в том, что нужно жить красиво? Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать все окружающее просвещением? Ведь это все вовсе не утопия, но сама реальность. Если бы хотя в отдельных, притушенных искрах не проникал в потемки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы немислима. Какая же глубокая признательность человечества должна быть принесена тем гигантам мысли, которые, не жалея своего сердца, поистине самоотверженно приносят напоминание о вечных основах жизни! Без этих законов о прекрасном жизнь превратится в такое озверение и безобразие, что упущено будет каждое живое дыхание. Страшно проклятие безобразия. Ужасно гонение, которое во всех исторических эпохах сопровождало истинное искание и познание.

Тагор знает не по газетам, но всем своим чутким сердцем, какие мировые опасности встают в наши армагеддонные дни. Тагор не скрывает этих опасностей. Как всегда, смело он говорит о вопросах мира и просвещения. Можно себе представить, сколько шипения где-то раздастся о его призывах о мире.

Последнее его письмо, полученное недавно, с болью отмечает мировое положение: «Мой дорогой друг. Проблема мира сегодня является наиболее серьезной заботой человечества, и наши усилия кажутся такими незначительными и тщетными перед натиском нового варварства, которое бушует на Западе с все возрастающей яростью. Безобразное проявление обнаженного милитаризма повсюду предвещает злое будущее, и я почти теряю веру в самую цивилизацию. И все же мы не можем сложить наши устремления – это только ускорило бы конец...»

1937 г.

ЮОН И ПЕТРОВ-ВОДКИН

В далеких Гималаях получены две прекрасные книги о замечательных русских художниках Юоне и Петрове-Водкине. Обе книги изданы в Москве в 1936 году.

Видимо, художественные редакторы Г. А. Кузьмин и М. П. Сокольников потрудились, чтобы оправить творчество мастеров достойно. Удачно собраны картины и хороши цветные воспроизведения. Тексты Я. В. Апушкина о Юоне и А. С. Галушкиной о Петрове-Водкине вдумчивы и дают богатый материал.

Апушкин начинает книгу о Юоне словами: «В Москве, в Третьяковской галерее, есть портрет Юона работы Сергея Малютина, помеченный 1914 годом. Это крепко и сочно, в

присущей Малютину манере сделанное полотно ценно для нас не только как самодовлеющее произведение искусства и не только как внешне точная передача изображаемого лица. Нет, ценность этого портрета значительнее и глубже, ибо он является попыткой проникновения во внутренний мир изображаемого, является опытом психологического раскрытия и объяснения человеческой личности.

Несмотря на то, что с момента написания портрета прошло более 20 лет, несмотря на то, что 17 из этих 21 опалены бурным дыханием революции, несмотря на то, что Юону сейчас уже не 39, а почти 60 лет, портрет этот сохраняет весь свой смысл и всю силу удивительно верной характеристики, данной художником художнику.

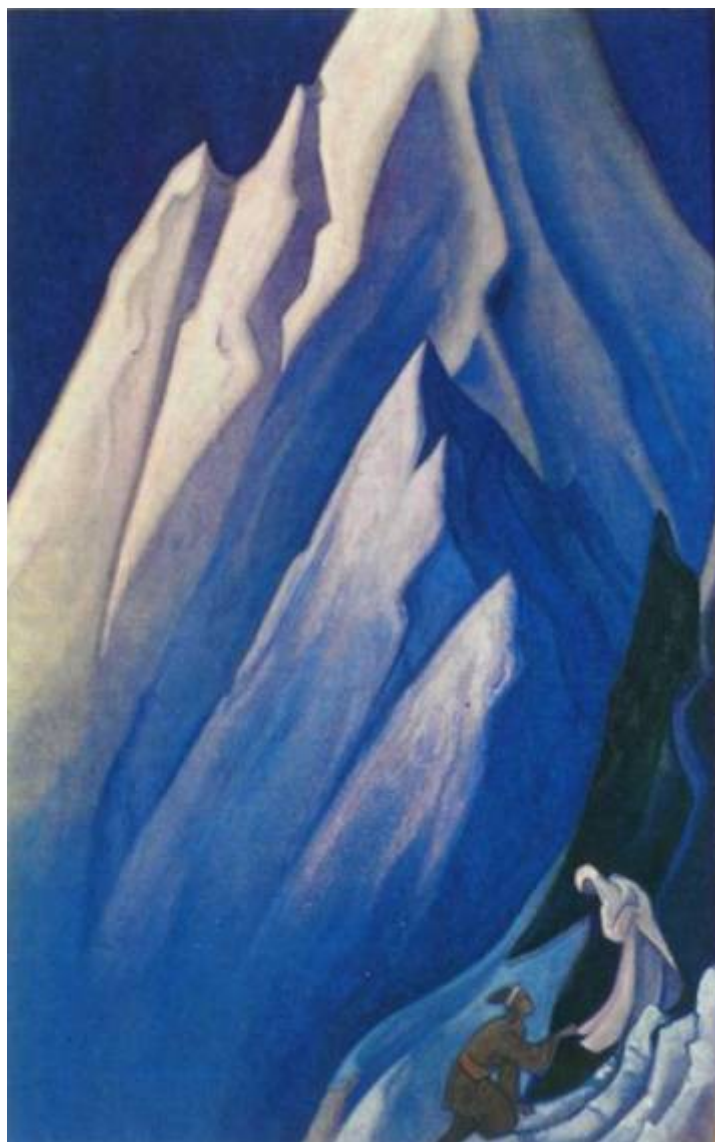
Вот взгляните. На тахте, в несколько небрежной и в то же время удивительно покойной, я бы сказал, эпической, позе сидит человек. На нем черный, строгий, хорошо сшитый сюртук; плечом он прислонился к стене; одной рукой, несколько вывернутой, он опирается на колено, другой – на край тахты. У человека круглая, коротко, почти потатарски, остриженная голова. Черным, тщательно подбритым клином на белизне крахмального воротничка выделяется борода. Под такой же черной, так же тщательно подбритой полоской усов спокойный, с несколько утолщенными губами рот. И глаза, внимательные, пристальные глаза человека, привыкшего видеть, глаза живописца. Это Юон.

Он спокоен, корректен, точен; он внимательно и углубленно задумчив; ни капли богемности, ни на йоту романтической «вдохновенности», никакой внешней растрепанности и никакой растрепанности чувств и мыслей. Он весь как бы собран воедино и ясен. И если нужно какое-нибудь слово, которое наиболее точно выражало бы его человеческую сущность, это слово будет «мастер».

... «В современной действительности художник прежде всего хочет видеть ее положительные стороны, а в человеке – сильного строителя новой жизни. В этом подъемном восприятии окружающего и положительном отношении к советской действительности и заключается основная ценность его искусства. Такие работы, как «После боя», «Матери», «Смерть комиссара», являются большим вкладом в советское искусство. Лишенные случайности и бытовой мелочности, они исполнены простоты, ясности и проникнуты героическим пафосом. Новые задачи, поставленные Петровым-Водкиным в последних работах, расширяют его искусство за рамки станковизма. Художник проявляет определенное стремление к монументальности и идет к завоеванию новых форм». Характеристики глубоки; еще надо добавить, что оба мастера остаются художниками русскими. Разные они, совсем не похожи друг на друга, но русскость живет в них обоих. Убедительность их творчества упрочена исконною русскостью. И в этом их преуспешность.

И Юон, и Петров-Водкин прикасались к иноземному художеству. Юон всемирно мыслит в «Творении мира». Петров-Водкин сам говорит, что наиболее сильное впечатление произвел на него Леонардо да Винчи; вторым мастером, поразившим его в Италии, был Джованни Беллини: «Встреча в галерее Брера с Джованни Беллини застряла во мне навсегда». Петров-Водкин проходит и Париж и мюнхенский Сецессион. Он любит и Пюви де Шаванна, и Гогена, и Матисса, внимательно вглядывается в разных мастеров, но в сердце остается художником русским. В этом особенно трогательная заслуга и Юона, и Петрова-Водкина.

С обоими мастерами приходилось много встречаться, но никогда не сталкиваться. Помню беседы с Юоном. Константин Федорович всегда вносил спокойную убедительность. Он не раздражался в исканиях, но творил так, как по природе своей должен был выражаться. Юон всегда крепок, силен, нов. Нельзя его ограничить русской провинцией или русской природой, в нем есть русская жизнь во всей полноте. Юоновские кремли, Сергиева лавра, монастыри и цветная добрая толпа есть жизнь русская. Сами космические размахи его композиций тоже являются отображением взлетов мысли русской. Краски, построение картин, свежая техника всегда порадуют. У Юона много учеников. В его руководстве закалится молодое сердце.

Ведущая. 1944 г.

Так же хорошо, что Петров-Водкин дал многих учеников. Редко можно найти такое счастливое сочетание, чтобы мастер, впитавший лучшие достижения Запада, остался исконно русским и нашел бы убедительный язык в своем руководительстве. А Кузьма Сергеевич умеет быть огненным.

Петров-Водкин говорит в «Пространстве Эвклида»: «Количества любого цвета, распределенные по холсту, оказались не случайными. Основные направления живописных масс давали картине динамику либо равновесие, в зависимости от темы. Я понял, что это они и производят во мне или бурю зрительного воздействия, или радость и покой равновесия».

А книга о Юоне заканчивается так:

«Он учит принципиальности и высокой требовательности к себе; учит умению учиться, не впадая в подражательность, учит не страшиться влияний, критически их осваивать, обращать их на потребу своим художественным задачам и целям. Он учит широте кругозора, разнообразию мастерства, чуткости к великим явлениям действительности и мужества в трудном деле переоценки былых ценностей».

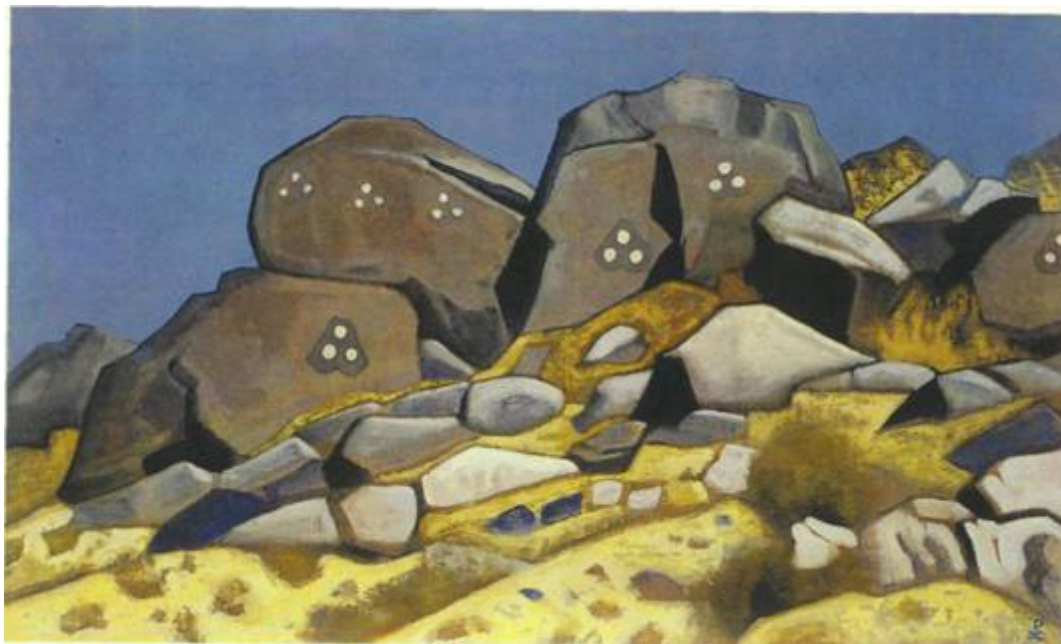
И еще он учит идейно-образной насыщенности реалистического искусства, четкости композиции, строгости рисунка, яркости цвета, равновесию содержания и формы – овладению всем тем, что сам Юон называет основными элементами восприятия бытия, как единого непрерывающегося процесса, он учит смотреть в прошлое, чтобы понять настоящее и в настоящем прозреть будущее».

Хорошо сказано. Красиво и сильно сказано, без умаления, без сентиментальности, но ярко, по существу. Выписываю эту цитату не только потому, что она хорошо характеризует мастера, но и потому, что она является выражением мысли русской – той молодой русской мысли, о которой можно порадоваться. Также можно порадоваться, видя, что творчество сильных мастеров не только почитается народом, но и запечатлевается на страницах,

которые останутся в истории культуры русской. Широко расходятся эти книги по многим странам. Русский язык недаром сделался вторым языком мира. Русский текст книг не мешает их появлению в самых далеких краях мира. Притом в книгах нет шовинизма, а это обстоятельство уже доказывает правильный рост мысли.

В тексте упоминаются имена писателей и художественных критиков: Бабенчикова, Голлербаха, Кузьмина, Дмитриева и других, умевших дать верные оценки. Еще недавно газетные листы обошло сведение о том, что репинскую выставку посетили многие сотни тысяч почитателей его творчества. Такие факты сами по себе говорят о многом. Совсем недавно мы читали о новой, потрясающей постановке «Анны Карениной» в Художественном театре. Все это удары резца на скрижалях.

Вспоминаю, какое движение воды в художественных кругах в свое время произвел «Красный конь» Петрова-Водкина. Сколько было споров, негодований! Даже испытанные любители не знали, какую мерку приложить к этой яркой картине. А вот сейчас она встала на заслуженное место среди прочих творений мастера. Удивительно наблюдать, как Петров-Водкин претворил свои давние итальянские впечатления в нескрываемую русскую оправу. Посмотрите его «Мать». Никто не будет сомневаться в том, что эта картина русская. А в то же время вы почувствуете, какими этапами подошел к такой русскости мастер. Можно вполне понять, что для прошлых поколений трудно было найти меры творчества Петрова-Водкина. Вот-вот, как будто уже умудрялись заключить его в один из трафаретов, но тут же выявлялось нечто такое, чему должны были быть найдены новые слова. А между тем слова эти должны были быть простыми. Искание монументальных форм, влюбленность в рисунок и в сильный колорит настолько очевидны, что укладываются именно в простые утвердительные формулы. Художник заканчивает свое шестое десятилетие. Будем надеяться, что ему будет дана возможность приложить свое творчество именно в монументальных формах. Пусть, покуда силы его в полном расцвете, он оставит народу русскому все самое сильное, к чему стремился его творческий дух.

Монголия. 1940-е гг.

В характеристике Юона правильно указан его оптимизм. Такой мастер, как Юон, по природе своей, конечно, всегда будет оптимистом. Никакие сложности не смогут поколебать путь Юона. Наоборот, из всего комплекса жизни он опять найдет тот синтез оптимизма, который сделает его картины и реальными, и вдумчивыми, и улыбающимися в красках цветочного луга. Уже в седьмом десятке Юон, но каждый скажет о нем, как о художнике молодом. В этом будет заключаться его необычайное качество. Он не сможет быть старым, ибо истинный оптимизм не дряхлеет.

Оба мастера почти от начала своей деятельности имели учеников. Это учительство, как у давних итальянских художников, являлось совершенно естественным выражением их художественного творчества. Ради учеников они вовсе не покидали своих ярких творческих выражений. Наоборот, общение с молодежью давало новые неисчерпаемые соки

постоянному труду. И Юон и Петров-Водкин сделали очень многое. На трудных перепутьях они укрепили и поддерживали русское сознание. Они вели многих молодых по пути истинного неустанного изучения. Своим трудом они показывают, что действительно учение никогда не может кончиться, что не может быть такой школы, выйдя из дверей которой художник объявит себя законченным. Леонардо да Винчи говорил: «Истинный художник всегда будет сомневающимся». Может быть, вместо слова «сомневающийся» лучше сказать «ищущий», как единственное средство молодости и преуспевания. И Петров-Водкин, и Юон всегда останутся художниками ищущими, иначе говоря, преуспевающими. В оптимизме, постоянном труде, в обновлении творчества оба мастера дают пример роста русской мысли и красоты.

24 мая 1937 г.

ПЕРВОПЕЧАТНИК ФЕДОРОВ

О происхождении Ивана Федорова очень мало известно. Он был диаконом Николо-Гостунской церкви, в Калужской области, и оттуда приехал в Москву. Где и когда он родился, кто были его родители – осталось неизвестным.

Скоро после того, как был выпущен первопечатный «Апостол», на Ивана Федорова и Петра Мстиславца начались гонения.

Вот что пишет об этом сам Иван Федоров:

«... Презельного ради озлобления, часто случающегося нам, не от самого Государя, но от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас зависти ради, многие ереси умышляли, хотячи благое дело в зло превратити и Божие дело в конец погубити, якоже обычай есть злонравных, и ненаученных, и неискусных в разуме человек, ниже грамотическия хитрости наивык-ше, ниже духовного разума исполнена бывше, но туне и всуе слово зло пронесоша. Такова бо зависть и ненависть, сама себе наветующи, но раз умеет, како ходит и о чем утверждается: сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в жны страны незнаемы пресели».

Беженцы устроились у гетмана Гр. А. Ходкевича в Заблудове и 8 июня 1568 года приступили к печатанию «Учительного Евангелия».

В 1570 году Ходкевич закрыл свою типографию и предложил Ивану Федорову даже землю для занятия хлебопашеством, но последний считал, что ему не пристало «в пахании да сеянии жизнь свою коротать и вместо сосудов с духовными семенами, которые следует по миру раздавать, рассеивать хлебные семена».

Из Заблудова Иван Федоров отправился во Львов и там после долгих бедствований начал свое любимое книгопечатное дело.

В 1580 году Иван Федоров работает у кн. Константина Константиновича Острожского.

После выпуска в городе Остроге в 1581 году так называемой «Острожской библии», которая является верхом совершенства того времени, Иван Федоров вернулся во Львов, чтобы самостоятельно продолжать там книгопечатное дело. Но по недостатку средств он не смог выкупить оставшихся там своих типографских инструментов, провел последние годы своей жизни в крайней бедности и скончался 5 декабря 1583 года.

На его могильной плите сохранилась следующая надпись: «... Иоанн Федорович, друкар Москвитин, который своим тщанием друкование занебдоша обновил». И внизу плиты:

«Друкар книг пред тем невиданных».

Неужели и первопечатника изгнали? Откуда же такое расточительство? А теперь Ивану Федорову посвящают дни русского просвещения, марки, празднества культуры!

Однажды я спросил по поводу одного замечательного, непризнанного автора, но мне ответили: «Пусть помрет, лет через пятьдесят и поспрадуем».

Лист дневника № 26
1937 г.

МУСОРГСКИЙ

«Додонский, Катонский, Людонский, Стасенский» – по именам четырех сестер Голенищевых-Кутузовых так всегда напевал Мусоргский, работая в их доме над эскизами своих произведений. Матушка Елены Ивановны – та, которую Мусоргский называл Катонский от имени Екатерины, много рассказывала, как часто он бывал у них, а затем и в Боброве у Шаховских – у той, которую он называл Стасенский. Додонский была потом кн. Путятина, а Людонский – Людмила Рыжова.

Сантана. 1944 г.

После последнего пребывания Мусоргского в Боброве произошел печальный, непоправимый эпизод. После отъезда композитора, который уже был в болезненном состоянии, нашлись целые кипы музыкальных черновых набросков. По небрежению все это сгорело. Кто знает, что там было. Может быть, там были какие-то новые музыкальные мысли, а может быть, уже и готовые вещи. Сколько таким путем пропадает от простого небрежения и неведения. А кто знает, может быть, где-то на чердаке или в амбаре хранятся и еще какие-то ценные записки. Мне приходилось видеть, как интереснейшие архивы в каких-то корзинах выносились на чердак на радость мышам.

О Мусоргском вышло несколько биографий, но в каждую из них, естественно, не входили многие характерные черты. Так и мы, если бы Мусоргский не был двоюродным дядей Елены Ивановны, то, вероятно, также никогда не слышали бы многих подробностей его глубоко печальной жизни. Теперь будут праздновать столетие со дня рождения Мусоргского. Наверное, от некоторых ровесников его еще узнаются характерные подробности. Но в нашей жизни это имя прошло многообразно, постоянно встречаясь в самых неожиданных сочетаниях.

Вот вспоминается, как в мастерских Общества поощрения художеств под руководством Степы Митусова¹ гремят хоры Мусоргского. Вот у А. А. Голенищева-Кутузова² исполняется «Полководец». Вот Стравинский наигрывает из Мусоргского. Вот звучно гремит «Ночь на Лысой горе». А вот в Париже Шаляпин учит раскольницу спеть из «Хованщины»: «Грех, смертный грех». Бедной раскольнице никак не удастся передать вескую интонацию Федора Ивановича, и пассаж повторяется несчетное число раз. Раскольница уже почти плачет, а Федор Иванович тычет перед ее носом пальцем и настаивает: «Помните же, что вы Мусоргского поете». В этом ударении на Мусоргского великий певец вложил всю убедительность, которая должна звучать при этом имени для каждого русского. Из

¹ «... под руководством Степы Митусова...» – Митусов Степан Степанович (1878–1942) – музыкант, друг семьи Рерихов и семьи Римских-Корсаковых.

² А. А. Голенищев-Кутузов – Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913) – русский поэт. Был близок к композиторам «Могучей кучки», особенно к М. П. Мусоргскому, который создал два вокальных цикла на его слова. На слова поэта писали также романсы С. В. Рахманинов, Ц. А. Кюи, А. С. Аренский. Большой любитель искусств и коллекционер.

«Хованщины» мне пришлось сделать лишь палаты Голицына для Ковент-Гардена. А вот в далеких Гималаях звучит «Стрелецкая слобода»...

Исконно русское звучит во всем, что творил Мусоргский. Первым, кто меня познакомил с Мусоргским, был Стасов. В то время некие человеки от Мусоргского чурались и даже находили, что он напрасно занялся музыкой. Но Стасов, мощная кучка¹ и все немногочисленные посетители первых Беляевских концертов были настоящими почитателями этого русского гения.

Может быть, теперь и вся жизнь Мусоргского протекла бы под более благоприятным знаком. Может быть, теперь сразу бы поняли и оценили, и озаботились о лучших условиях для творчества. Может быть... А может быть, и опять не поняли бы, и опять отложили бы настоящее признание на полвека, а то и на целый век – всяко бывает. Добрые люди скажут, что невозможно и представить себе, чтобы сейчас могли происходить всякие грубые непонимания, вандализмы и несправедливые осуждения – так говорят оптимисты, – пусть же многие уроки прошлого послужат для улучшения будущего.

Радостно слышать, что русский народ будет праздновать столетие Мусоргского. Значит, оценили накрепко. Будет поставлена «Хованщина». Поймут, что не нужно делать несносных купюр, не следует самовольничать, изменяя текст, – пусть встанет во весь рост создание великого русского творца. Чем полнее, чем подлиннее будем выражать великие мысли, тем большим неиссякаемым источником они будут для всего народа.

Слава Мусоргскому!

*Лист дневника № 78
1939 г.*

ПАНДИТДЖИ²

Дни самые сложные. Под Харьковом наступление, русские полки продвигаются. В Бирме – плохо. Неделью у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный деятель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет в десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади – знамя Конгресса.

Говорили об Индо-Русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной.

Махараджа Индора приедет к нам через три недели. Просит, чтобы Пандитджи слетал в Америку. Четыре с половиной дня туда, столько же обратно, и там один день – на беседу. Пандитджи, конечно, не поедет. Время ли, чтобы глава движения мог отсутствовать десять дней? Да и что родится из такой поездки? Махараджа приедет к нам через три недели.

Сегодня «Мэла» – ярмарка с танцами, с богами и пестрыми толпами. Уехал сегодня Пандитджи. Все наше народонаселение вышло провожать с цветами, с добрыми пожеланиями. Добро, добро около Пандитджи. Все чувствуют, что он не только большой человек, надежда Индии, но и честнейший, добрый человек. Эти два ощущения очень важны в наши дни.

К доброму сердцу тянется и все доброе естество. Мечтают люди о справедливости – и знают, что она живет около доброго сердца. Трогательно, когда народ восклицает: «Да здравствует Неру!» Идет к Пандитджи народ за советом. Добрый водитель каждому найдет ободрительное слово. Скажет о единении, о выносливости, о светлом будущем.

¹ «... мощная кучка...» – Рерих имеет в виду «Могучую кучку», иногда называя ее также «великая кучка».

² Пандитджи – вежливое обращение к Пандиту Джавахарлалу Неру, постоянно употреблявшееся его близкими и соратниками (джи – «почтенный, уважаемый») – ставится после имени или титула).

Песнь водопада, 1937 г.

В нынешние лукавые, истерзанные дни народ особенно чтит честное доброе сердце, болеющее о благе народном. Все мы, все окрестные жители добром помянут приезд Пандит Неру. Шивам, Сатьям, Сундарам!¹.

Листы дневника №. 338.

20 мая 1942 г.

СКРЯБИН

Вот чудеса! Из Южной Америки дошла весть о праздновании, бывшем в Москве в июле в Музее Скрябина. Почему такие радостные сообщения должны совершать кругосветное путешествие, а не прийти через Иран или Афганистан?

Все, связанное с именем Скрябина, особенно радует. Последнее время на Западе его стали как-то избегать. И Стравинский и Кусевицкий² замалчивали Скрябина, и капитальные его вещи стали редкими в концертах. Точно бы он не по плечу пришелся. Кому-то не исполнить его было, а кому-то большое русское имя мешало.

Грамофон плохо передавал могучие созвучия скрябинских симфоний. «Поэма экстаза» так отвратно звучала в грамофоне, что и слушать было оскорбительно. А ведь

¹ **Шивам, Сатьян, Сумдарам** – обычное послесловие в индийских книгах – Мир, Истина, Прекрасное.

² **Кусевицкий** – Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – русский дирижер, контрабасист и музыкальный деятель. С большим успехом концертировал в России и за границей. Организовал собственный оркестр (1909). С 1920 года жил за границей. Во время второй мировой войны был президентом Музыкальной секции Национального совета американо-советской дружбы.

нельзя же мыслить о Скрябине без его симфоний, давших новые дали мировой музыке.

И вот не на чванном Западе, а в родной Москве чествуется память великого композитора. Собирают все, до него относящееся. Даже портреты не только его самого, но и друзей его сносятся в народную сокровищницу. Последнее весьма примечательно. Кто-то чуткий и заботливый хотел создать атмосферу, в которой крепло дарование. Пути эти были нелегки. Вставала злоба против всего нового. Рутинное ухо не воспринимало утонченных созвучий. Сами задания казались кому-то слишком выпященными. Словом, не оценивалась сущность творчества. Сами мы видели, как некие посетители концертов пожимали плечами и даже уходили до окончания вещи. Но были и преданные ценители. Они-то почуяли, какая новая сила нарастала и какие поворотные задания поднимут сердце молодежи.

Не верилось, когда пришла весть о кончине Скрябина, такой нелепой, недопустимой. Прометеев огонь снова угас. Сколько раз что-то злое, роковое пресекало уже развернувшиеся крылья. Но «Экстаз» Скрябина сохранится среди самых победных достижений. Добрая дальняя весть. Живет в Москве имя Скрябина. Кто-то любит его и трудится над его достоянием. Наверно, молодежь.

Лист дневники № 228.

15 декабря 1940 г

РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Из Америки пишут: «... в мае исполняется столетие со дня рождения Римского-Корсакова. и там будут большие юбилейные торжества. Нас просят собрать всяческий материал, касающийся постановок его опер здесь, в Америке, афиш, программ, фотографий с постановок, костюмов, книг, изданных о нем, нот и т. д. Мы начали нащупывать разные источники и сразу же наткнулись на поразительный факт – «Метрополитенская опера» не имеет музея, не сохраняет афиш, программ, не имеет никаких фотографий ни с постановок, костюмов, известных артистов, выступавших в его операх!!! Просто я не поверил ушам своим, когда секретарь оперы мне все это спокойно передала по телефону. И вот они нашли для нас две программы – постановки «Садко» и «Золотого петушка», а также две фотографии, и это все!! А ведь богатейшая «Опера» во всем мире, а музея и архивов нет! Затем я начала искать частным путем, еще нашла пару фотографий. Сегодня пошла в библиотеку и нашла ряд рецензий чуть ли не о всех операх, шедших здесь, в Нью-Йорке, и других городах. Но библиотека нам, конечно, не отдаст эти рецензии, и я решила снять фотостаты с них – получится неплохо: начиная с 1908 года собрала рецензии видных музыкальных критиков. Мне очень больно – особенно потому, что именно теперь, если бы мы могли найти фотографии с Ваших картин и эскизов и рисунков к «Снегурочке», «Садко», «Царю Салтану» и другим операм, вот бы послали достойную коллекцию! Но где это все теперь? Где все эти картины? Все отзывы в газетах, журналах о чикагской постановке «Снегурочки»? С ужасом узнала, что, так как Чикагская опера уже давно не существует, то и все их архивы (если только таковые у них были), костюмы, декорации куда-то безнадежно пропали, исчезли с лица земли. Опять подумала о культурности, которая совершенно неизвестна здесь – не берегут, не сохраняют того, что составляет культурные накопления. На чем же будет учиться молодое поколение? Все это просто дико. А между тем Вы именно, родной Н. К., могли бы дать так много касающегося жизни и Вашей совместной работы с Римским-Корсаковым – как это сделать? Или, вернее, что нужно для этого сделать? Мне очень обидно, что АРКА должна собирать крохи, в то время как мы могли бы собрать истинные сокровища. И я понимаю, что в Москве все истинно оценят – будут большие торжества (несмотря на войну), и, вероятно, создастся музей его имени».

Кто мог бы подумать, что театр, претендующий на культуру, не имеет даже архива своей деятельности! Поразительно и знаменательно! Но вот что истинно знаменательно – Русь во время неслыханной войны, в дни бытовых бедствий торжественно празднует столетие со дня рождения Римского-Корсакова. Этим праздником народ заявил о своей культурности, о бережливости с народным достоянием. Народ русский научился ценить свои сокровища – в этом истинный путь восхождения.

Замечательна жизнь Николая Андреевича. В своем неисчерпаемом творчестве он шел вперед, совершенствуясь до самой кончины. Утонченны его последние творения: «Китеж»,

«Царь Салтан», «Золотой петушок». Но и начальные композиции, как «Снегурочка», уже показали всю мощь его великого таланта. А «Садко», «Шехеразада», «Майская ночь» и вся несчетная сокровищница романсов, симфоний – какой творческий подъем гремел без устали! И не всегда было легко великому композитору. Он был инспектором военных духовых оркестров. Затем был инспектором Консерватории (даже не директором). Мы помним, как пустовали Беляевские концерты, а ведь там исполнялись лучшие русские творения. И весь этот трудный жизненный путь, все семейные заботы, все бурления Консерватории не понизили творчества. Наоборот, оно росло и цвело. Кроме своих композиций, Римский-Корсаков находит время оркестровать неоконченные вещи Мусоргского и уделить сотрудничество в «Великой кучке». Для всего великий творец находит время и сердечную внимательность. Целый ряд поколений композиторов и музыкантов воспитал Николай Андреевич. Велико было его значение русского народного творчества, и оркестровка Римского-Корсакова дала целую блестящую плеяду последователей. Он умел щедро давать. Быть творцом и педагогом тоже нелегко.

Римский-Корсаков – явление незаменяемое, и рады мы были узнать, что Русь воздает ему заслуженный почет.

*Лист дневника № 476
4 мая 1944 г.*

РЕПИН

В дни блистательных побед нашей Родины, в дни восстановительного строения, в дни новых великих достижений народов Союза приходит весть о чествовании столетия со дня рождения нашего славного художника Репина. Народы Союза воздают честь великому мастеру повсеместно, тем вписывают прекрасную страницу русской культуры.

Каждому из нас от малых лет имя Репина было драгоценно. Каждая подробность его творчества любовно обсуждалась и запоминалась. Стасов значительно поднимал палец и внушительно твердил: «Гаршин – для сына Грозного!» Не было дома, где бы не было воспроизведений картин Ильи Ефимовича. Это были не случайные гости, но народная гордость хранила бережно эти вехи жизни народа русского. «Бурлаки», «Не ждали», «Крестный ход», «Грозный», «Царевна Софья», «Запорожцы» – целый ряд творений, и каждое из них переворачивает страницу истории русского искусства. И сама творческая жизнь мастера, его умение трудиться не покладая рук, его уход в «Пенаты»¹, его вегетарианство, его писания – все это необычное и крупное дает яркий облик великого художника. Толстой говорил: «Не могу молчать». Так же и Репин не мог молчать и брался за перо, чтобы сказать на общую пользу. Портреты Репина составляли целую историческую галерею.

Жаль, что в Париже остался превосходный карандашный портрет молодого Серова. Надеюсь, он сохранился, а хотелось бы иметь его здесь, в Гималаях. Много встреч было с Ильей Ефимовичем. Первая была в его мастерской у Калинкина моста. Повез показать ему эскизы и этюды. Ласковый мастер сказал многое доброе. В академии шептали: «Сам Репин здесь». И вот в этом «сам» звучало высшее уважение.

¹ «... его уход в «Пенаты» – «Пенаты» – дача жены И. Е. Репина Н. Б. Нордман-Северовой в местечке Куоккала на Карельском перешейке, где с 1900 года поселился художник. Во время Великой Отечественной войны «Пенаты» были разрушены, но впоследствии восстановлены и объявлены музеем.

Тангла. Песнь о Шамбале. 1943 г.

Репиным была отображена атмосфера дома Толстого, и сам великий писатель глубоко говорил о Репине, когда Стасов и Римский-Корсаков свезли меня после моего «Гонца». Толстой спрашивал: «А Репин одобрил?» Хотел Илья Ефимович, чтобы я был в его мастерской, и Матэ передал мне об этом.

Не только в академии, но и в Обществе поощрения художеств мы постоянно встречались. И опять пробежал шепот: «Сегодня доставили репинскую картину!» И бежали смотреть. Все чуяли нечто значительное. Когда-то на улицах Питера можно было встретить Пушкина и Гоголя, а теперь кивали друг другу: «Смотри, вон проехал Репин!» Когда пронеслась весть, что рука дикого вандала изрезала «Грозного»¹, какое всеобщее негодование вспыхнуло! Конечно, всюду имеются вандалы...

Как прекрасно, что трудовые народы Союза почтили память великого творца! Почтили не только официально, но сердечно. Состав комитета свидетельствует, как дружно сошлись лучшие художники и писатели, чтобы еще раз поклониться нашему великому русскому мастеру. Говорили, что «Пенаты» разрушены немцами и финнами. Отвратительны такие злобные бессмысленные разрушения. Но русский народ создаст новые, нерушимые «Пенаты».

В Гималаях сегодня мы побеседуем о Репине, помянем добром, скажем: «Слава великому художнику! Слава великому народу, хранящему свое культурное достояние!»

*Лист дневника № 490
4 августа 1944 г.*

СВЯТОСЛАВ²

Получаем снимки с последних картин Святослава. Некоторые сняты в цветной фотографии и потому еще более напоминают о тех сверкающих красках, которыми насыщены его картины. Если возьмем сравнить его достижения за последние годы, то можно видеть, как неустанно совершенствуется та же основная песнь красок. Форма и раньше была четкой и выразительной. Краски были сильны, но сейчас с каждым годом вы изумляетесь прозрачности и возвышенности этих красочных сочетаний. Будет ли это портрет, или этюд лица, или пейзаж – во всем будет и воздушность, и убедительность, и какой-то совершенно особый, присущий ему реализм. Этот реализм, конечно, скорее может быть назван реальностью, но никак не условным реализмом, как его понимали в недавнем прошлом.

В каждой картине Святослава есть и то, что мы называем композицией. Иначе говоря,

¹ «... изрезала Грозного...» – 16 января 1913 года один из посетителей Третьяковской галереи, Абрам Балашов, по профессии иконописец, душевнобольной, терявший рассудок при виде крови, изрезал ножом картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Картина была реставрирована Д. Ф. Богословским и И. Э. Грабарем.

² Святослав – Святослав Рерих (р. 1904) – младший сын Н. К. Рериха, художник.

то, что выявляет индивидуальность мастера. Иногда мало знающие люди думают, что портрет не есть композиция, а сочинение будет исключительно в каких-то исторических нагромождениях. Но прирожденный композитор выразит это свое качество решительно во всем. Он «увидит» портрет. Он возьмет человеческий облик так, что выявятся наилучшие выражения черт и. как в высоких мастерских портретах, вы не подвинете изображение ни на одну линию.

Некто привел своего сына к Ван Дейку и, прося принять его в мастерскую, уверял, что сын его уже умеет писать фон портрета. Великий мастер справедливо заметил: «Если ваш сын умеет писать фон портрета, то ему у меня уже нечему учиться». В этой истории подчеркнуто, насколько каждая часть картины является ее нераздельным существенным выражением.

В картинах Святослава замечаем именно гармоническую напряженность всех частей картины. Великое качество произведений, если в него не вкралось безразличие. Так же, как в самой жизни лишь мертвый глаз может предположить безразличие хотя в малейшей подробности, так же точно в искусстве, в творчестве мастера будет жить решительно все. В этой взаимной вибрации заключена мощь великих произведений искусства.

Брюллов говорил: «Искусство весьма просто. Следует лишь взять определенное количество краски и положить на нужное место». В шутке большого художника заключалось необычайно меткое определение. Именно только нужен определенный состав краски и следует наложить его на определенное место полотна. Вот и все. И действительно, большой мастер не сумеет словами рассказать, почему именно ему нужен этот, а не другой состав краски, и почему он вливает эту комбинацию тонов в соседнюю гармонию.

Мастер творит. В творчестве всякий земной язык оказывается неприложимым и невыразительным. Но зато движения мастера непреложны. Он должен сделать так, а не иначе. Сама преемственность основ творчества в малом сознании будет подражательностью, но в истинном мастерстве она остается благородною преемственностью...

Когда мы видим прекрасное произведение, оно вызывает в нас все лучшее. Под сводами великолепного собора отменяются ссоры, и в звуках мощной симфонии неуместны сквернословия. Но чтобы отдельная картина доставляла такое же синтетическое преобразование, она должна быть глубоко гармонична, именно напряжена в этой глубокой симфонии всех своих частей. Или эти качества выльются в произведении, и оно сделается радость носящим, или чудотворность не войдет в расположение красок и линий, и это будет формальное заполнение холста...

Скучно вспоминать какие-нибудь формальные картины. Ни условный сюжет, ни их мысленное назначение не покроют их формализма. Но как радостно видеть прекрасные цветы молодые, когда они будут рассыпаны щедрой рукой творца. Никогда вам не наскучит любоваться самоцветами. Так же и в великих произведениях искусства эта самоцветность и самобытность вносят еще одно светлое творение в многообразие бытия.

Как бережно нужно относиться ко всему, что приносит радость и свет!

Прекрасно, если можно любоваться звучными творениями. Прекрасно, если дан в жизни этот высокий дар, которым все темное, все бедственное превращается в радость духа. И как радостно мы должны приветствовать тех, которые волею судеб могут вносить в жизнь прекрасное!

22 мая 1935 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБОРОНА РОДИНЫ

Алексей ОКЛАДНИКОВ, академик

Есть что-то близкое, родственное у Николая Рериха и Афанасия Никитина во внутренней сущности, в главной направленности путешественников. Есть что-то созвучное и родное в их тяге к легенде, в рублевской мечте о мире правды и совершенства. И, конечно, где бы ни пролегали их пути, как бы далеко ни занесла их беспокойная душа, она была полна нежной привязанности к родным снегам и зеленым рощам берез, светлой тоски по России.

Барнет Д. КОНЛАН, писатель (Франция)

Рериха можно сравнить с гигантским деревом, пустившим корни глубоко в одном месте, а свои великолепные ветви раскинувшим широко кругом – по всему миру. Из всех современных народов русские имеют, быть может, самых величайших гениев искусства, и если есть какой-либо великий ренессанс искусства, в глубоком значении Парфенона, то выявление его выпало на долю России. Русскость Рериха не случайна и соединена с его непрерывным маршем по всему миру.

Историю русского народа Рерих рассматривал, как историю ратных подвигов, самопожертвований на благо своей земли, военных побед, строительства и прогресса. «В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление... Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и схороненную, как силушка Ильи Муромца».

В своих батальных картинах Рерих утверждал величие русского духа, красоту народного подвига. Он видел прямую связь военных побед наших предков с воинскими подвигами солдат Красной Армии. Обращаясь к истории, он не порывал с современностью,

наоборот, стремился показать, что военная доблесть – неотъемлемое и непреходящее качество русского народа, присущее ему с незапамятных времен.

Оборона Родины. В это понятие Рерих вкладывал многое – все то, что делается ей на пользу. Оборонять можно и средствами искусства.

В годы второй мировой войны Рерих писал: «Проникло глубоко сознание, что оборона Родины повсюду – и на полях битв, и на полях труда. Всюду тот же священный порыв, победный, неукротимый. Живы в памяти герои – Кутузов, Суворов, Минин, Пожарский, Александр Невский...»

Вторжение фашистов на территорию СССР потрясло Рериха. Под впечатлением происходящего на Родине в его представлении с новой силой возникают образы русских героев, боровшихся за независимость Отчизны. В тот период он создает полотна: «Партизаны», «Настасья Микулична», «Единоборство Мстислава с Редедей», «Борис и Глеб», «Александр Невский», «Ярослав», «Мстислав Удалой». «Богатыри проснулись» – целый героический цикл.

Живя за рубежом, Рерих защищал Родину от клеветы и нападок, прославлял ее народ, умножал число ее друзей, тем самым нажив себе немало врагов. И в своих детях он воспитал любовь к России.

В 1941–1944 годах Рерих устраивал в городах Индии выставки своих картин, направляя вырученные от их продажи деньги в фонд советского Красного Креста и на нужды Красной Армии. Его младший сын, Святослав, не только активно помогал в сборе денежных средств, но и выступал в лекториях и по радио с патриотическими речами.

В 1942 году по инициативе Рериха и его американских сотрудников – З. Г. Фосдик, Д. Фосдик, К. С. Кэмбел и др. – в Нью-Йорке была создана Американо-Русская культурная ассоциация (АРКА), призванная служить делу взаимопонимания народов двух великих держав. Среди сотен активных членов этой ассоциации были известные деятели искусства и науки, в том числе Э. Хемингуэй, Ч. Чаплин, Р. Кент.

В светлые весенние дни победы над гитлеровцами Рерих пишет радостную, красочную «Весну священную», полную звучных тонов, мелодичных линий, свежести, жизнеутверждения. Под звуки свирелей нарядные девушки исполняют вдохновенный и торжественный танец.

ОБОРОНА

Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно – в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к Родине было бы прежде всего некультурностью.

Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и

вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа.

Всякое культуроборство есть невежество. Всякое против культуры сквернословие есть признак животности. Человечность и служение человечеству воздвигнутся от культуры. Нести знамя культуры – это значит охранить лучшие мировые ценности. Если мировое понятие близко душе человечества, то насколько же ближе и проникновеннее звучит слово о Родине.

Утверждение о Родине не будет отвлеченным, туманным понятием. Кто берется утверждать, тот и сознает всю ответственность подвига утверждения. Люди не могут удовлетворяться отвлеченностями. В мире все реально, и в высшей красоте реальные сияющие вершины. На земле покоится вершина. На кристалле мысли зиждется осознание Родины в общечеловеческом ее понимании. Защита Родины есть защита и своего достоинства.

Защита Родины есть и оборона культуры. Поверх каждодневной пыли сияет понятие Родины. Тот, кто осознает это понятие, прекрасное и нерушимое, тот может почитать себя сознательным работником культуры. В трудах, среди препятствий, будто бы необоримых, находятся молодые силы. В любви к человечеству, в любви к Родине найдут молодые сердца неосудимое, светлое стремление к подвигу. В этом русском слове – в подвиге – заключено понятие движения, преуспевания и неустанного созидательства.

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысля о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях.

1936 г

РУССКИЙ ЯЗЫК

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

На склоне лет сердечно выразился Тургенев о русском языке. Истинно великому народу дан и великий язык. Звучен язык Вергилия и Овидия, но ведь не свободен он, ибо принадлежит прошлому. Певуч язык Гомера, но и он в пределах древности. Есть соревнователь у русского языка – санскрит праотец. Но на нем даже в Индии уже не говорят. А ведь русский язык жив. Он живет для будущего. Он может обогащаться всеми новыми достижениями и сохранять свою певучую прелесть. Он не останется в пределах Пушкина, ведь слишком много нового вошло в жизнь и требует своего выражения. Тем более нужно подтвердить основную красоту русской речи. И для всех славянских наречий русский язык остается кормилом.

Но скажут ли достаточно в русских школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, от первого дня. пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, о вместиимости, о подвижности и выразительности своего родного языка. Нужно знать иностранные языки. Чем больше, тем лучше. Познавая их. русский человек еще более утвердится в осознании, какой чудесный дар ему доверен. В ответственности за чистоту и красоту своей речи человек найдет лучшие средства, как выразить вновь сложенные понятия, которые стучатся в новую жизнь.

Язык видоизменяется с каждым поколением. Только в суете быта люди не замечают этих пришельцев. Но пусть будут они достойны великого языка, данного великому народу. Многие отличные определения оказываются временно загнанными, ибо их твердят, не придавая истинного смысла. Во время душевных смятений человек уже не может осознать всю красоту им произносимого. В столах и воплях нарушается песнь. Но пройдет боль, и человек опять почувствует не только филологически, но сердечно, какое очарование живет в красоте речи. Прекрасен русский язык, и на нем скажутся лучшие мысли о будущем.

*Лист дневника № 90
1939 г.*

ДРУЗЬЯМ-ХУДОЖНИКАМ

Велика радость слышать об успехе Русского отдела на Выставке в Нью-Йорке. Пишут, как выситя русское здание и какие толпы восхищаются самоцветною картою российских необъятностей¹. Нам столько раз в разных странах приходилось убеждаться, насколько мало представляют себе иноземцы русские пределы. Когда мы указывали на сравнительных картах эту шестую часть света, то в ответ мы получали искреннее изумление. И теперь Русский отдел выситя в Нью-Йорке, как притягательный маяк. И еще одно своеобразное признание слышится. Злошептатели – ведь всюду найдутся завистники и клеветники – негодуют, как можно было допустить, чтобы Русский отдел доминировал над всеми прочими зданиями выставки. В этом возмущении сказывается необычное признание. Так же точно, с огромным успехом прошел и Русский отдел на минувшей выставке в Париже. Восхищались и хорами и театром. Знатоки говорят, что русский народ есть наследник чудесного будущего. Пишут теперь, что мир всего мира зависит от русской мощи, от русского решения. Европейские журналы пестрят изображениями жизни народов Союза. Бодрые овладатели воздухом уже сделались великим примером. Идут стройные ряды воинства, и чувствуется в несломимости их защита Родины. О русском искусстве вновь громко заговорили. В то время, когда Запад утопает в сюрреализме и параноизме, русские художники утверждают реализм жизни, исторический реализм, из которого растет здоровое совершенствование. Дружные усилия исследователей открыли многие древние сокровища, захороненные в российских пределах. Опять встали советы мужей Новгорода, и в охране этой старины звучит бодрая новизна. Оценены народом Мусоргский, Репин, Павлов и все, кто поработал на ту славу, которая теперь уже понимаема всеми народами. Многие пережито, многое строится, и народ оценит все реальные события прошлого, которые ведут к блестящему будущему. Александр Невский, Сергей Радонежский, Ломоносов. Кутузов, Суворов, Пушкин – все, потрудившиеся для подвига русского, оценены народным поклоном. В здешних далеких горах – в Гималаях – помнят, как и в Индии прошли русские, и Афанасий Тверитянин² давно, в пятнадцатом веке, и Долгорукий при Акбаре³ оставили легенды, а теперь эти предания оживлены новыми преуспеваниями русскими. Во всех признаниях русские художники всех областей имеют почетное место. Еще раз реально было доказано, что искусство является великим связующим звеном международным. Мы помним, при каких трудных условиях зачинались эти мирные завоевания русского искусства. Власть имущие бывало вовсе не желали признать значение художества во всех его проявлениях. Но ведь эти расцветы народов прежде всего выражались в их творчестве, в их созидательстве, в их искусстве. Это творческое строительство проникает во все слои жизни и становится близким даже самым далеким странам. При этом, как всегда, народ русский далек от гордыни. О себе он говорит мало, но то, что он делает, само шествует по миру, и перед этим великим носителем склоняются люди в искреннем приветном поклоне. В этом году Российская Академия художеств справляет памятную годовщину своего основания. Всем нам, связанным званием своим с этой

¹ «... восхищаются самоцветной картой российских необъятностей...» – карта СССР, демонстрировавшаяся на Международной выставке в Нью-Йорке в 1939 году. Была выполнена из драгоценных и полудрагоценных камней.

² Афанасий Тверитянин – Афанасий Никитин, русский путешественник, купец из Твери.

³ «... при Акбаре» – Джелал-эд-Дин Мухаммед, прозванный Акбаром (Великим) (1542–1605) Прославленный император династии Бабуридов, так называемых Великих Моголов (потомков Тимура и Чингисхана). Завоевал большую часть Индостана и основал мощную империю.

академией, радостно послать друзьям-художникам душевный привет. Радостно вспомнить, что, говоря о годовщине академии, уместно восстановить в памяти и все пути искусства русского. Прошло то время, когда искусство народное считалось чем-то прикладным, низшим. Теперь, наконец, после долгих настояний уяснили себе люди, что народное творчество, лежащее в основе всей жизни и всех продвижений, есть подлинное искусство.

Стражи ночи. 1940 г.

Во время великой войны¹ в мастерских для увечных воинов мы могли наблюдать, как быстро усваивали искусство взрослые люди, об искусстве как бы никогда и не помышлявшие. Но оно жило в них, и стоило лишь дать толчок, чтобы цветы творчества прекрасно распустились. Довелось наблюдать и в школе, среди тысяч учащихся, пришедших большей частью от земли, от фабрик, от всех областей труда, как быстро это молодое поколение делалось настоящими художниками. Потом многие из них возвращались к своему трудовому станку, но их особенно ценили опытные мастера, потому что во все отрасли производства они вносили основу художества. Народы Союза все прилежат к искусству, именно творческому искусству. И в этом источнике заключается неисчерпаемость. Когда мы говорили «Чаша неотпитая», то именно думалось о том великом будущем, которое уже осуществляет народ, полный творчества и строительства. Привет всем друзьям-художникам, писанным и неписанным, знаемым и незнаемым, сынам великого народа.

*Лист дневника № 116
7 июля 1939 г.*

НЕ ЗАМАЙ!

В нашей изварской библиотеке была серия стареньких книжечек о том, как стала быть Земля Русская. От самых ранних лет, от начала грамоты, полюбились эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про изгоя Ростислава, про королеву Ингегерду, про Кукейнос – последний русский оплот против ливонских рыцарей. Было и про Ледовое побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Свято-полка Окаянного. Конечно, была и битва при Калке, и пересказ «Слова о полку Игореве», была и Куликовская битва, и напутствие Сергия, Пересвет и Ослябя. Были и Минин с Пожарским, были и Петр, и Суворов, и Кутузов... Повести были собраны

¹ «Во время великой войны...» – имеется в виду первая мировая война.

занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Все это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: «Не замай!»

Впоследствии, изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда ее хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторить тот же окрик: «Не замай!» Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко.

Сколько новых незаслуженных оскорблений вынес народ русский! Даже самые, казалось бы, понятные и законные его действия зло толковались. То, о чем в отношении других стран деликатно умалчивалось, то вызывало яростные нападки иноземного печатного слова. При этом потрясающе было видеть неслыханное вранье, которое никогда не было опровергнуто. Малейшая кажущаяся неудача русская вызывала злобное гоготание и поток лжи, не считаясь с правдоподобием. Все это остается во внутренних архивах.

Останется также и то, что победы русские были исключены на Западе из исторических начертаний. А если уже невозможно было не упомянуть об удачах, о строительстве русского народа, то это делалось шепотом, в самых пониженных выражениях. И об этом остались нестираемые памятки. Для иноземных катастроф находились в международной печати самые выпендренные восклицания. Понесенные удары провозглашались победами, и преувеличению не было границ. Обо всем этом тоже остались печатные листы: бумага все терпит, а сознание людское все принимает, что отвечает его внутреннему желанию.

Но не помогло обидчикам русского народа все это кусательство. Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский в своей целине необозримой выоривал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей справедливости, которая много раз уже грозно сказала: «Не замай!» Об этом можно было написать поучительное историческое исследование. Будет в нем сказано о том, как народ русский не только умел претерпеть, но и знал, как строить и слагать в больших трудах славное будущее своей великой Родины. Ох, хотели бы стереть с лица Земли пятую часть света! Искажаются гримасами враждебные личины, слыша сведения о достижениях русских. Судьба неуклонно слагает великий путь народов русских необъятностей, – не замай!

Лист дневника № 182

10 июня 1940 г.

ВЕЛИКОМУ НАРОДУ РУССКОМУ

Гонец о восстании гнал в челне уже сорок три года назад. Затем сходились старцы – народоправный совет. На следующий год шел в гору поход за родину. Наконец, строили город. И на строительстве поклон великому народу русскому.

Так ждалось, так предвиделось и так увиделось. «Город строят»! И какой чудесный, мощный! Не в суеверии, но в знании прислушался народ. Приложил к земле ухо богатырское. Осмотрел в кулак холмы окрестные. Собрались народы союзные, строить решили. Чаша неотпитая! Открыла Земля недра. В обновленном мышлении русский богатырь Иван Сотысячный встретил восход Красна Солнышка.

«Сходятся старцы» были сопровождены былиною. Кончалась она так:

Старцы земель Новагорода
Сойдутся под дубом развесистым.
Ворон на дубе не каркает.
За лесами заря занимается.
Засияет, блеснет Красно Солнышко,
И проснется земля наша Русская.

«Богатыри проснулись» сейчас пишется. Посвящается великому народу русскому. Когда-то слагали былинку «Как перевелись богатыри на Руси», но тогда же верили, что

проснутся они в час сужденный. Выйдут из гор, из пещер и приложатся к строительству народному. Вот и пришел час. Вот народные богатыри город строят.

Илья Муромец встал. Добрыня побывал в Галиче. Микула зачал новую пашню. А Настасья Микулична многих перегнала. По поднебесью летает на страх злым. А зависти-то сколько за морями! За морями земли великие. Только нам недосуг до них. Свою целину не объехать, свою скрыню не убрать.

Лежит передо мною «Слово о полку Игореве», отлично украшенное палехским мастером. Само «Слово» как бы горестное, но оно лишь напоминает, как из беды встанет народ и неустанно начнет строение. Великому народу русскому ничто не страшно. Все победит: и лед, и жару, и глад, и грозу. И будет строить на диво.

«Город строят».

«Проснулись богатыри».

Лист дневника № 187

24 июня 1940 г.

КРАСНЫЙ ФЛАГ

«Красный флаг» – так называется редакторская статья в сегодня полученном номере «Гражданской и военной газеты» в Лагоре. Кто мог бы думать, что главная страница официозной пенджабской газеты может нести такую статью, полную одобрений советских действий!

На первых страницах последних номеров этой газеты пестрят выдержки из «Правды», из «Красной звезды», из «Красной газеты». Читаем крупные сообщения о том, что русский подводный флот первый в мире, а скоро и надводный флот займет такое же первенствующее место. Сообщаются твердые заявления, делаемые советскими дипломатами.

Не простое заигрывание с могучим медведем происходит, но звучит признание блестящих достижений русского народа. Много построено за последние годы, много завоевано мирным трудом. Подвиг этот совершался не в сладких условиях. Множество тягот было преоборено под свист и насмешки злопыхателей. Мерзкая клевета не однажды шипела и язвила о русских достижениях. Но вот переполнилась чаша мощи. Даже слепенькие прозрели, что с гигантским, мощным народом шутики плохи. Мечта о дружбе с великим медведем повсюду выросла.

Безразлично, где она образовалась искренно или же шепталась со скрежетом зубовым. История взвесит тайные думы и намерения. Важно, что там, где еще недавно неслись злобные рычания, там теперь преклоняются перед мощью народа-богатыря.

Даже закоренелые в предрассудках поняли, что мировая ось зиждется на русской мощи. «Разве не зришь, как нагнетается ось мировая?» – спрашивал Вергилий. Тогда поэт не мог знать, что лишь образовывался народ, которому суждено будущее. И какое славное будущее! Вот и пришло оно, когда уже опочили и первый и второй Рим.

Прекрасно, что нелегко завоевалось это будущее. Легкое строение от первого вихря и развалится. Великие камни сложил народ русский. На диво всем воздвиг не вавилонскую, но русскую башню. Стобашенный Кремль солнценосцев!

К чему пышные слова? Уж очень ликует сердце. Даже там, где еще на наших глазах гнезилось кислое подозрение, – и там воздается хвала русскому народу. Зачем ховать в подполье то, чему суждено будущее? Слышите ли – будущее и какое светлое!

Лист дневника № 218

8 декабря 1940 г.

ПЕРВОЕ МАЯ

По всем гималайским раскатам, через все Памиры и пустыни гремит первомайское радио. Разве не прекрасны призывы к трудящимся? Разве не заложены основы передовой культуры в ясных словах о сотрудничестве? Звучит строительство.

Народы Союза видят, что будет велико их наследие. Весь мир вовлечен в Армагеддон¹.

¹ Армагеддон – поле грядущей великой битвы в Библии. Рерих употреблял это выражение в

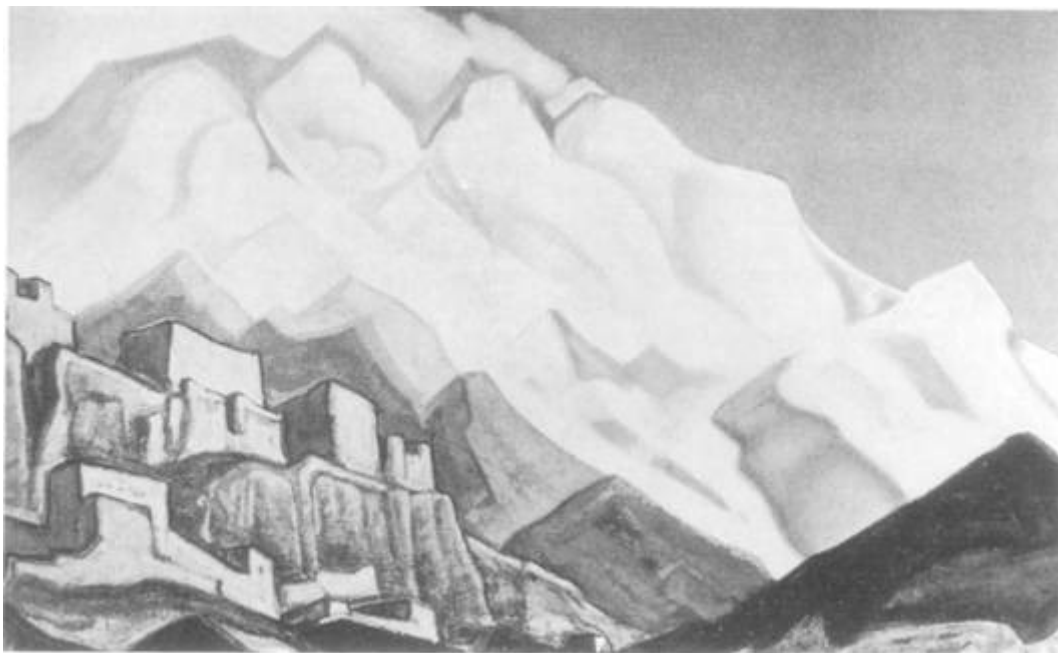
Все смущены. Все колеблются о грядущем. Но русский народ нашел свое русло и мощным потоком устремляется в свое светлое будущее.

Праздник труда отзовется по всему миру. Бесчисленны молодые сердца, воспринявшие новое строительство. Хотят люди ехать к народу русскому не из любопытства, не только из симпатии, но чтобы вместе потрудиться.

Ценно нам, русским, видеть, как быстро растет осознание мощи нашего народа. Под крыло его хотят примкнуть далекие сотрудники. Великое строительство превыше всего. Не имеют веса пустые слова, если иссякла сокровищница народной воли. Прочно основание, если на нем на диво миру возводятся твердыни труда.

Крепок народ неустрашимый, поющий «Если завтра война...». Мысленно видим стройное войско на Красной площади. Слышим встречу, приветствия, грохот артиллерии, танков, самолетов. Оборона Родины! «Мы все за мир, хотя готовы к бою». Жертвенно, бесстрашно готовы на подвиг, когда знают свое будущее, когда чувствуют, сколько созвучий рождается в народах всей Земли. Даже самые завзятые враги понимают, как велико будущее русского народа. В зависти, в ненависти они, сами того не желая, увеличивают русское значение. Такое вражеское признание выше многих похвал. Много пытались вредить народу русскому. Приходили воевать, мечтали о расчленении. Но все вредительства пошли лишь на пользу. Ярая ненависть есть высокое признание.

Счастье внутри нас. Счастье подвига труда прекрасно. И счастлив народ, который восчувствовал такое счастье. Лучшие ладьи приплывут к его берегу. Проснется неумное творчество. Народ познает, что есть общее благо. Невозможно насильно втолковать эту основу мира. Но русский народ уже познает, и призывно звучат его песни.

Тибет. Монастырь в горах.

Где-то беда и смятение, а на Москве радиоволны несут глазуновского «Разина». «Хоровод» Римского-Корсакова, Лядова, Прокофьева. О мирном украшении мыслит народ. Привет к всенародному празднику труда!

Лист дневника № 253

1 мая 1941 г.

ОБОРОНА РОДИНЫ

Столько событий, что и не записать. Война с Германией. Оборона Родины – та самая, о которой писалось пять лет назад. Уже тогда началось то, что вспыхнуло сейчас. Хочется написать. Хочется послать привет, а нельзя. Просто и на почте не примут.

Что бы мы делали без радио! По газете судить нельзя. Да и по радио трудно. Даже слагая пять передач, невозможно обнять сущность событий. Да и не может она обозначиться
смысле мирового столкновения.

в недельный срок.

Ложные сведения пересекают пространство. Даже дружественные люди не знают: как судить о новых военных судорогах? Тревожно за многих друзей. Писем не дождешься. Вот вчера девять писем с почты пошли в Дармасалу на третью цензуру. Странно, что правительственная цензура в Бомбее и Калькутте кому-то недостаточна. Кому-то нужна еще полицейская цензура в Дармасале!

Что бы мы стали делать сейчас без радио?! Знаешь, что посередине дня не может быть новых сведений, но все-таки ждешь не дождешься ближайшей передачи. Знаем, что гибельная беда не коснется народа русского. Знаем, знаем! Но болит сердце в ожидании волн.

В бурю всякие волны бывают, и ритм их не уловить. Шли на «Париже» в шторм. Уже все затихло, но в шесть утра вдруг ударила гигантская волна и выбила стекла во всех этажах судна. Все вздрогнуло, но ход корабля не нарушился. Так и волны жизни. Знаем, знаем! Но все же болит сердце за жизни молодого поколения. Быть бы с ними.

Знаем, что и здесь полезны, и делаем полезное. Но. может быть, где-то сделали бы еще более неотложное. Знаем, что на каждой пяди земли можно служить самому драгоценному, самому священному.

Если человек любит Родину, он в любом месте земного шара приложит в действие все свои достижения. Никто и ничто не воспрепятствует выразить на деле, чем полно сердце. Будь благословен час, когда расцветут все целебные травы! Русскому народу не страшны испытания, претворятся они в достижения.

*Лист дневника № 267
4 июля 1941 года.*

В ГРОЗЕ И МОЛНИИ

В грозе и молнии кует народ славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар и разор лишь способствовали величию Земли Русской. В блеске вражьих мечей Русь слушала новые сказки, и обучалась, и глубила свое неисчерпаемое творчество.

Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и схороненную, как силушка Ильи Муромца. История русской культуры еще недостаточно обследовала поток народных нарастаний. Сам народ сказал: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло».

Не успели прогреметь пять недель войны, а уже многие знаменательные знаки проявились. Обозначилось народное единение, оно несет верную победу. На заводах и в сельских хозяйствах заработала русская смекалка. Рвение увеличило продуктивность. Оборона Родины научила многим полезным приспособлениям. Изобретателен русский человек, а тут поддала жару ярость против врага, и повелительно захотелось преодолеть.

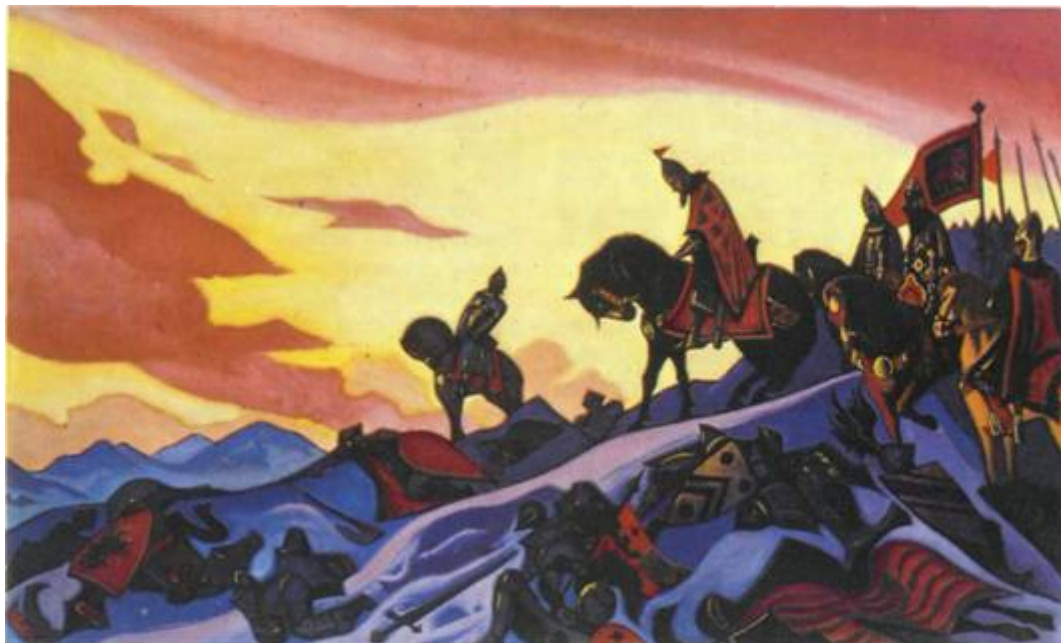
По всему миру раздались добрые пожелания русскому воинству. Громко сказалось удивление перед русскою стойкостью. Еще раз показались дружеские вести от всех народов, которые могут высказаться. Среди подавленного славянства воскресла надежда, а за нею придет и объединение.

Вместо горького испытания русский народ являет великое преуспевание. Возникло общее дело, а ведь такое осознание не может родиться на бесплодном пустыре. Плодоносна русская нива. Когда ударит набатный колокол, все спешат помогать. Уже поняли, что не «Моя хата с краю», а «На людях и смерть красна». Многое такое совершится, что даже самые заядлые враги содрогнутся и оценят достоинства русского народа.

«Мы от рождения крылаты», полетели летчики превыше. Понятия «Родина» и «человечество» сочетались разумно, и в этом заключено такое достижение, которое и веками не накопить.

Радио говорит о подвигах воинских и о смекалистых достижениях в труде. Проникло глубоко сознание, что оборона Родины повсюду – и на полях битв и на полях труда. Всюду тот же священный порыв, победный, неукротимый. Живы в памяти герои – Кутузов, Суворов, Минин, Пожарский, Александр Невский, сам Сергей Радонежский, великий наставник народа – все, положившие жизнь свою во благо Родины. В грозе и молнии

рождаются герои.

Александр Невский. 1942 г.

Еще знак! Во всех трудах крупное место принадлежит женщине. Это не отвлеченные, неприменные постановления конференций, а прямое участие в государственной работе. За пять недель войны сколько женских подвигов отмечено! Подвиги самоотверженные, требующие знаний, мужества и выносливости. Во много раз преуспел женский труд. Наконец-то женщина стала у правила труда и несет народу новые достижения.

И еще знак! К трудам допущено младшее поколение. С радостью молодежь берется за работу взрослых. Прикладывает свое рвение и растет осознанием важности доверенных задач. И это не отвлеченные школьные рассуждения, а живое приложение молодых сил к всенародному делу. Открывается самосознание, которое лишь в суровой самостоятельности укрепляет молодое стремление к творчеству.

В грозе и молнии рождаются герои.

*Лист дневника № 272
28 июля 1941 г.*

ПО ЗАСЛУГАМ

Вспомнились нападки фашистских газет. Экие ругатели! Главное обвинение было, почему я хвалю достижения русского народа. Мракобесы хотели, чтобы все достижения нашей Родины были стерты, а народ надел бы фашистское ярмо. Всякие Радзаевские, Вонсядские, Васьки Ивановы, Юрии Лукины, Суворины, Семеновы и тому подобные темные личности изрыгали всякую клевету и поношения на всех, кто не с ними. Но кто же с ними? Подонки, потерявшие облик человеческий.

Счастье в том, если оказываются врагами те, которые в сущности своей и должны быть такими. А друзьями пусть будут те, кому и надлежит быть и кем можно гордиться. Представьте ужас, если б фашисты начали хвалить вашу деятельность. Но судьба хранит и в списке врагов тех, кому там и быть надлежит. Вражеский список не мал.

Конечно, много лжи осталось не отвеченной, но сама жизнь отметет вредительский сор. Из-за фашистов порвались некоторые знакомства. Впрочем, и об этом жалеть не приходится. Если люди ослепли, не видят сущность, то с такими шатунами не по пути. Плакать можно, когда видите, как умышленно снижаются достижения, казалось бы, неоспоримые. Но сама жизнь путями неисповедимыми убирает дисгармонию, и самое ценное охраняется.

Не будем навязывать наши сроки. Они могут оказаться нашептанными самостью. «Скоро» и «не скоро» не в наших мерках. Подбор требует времени. Пусть явно подберутся все фашистские элементы и уйдут в преисподнюю. Жаль, что при таком переустройстве страдает и столько лучших сил. Но жизнь знает свои пути.

Много самозванных любителей что-нибудь «поставить на место». Пусть сама жизнь поставит по заслугам. И фашисты, и их приспешники тоже получают по заслугам. А русский народ стоит на месте героическом. Этот подвиг укрепит в истории культуры одно из самых чудесных мест.

Лист дневника № 273

30 июля 1941 г.

ПОДВИГ

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова «Указ» и «Совет» упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово – непере译имое, многозначительное русское слово «Подвиг».

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению.

Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово «подвиг». «Героический поступок» – это не совсем то; «доблесть» – его не исчерпывает; «самоотречение» – опять-таки не то; «усовершенствование» – не достигает цели; «достижение» – имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как «подвиг» безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину «подвиг». И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, – это «подвиг»!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс – это и дало России ее великолепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному – вот характерные черты героя.

Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру. «Подвиг» означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова «Указ» и «Совет», то они обязательно должны включить лучшее русское слово «Подвиг».

Волнением весь расцвеченный,
мальчик принес весть благую. О
том, что пойдут все на гору. О
сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени. Когда ты
далее пойдешь, ты назовешь
твою светлую новость не
сдвигом, но скажешь ты:

«Подвиг!»

Лист дневника № 323

1942 г.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Война все перевернула. Вся жизнь изменилась. Только в условиях скоротечного быта люди иногда не чувят, насколько все кругом и загорелось, и замерзло, а то и просто провалилось.

В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные и научные работы будут закончены. С 1936 года начались письма, запросы. Г. Г. Ш.¹ извещал, что Суриц² предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному совету о пакте. Писали в Комитет по делам искусств. Посылали книги. Ждали вестей. Незаметно подошли армагеддоновы времена. Удивительно оглянуться на обвалы и всякие мировые перестановки.

Переписка прекратилась. Множество людей показалось несуществующими. Надо думать, что и это мираж и друзья где-то и как-то все же существуют, но физически они неосвязаемы. Сколько писем осталось без ответа! И как догадаться, в какой пучине они опочили? Может быть, даже не вышли за пределы Индии? Ведь мы союзники, но как сие понимаемо? Вот почта стала еще отвратительнее, а сказать друзьям так много.

Нынче исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас, четверых³, в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа, мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много, где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам. И Юрий, и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий в науке, Святослав в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих? Велики находжения Елены Ивановны. Ее записи найдут живой отклик в сердцах искателей, мыслителей. Разве для чужих? И «Александр Невский», и «Ярослав», и «Святогор», и «Микула», и «Настасья Микулична» прошли по Индии и останутся во славу народа русского. И «Сергий Радонежский», и «Древний Новгород», и «Нере-дица», и «Открываем врата», и «Вестник» – все напомним о братском народе, о неделимой, дружной, великой семье народов. Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения.

Лист дневника № 325

7 марта 1942 г.

О БУДУЩЕМ

До чего хочется сделать что-то на пользу русского воинства, русского Красного Креста, русского народа. Давали мы индийскому Красному Кресту, давали на самолеты. Все это ладно, но хочется и в Индии устроить что-то полезное для русской победы. Дали мы четыре большие картины – две моих и две Святослава, которые должны дать не менее двадцати тысяч рупий. Кроме того, цветных воспроизведений на 1300 рупий, каталог, входная плата и значительная часть с продажи – все это должно дать не менее тридцати тысяч...

Святослав телеграфирует: «Выставка должна быть отложена». Значит, он натолкнулся на непреодолимые трудности. Чували мы, что в Дели неладно. В Лондоне будут устраивать трехдневный национальный праздник. Будут флаги и речи, и слова, слова и слова. В Австралии тоже национальный праздник в честь русского воинства...

Святослав хотел дать отличное радио, посвященное 23 февраля. Удастся ли? Столько подводных камней. Всякие сэры гарбачи изрыгают исподтишка злую слюну. А ведь как Святослав старался устроить что-то хорошее во славу русскую.

Сейчас от него вторая телеграмма о том, что подобная выставка может быть устроена в Бомбее в июле. Кто знает, может статься, такое решение – наилучшее. Видимо, в Бомбее нашлись деятельные друзья. Увидим.

Время смятенное. В Пуне умирает в заточении Ганди. Подумайте, Ганди – совесть Индии – кончается в заточении. Голодовка, слабость сердца, уремия – долго не выдержит.

¹ Г. Г. Ш. – Шклявер Георгий Гаврилович – французский юрист, друг Рерихов.

² Суриц – Суриц Яков Захарович (1882–1952) – в то время советский посол во Франции.

³ «... нас, четверых...» – имеются в виду Н. К. и Е. И. Рерихи и их сыновья – Юрий и Святослав.

Какая легенда останется! Недаром говорили, что мертвый Ганди страшнее для Англии, нежели живой. Тяжко думать о конце Ганди. Такое же гнетущее чувство было, когда уходил Толстой. Переворачивалась страница истории. Уходит народная совесть, а когда она опять кристаллизуется в ком-то? Честный человек покидает Землю, а много ли их – таких честных? Много ли таких самоотверженных?

Слушаем каждое радио. Русские победы перевернули великую страницу истории. Ганди – тоже страница истории. Многое решается. Лагорское радио передало прекрасный привет Святослава русскому воинству. В Калькутте, в Карачи, на Цейлоне процессии.

Лист дневника № 387

21 февраля 1943 г.

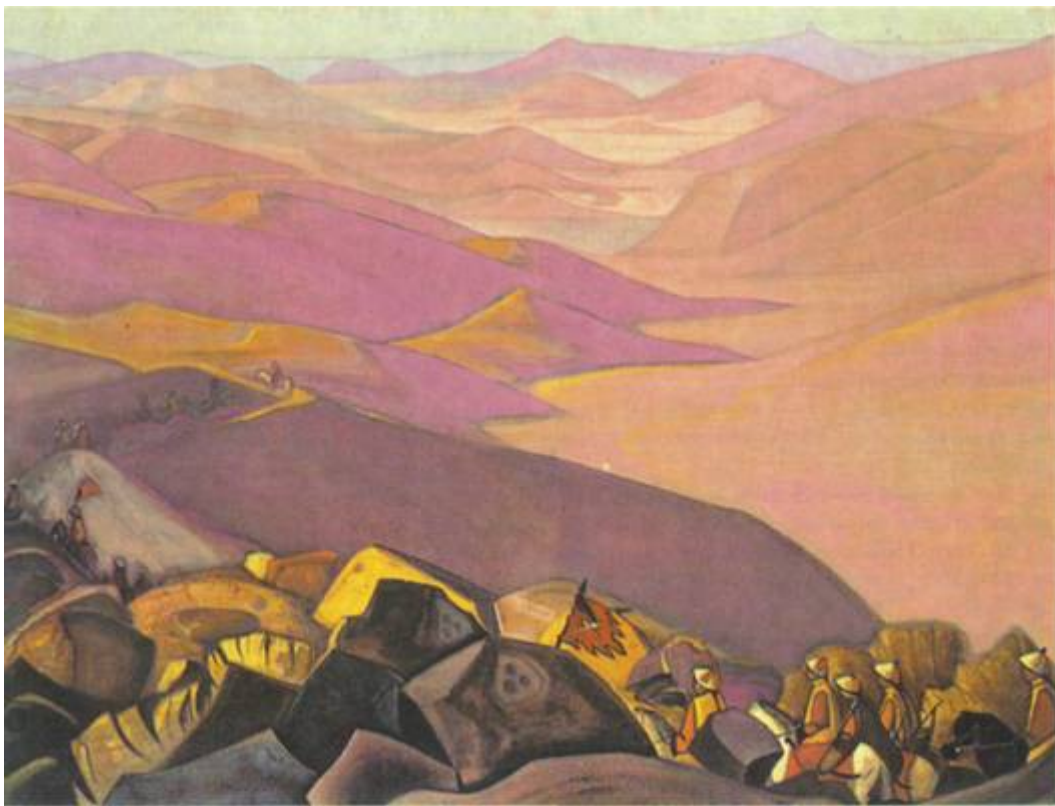
СЛАВА

«Зачем я шел в тебя, Россия?» – пели германские пленные офицеры, проходя по улицам Сталинграда. Так передавало Московское радио. Победа, огромная победа! Вспоминали мой листок «Не замай!», писанный до войны. Поистине «Не замай!» Россию. Каждый посягнувший на нашу Родину погибнет с несмываемым позором.

В истории запечатлены потрясающие примеры, как были поражаемы враги русского народа. Разнообразны бывали эти поражения. Одни сказывались мгновенно, другие

постепенно отстукивались на разложении стран, поднявшихся против России. И об этом можно бы написать целую поучительную книгу.

И другая книга должна быть написана – о том, как великодушно, геройски вставал весь народ русский на защиту Родины. Самые многочисленные враги земли русской бывали посрамлены несломимым духом воинства русского, и жертвенным самоотвержением всего народа. Александр Невский, Сергей Радонежский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский. Суворов и Кутузов – сколько славнейших вех, сколько победных восхождений?

Монголия I. 1930 г.

... Каждое всенародное испытание вливало новые, неисчерпаемые силы в русские сердца. После бури еще приветливей светило солнце. Гора много, но горе преходяще, а радость нетленна. Знает русский народ священную радость любви к Родине. Знает неустанный, преуспевающий труд. Полон народ смекалки и творчества. Помнит, что «промедление смерти подобно»...

Не найдется более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую землю, на

союзную семью народов, дружно слившихся на священной единой целине. От бойца до вождя – все трудятся. Рождаются новые силы. Крепнет сотрудничество. Исполняется сужденная слава народа русского. Бывали всякие недоверы, бывали трусливые «перелеты», бывали «нетовцы» – отрицатели. И вся эта пыльная труха исчезала, когда восходило бодрое яркое солнце народного преуспевания. Спорили мы со многими шатунами, сомневающимися. Лжепророки предрекали всякие беды, но всегда говорили мы: «Москва устоит!», «Ленинград устоит!», «Сталинград устоит!» Вот и устояли! На диво всему миру выросло непобедимое русское воинство! Жертвенно несет русский народ все свое достояние во славу Родины! Слава, слава, слава!

*Лист дневника № 383
4 февраля 1943 г.*

«ОГОНЬ – НА МЕНЯ!»

Из Москвы много раз передавали этот героический приказ: «Огонь – на меня!» Высота самопожертвования грозно звучит в слове, самообрекающем на верную гибель. Воин – собою, своею жизнью велит направить орудия на него, ибо около много врагов. Памятник должен быть на месте такого героизма. Молодое поколение должно запомнить, как славно отдавали жизнь за Родину русские воины. В полном сознании, имея возможность отступить, герой предпочитал гибель за Родину. Другой телом своим закрывал дуло пулемета, чтобы спасти своих товарищей.

Велик синодик русского геройства. Вот воинство наше отменяет врага от Киева, спасает мать городов русских. Уж, наверно, враги укреплялись в Киеве всеми своими средствами. Слишком важен для них был Киев-град великий. И вот через быстрины Днепра плывет грозное воинство, окружает неприступную крепость и грудью своею освобождает град, где слагалось столько славных преданий.

Для врага такой удар сокрушителен не только стратегически, но морально. Зарился враг на Москву, на Ленинград, на Сталинград, думая поразить русское сердце, расшатать устои народа. Но – «Огонь – на меня!» – грудью отстояли богатыри священную свою землю.

Сейчас по бездорожью, по осенней распутице воинство гонит врага на диво всему миру. Пожимают иноземцы плечами, шепчут: «Невероятно!» Но что может быть невероятного для великого народа, сплотившегося во спасение Родины? Наполеоновщина кажется малой сравнительно с размахом нынешних событий...

Немецкая армия шла непобедимо, пока не толкнулась о русские твердыни. И разве сокращение фронта сейчас происходит? Происходит поражение под ударами русских войск, под водительством генералов достойных. Нигде не зацепиться «непобедимому» врагу. Даже естественные преграды не спасают его. В днепровских стремнинах тонут враги. Бросают оружие и бегут, бегут!

Русский воин зычно на весь мир кликнул: «Огонь – на меня!» Принял герой все стрелы в свой щит, в свое сердце! И спас Родину. Какая славная былина: «Огонь – на меня!»

*Лист дневника № 435.
20 октября 1943 г.*

«НОВЫЙ МИР»

Прислан редкий гость – «Новый мир», – четыре номера за этот год. Много ценного материала. Прекрасны мысли Алексея Толстого о детских книгах и о сохранении чистоты русского языка. Жаль двух исконных выражений. Толстой против «захоронить» и «зачитать». Но ведь народ издавна знает «клад захороненный» и «книгу зачитанную» – пропавшую у приятеля. Народ сказывает о том, как клады захоронили, и никак иначе нельзя выразить это народное определение. Но это – подробность, а общая мысль Толстого так своевременна, неотложна.

Майский вспоминает жуткую бывальщину и взлеты молодежи. Интересны уральские сказы. Значительны, как всегда, статьи Эренбурга. В статье о живописи наряду с Репиным и Суриковым помянут и Верещагин. Это хорошо, а то одно время его обходили молчанием.

Елена Ивановна правильно отмечает, что во всех московских присылках нет пошлости и грязи. Героическому народу нужны суровость, устремленность к труду и строению. Этим светлым качеством преобладают трудности. Вот и победы закрепят славный путь народный. И сколько молодых полководцев выдвинулось. И сколько изобретателей, строителей создано. И сколько ученых и художников оценено народом. Народная жажда знания. Русская смекалка! Русская красота! Русское творчество! А как дружны все народы союзной семьи. Непобедимая мощь в таком единении. Целина необъятной земли открывает несчетные сокровища. Сказочная хозяйка Урала знает, что пришло время возвысить народы, помыслившие об общем благе. Каменные, непреклонны лица трудовых народов. Мыслят о будущем. И сколько безымянного подвига проявляется каждодневно, ежедневно.

Любят азиатские народы наших героев. В дальних горах и пустынях ткется славное сказание о богатырях, возлюбивших общее дело превыше всех своих житейских выгод. Народное, священное дело. Творчество жизни незабываемое...

Не о себе думает герой-воин, не о себе болеет сестра милосердия. Некоторые славные имена будут отмечены, а сколько безымянных героев, собою пожертвовавших, принеся жизнь за общее благо. Народу-труженику, народу-творцу, народу-победителю Слава!

Лист дневника № 435

11 октября 1943 г.

В МОСКВУ

Дорогой мой Боря¹, с Новым, с победным годом! Так и не знаем, дошли ли до Тебя два наших письма и телеграмма? Было еще письмо Нестерову, посланное через Тебя... Вчера я послал Тебе новогодний номер здешнего журнала «Новости Советского Союза». Журнал начал выходить в Дели с ноября и сразу был встречен повсюду огромным успехом. Номера все немедленно расхватывали, даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Египта. Теперь очень трудно с бумагой, а то тираж мог бы утроиться. Интерес и сочувствие везде. В будущем пойдет в красках моя картина «Партизаны» или «Весть Тирону-воину». Вероятно, в Дели состоится в феврале наша выставка в пользу военного фонда – все пойдет русскому воинству. Каждый должен принести и средства, и знания, и труд во славу Родины. Прекрасно говорит Алексей Толстой, – недавно слушали его «Разгневанную Россию» и «Славу». Воинству слава! Родовались и Щусеву за его радиосообщение о восстановлении Нового Иерусалима и города отдыха на Истре. Велико строительство русского народа! Представь себе, как мы сидим около радио и радуемся. Всегда мы верили в русскую мощь, так оно и есть...

Лист дневника № 380

1943 г.

ПОБЕДА

В Москве готовится выставка «Победа». Честь художникам, запечатлевшим победу великого народа русского! В героическом реализме отобразятся подвиги победоносного воинства. Будет создано особое хранилище этих великих памятников...

В дальних Гималаях радуемся. Приветов шлем. В лучах восхода видим праздник Москвы, праздник сердца народов. Хотелось бы послать на эту выставку мои: «Победа», «Партизаны», «Богатыри проснулись»... А как пошлешь? Отсюда еще хоть на верблюдах, а там куда доведет поезд? Если даже малые письма не доходят, то где же думать о посылках, о ящиках!

Мечтается, что преграды должны исчезнуть. Общечеловеческое естество должно превозмочь зубчатые заборы ненависти. Новое прекрасное трудовое действие откроет врата народных достижений.

Культурная связь воздвигнет сотрудничество народов. Обмен искусства породит новых друзей, даст содружество, согревающее сердца. Старая пословица напоминает: «Взаимность –

¹ «Дорогой мой Боря...» – Борис Константинович Рерих (1885–1945) – брат Н. К. Рериха, архитектор.

душа договоров».

Вот здесь издается на многих языках журнал «Дунья» («Весь мир»), а по-русски выходит милое имя Дуня.

Русское искусство, избежав всякого ветхлого фюмизма и блеффизма, идет широкой здоровой стезею героического реализма. От этого торного пути много тропинок ко всем народам, возлюбившим народное достояние. Сняты ржавые замки. Выросло дружное желание сотрудничества. Победа! Победа! И сколько побед впереди!

Лист дневника № 538.

24 мая 1945 г.

ДРУЗЬЯМ

Дорогие друзья! Спасибо за душевные весточки от М. Н., Е. Н., Наденьки и Вани. Надеемся, он получил нашу телеграмму с советом ехать на великую стройку, на всенародный труд, на творчество. Нас много спрашивают: «Ехать?» И мы всем отвечаем: «Да, да, да – ехать непременно во славу Родины, во имя созидательного труда». Как хорошо, что Е. Н. уже получила добрую весточку от своих уехавших. Именно хорошо там. И встретимся там. Не откладывайте.

Ваши вести долетели к нам с большим запозданием. Здесь ведь средневековые религиозные жестокие войны. Почта прервана уже давно. Заказных не принимают. А к довершению нахлынули небывалые ливни. Дороги снесены, и требуются месяцы для починки. Словом, уклад жизни нарушен. Телеграмму Ване мы пытались послать при случае – надеюсь, не пропала.

И еще у нас неприятное обстоятельство.

Уже четвертый месяц я болею и только теперь на пути к выздоровлению. Было очень тяжело, ведь никогда так болеть не приходилось. Вот все это и нарушило все связи. Так хочется на работу, на творчество.

И еще раз повторю мой совет: «Ехать». Там, на великой Родине, нужен всеобщий труд. Не бытовое прозябание, но бодрые достижения...

Не пишу о здешних событиях. Из газет вы знаете хотя бы отзвуки происходящего.

Велика людская жестокость, безмерно невежество. Попытаемся послать вам эту весточку простым воздушным – авось дойдет. Наверно, за эти месяцы множество писем погибло или где-то безнадежно валяются.

Итак, на новую ниву, полные любви к великому народу русскому. Душевный привет от нас всех. Сердечно.

Лист дневника № 660

18 октября 1947 г.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЗВУЧАНИЕ НАРОДОВ

Нина ДМИТРИЕВА, искусствовед

Искусство и вся деятельность Рериха принадлежат к тем крупнейшим культурным явлениям современности, которые служат сближению и взаимопониманию народов и тем самым питают собой новое искусство социалистической эры.

Юрий РЕРИХ, ученый-востоковед

Помню, отец любил повторять: «Через красоту подойдете. Поймите и запомните». И вся жизнь его была служением всеобъемлющей красоте и высокому знанию.

Везде и всюду он нес знамя русской культуры.

Заветной мечтой моего отца всегда была дружба между народами Советского Союза и Индии, дружба, основанная на взаимном понимании культурных сокровищ обоих народов. Только на этой основе заложат прочное, немеркнувшее сотрудничество обоих народов в великом деле построения мира во всем мире, деле, которому посвятила себя наша страна.

Калидас НАГ, художник (Индия)

Рерих был первым русским посланником красоты, который принес современной Индии бессмертный завет искусства. И мы навсегда благодарны ему за его вдохновенные мысли и сотрудничество по сближению России и Индии.

Гамильтон ИСТЕРФИЛД, художник (США)

Рерих использовал легенду в своем творчестве, как Мусоргский использовал народную песню. Когда творчество воплощает чувства человечества, в нем выражаются интересы всего мира.

В «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский писал, имея в виду культуру и искусство, что, только следуя разными дорогами, человечество может достигнуть одной общей цели, что разнообразие художественных традиций лишь обогащает мировую сокровищницу.

Рерих был того же убеждения. Культура и искусство каждого народа должны звучать по-своему, ярко и празднично. Употребляя термин «национализм», Рерих имел в виду «индивидуальность коллектива», то есть национальные особенности народа.

Однако звучание народов лишь тогда имеет смысл, когда направлено на общечеловеческую пользу. «Да, великое благо братство народов. Там, где упало такое зерно плодотворное, уже будет жить мысль о мире, о сотрудничестве, о героизме и самоотвержении. Лишь бы посеялось зерно братства».

При сотрудничестве, дружеском общении народов ярко и с пользой для всех проявляются их национальные черты, без которых не может быть полноценного творчества. Если художник не следует национальным традициям своей страны, его творчество обескровливается. Вместо того чтобы получить международное признание, оно, космополитическое по своей сути, становится ничемным, не вызывает никакого интереса ни у себя «дома», ни за рубежом.

Творчество Рериха – замечательный пример использования национальных традиций искусства родной страны. К интернациональному признанию художник пришел, оставаясь глубоко национальным, пришел именно благодаря этому. Любовь к культуре и искусству России позволила ему глубже и всесторонней изучить и полюбить культуру и искусство многих стран мира.

Рерих, доказавший, что древнерусское искусство может быть живым и действенным, исходивший из него, продолживший его традиции, создал и произведения, о которых Джавахарлал Неру сказал, что они напоминают индийцам многое из их истории, мышления, культурного и духовного наследия, «многое не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном...».

Еще и еще раз твердит Рерих о единстве изначального пути культуры разных стран мира. Повторяет свои соображения относительно общности многого, что есть в России и Индии. Говорит о давно любимой им сказке А. Островского «Снегурочка», в которой так удачно показано влияние на языческую Русь обрядов, веры и обычаев разных народов и в то же время подчеркнута ее самобытность. В пастухе Леле видит Рерих Кришну Лилу. В Снегурочке и Купаве – сказочную Гопи.

Своим отношением к Индии Рерих заслужил любовь и уважение ее общественных деятелей, философов, художников, писателей, ученых: Д. Неру, С. Радхакришнана, С. С. Сарасвати, С. К. и Р. Чаттерджи, А. К. Халдара, Дж. Боше и многих других.

РОССИЯ

Начальные главы Вашей работы догнали меня уже в монгольской пустыне. Хотя знаю, что эта моя весточка дойдет до Вас не скоро, но все же не могу не написать Вам¹.

Уж больно глубоко и правильно чувствуете Вы Россию. Мало где встречались мне определения, подобные Вашим. В яркой мозаике Вы сложили многообразный лик великой России. И сложили этот лик в дружелюбии ко всем частям его. Именно прошли по векам добрым. Лишь добрые знаки отмечают путь верный.

Вы говорите: «Россия не только государство... Она – сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не влегла в свои, предназначенные ей берега. Не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия – это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток.

Россия – это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия – меховая щетина бесконечных лесов, ковры лугов, ветреных и цветущих.

Россия – это бесконечные снега, над которыми поют мертвые серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники. Россия – страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на Земле типа...

Россия – страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия – не единая раса, и в этом ее сила. Россия – это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония...

Россия грандиозна. Неповторяема.

Россия – полярна. Россия – мессия новых времен...»

Не странно ли, что в письме к Вам выписываю Ваши же слова. Но слова эти так верны, так душевны, так красивы, что просто хочется в них еще раз пережить запечатленные в них образы. Ведь их нужно не только знать – их нужно полюбить. Чем больше мы всеми звуками и красками, всеми иероглифами бытия их запечатлеем, тем больше будет явлено правды, а ведь это так нужно. Так спешно нужно.

В дальнейшем Вашем обзоре строения русского самобытного искусства Вы правильно упомянули В. В. Стасова. С Вами вместе и я мысленно еще раз упомянул его. Ведь он, так

¹ «... не могу не написать Вам...» – письмо, адресованное писателю Всеволоду Никаноровичу Иванову.

сказать, впервые ввел меня в хранилища Публичной библиотеки. Он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддержал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же истинным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: «Хотя Ваша пожелтая грамота и припахивала свежим кофею, но дух-то ее оставался русским, настоящим русским». Помню его фельетон о моей картине «Поход», в котором он понял желанное мне, основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая у его знаменитого, отягченного книгами стола в Публичной библиотеке. Когда Вы приводите стасовские цитаты, мне так живо рисуется и Публичная библиотека, и все те хорошие, замечательные люди, приходившие к его радушному столу. Он же, Стасов, свез меня и познакомил со Львом Толстым после моей картины «Гонец».

Когда же Вы поминаете Мусоргского, дядю Елены Ивановны, то тем самым вызываете во мне обиход всех, родственно связанных с нашим великим композитором. Трагедия жизни Мусоргского тоже была истинно русской трагедией. Может быть, при встрече я уже поминал Вам, что в одном имени, по неведению, были сожжены многие рукописи великого творца.

Не помню, говорили ли мы с Вами о семье Римских-Корсаковых, о других членах «Могучей кучки» и о передвижниках, с которыми мне еще пришлось встретиться. Ведь Куинджи, Шишкин, Репин, Суриков, Нестеров, Васнецовы – все это было и близким и поучительным.

Вы правильно поминаете и нападки на все национальное. Между тем именно этим-то национальным русским искусством России было так оценено на Западе. Казалось бы, этот яркий, всем известный пример должен быть достаточным укором для всех тех, кто пытался свернуть мощную реку русского творчества в чуждое ей русло. Правильно Вы понимаете слова Стасова: «Всякий народ должен иметь свое собственное, национальное искусство, а не плестись в хвосте других, по проторенным колеям, по чьей-либо указке». В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек; но, как чуткий критик, он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она выявится в своих прекрасных образах. А сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писанное и неписанное, как в старинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрытая народная, та чаша неотпитая, о которой и Вы так сердечно чувствуете.

Надеюсь, что и дальнейшие Ваши главы хотя и медленно, но достигнут меня и принесут еще радость. Помните мою картину «Три радости»? Хожалый гусяр повещает поселянину о трех радостях. Сам святой Егорий коней пасет, сам Никола-чудотворец стада уберег, а сам Илья-пророк рожь зажинает. Не знаю, где осталась сама картина. В книге Эрнста¹ есть маленькое воспроизведение ее. Всякие еще несказанные радости живут в сердце.

Сегодня ночью, с вихрем, ударил сильный мороз и снег. В наших юртах стало холодно, даже часы остановились. Утром засияло красно солнышко, в буквальном смысле, а все бугры и горы забелели, зарозовели и засинели в нежданном снеговом уборе. Со ступеней бывшего храма окружающая местность мне напомнила две мои картины. Одну из далекой Карелии, другую из тибетского Чантанга. Такие же холмы были и в моей картине 15-го года «Зовущий». Все зовы о том же. Величие простора едино. Спасибо за Ваше слово о России, которое мне так по сердцу.

26 апреля 1935 г.

ИНДИЯ

Индия всегда была, есть и будет страной сказочной и чудесной. Неисчерпаемость возможностей индийских сказывается в ее противоположностях, тех крайностях, которые высекают вечный созидательный огонь борений, исканий и достижений. Много сходства с российскими равнинами и возможностями. Путешественники замечают это. Сами индусы

¹ «... в книге Эрнста...» – монография С. Эрнста «Рерих», изданная в 1918 году в Петрограде.

чувствуют себя на Руси, как дома, и русские в Индии тоже... Замечателен исторический факт появления Долгорукого при дворе Акбара и его особое значение, от верхов подобных Тагору, Джагадиш Боше, Даянанду Сарасвати, Рамахун Рою¹ и до самых незаметных бродячих садху всюду найдется глубокое мышление. Древние веды², прекрасная Бхагават Гита, упанишады³ и всевозможные пураны дают огромную конденсацию мысли. Не забудем, что в письменную форму все эти памятники облеклись после многих веков устного пересказа.

Один лик Индии, доступный спешащим путешественникам, явит базары, караваны и насыщенную уличную жизнь, в которых, как справедливо заметил еще недавно один русский приезжий, можно видеть подлинный античный мир Сирии и Месопотамии. Но за этим пестрым ликом выдвигается и другой лик – великий, выросший на пещерах Элефанты, Аджанты, Эллары. О нем же скажут и буддийские реликвии, и Сарнат, и Бодхигая, и цейлонская Анурадхапура, и Канди, и множество других памятников, которые удостоверяют, какая мощная энергия была заложена около них.

В Индии так же, как и на российских равнинах, вы никогда не знаете, когда встретите наиболее значительного путника. Много странников – сразу не рассмотрите, кто из них несет в себе большую думу и прекрасную весть. Мы сами встречали поразительных в своем разнообразии путников. Нередко богатые караваны тибетских гешэ не давали новой пищи, которая нежданно проявлялась и была приносима самым невзрачным по виду, оборванным ламою. Западная пословица «по одежде встречать, по уму провожать» в Азии трудно приложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз, пламенеющих мыслью. Прекрасна Индия.

*Лист дневника № 47.
1937 г.*

МОНГОЛИЯ

Хочешь лететь, лети над Монголией. Хочешь опуститься, для железной птицы всюду место найдется. Хочешь спешить на моторе – спешу по всем дорогам и по целине равнинной. Редко где можно покрыть такие пространства без препятствий.

Хочешь мерить пустыню верблюжьими шагами – шагай до усталости. Никаких препятствий не предвидится. В достатке будут верблюжьи колючие кустарники.

Хочешь скакать на коне – скачи. О дву-конь преодолевались монголами огромные пространства. Орды Чингисхана тому свидетельство.

Как будто безводная пустыня, а между тем очень часто почвенные воды совсем близки. Иногда на два, на три фута уже появляется вода. Кроме того, мы не раз уже писали о подземных потоках, которые через крупную гальку и валуны слышны и до сих пор. Хочешь проявить воду – яви, это в твоей власти.

Многие овощи могут произрасти на лессовых и песчаных почвах. Хочешь заняться ими – займись и получи, что тебе желательно.

Хочешь ли иметь улучшенных коней – скрести местную лошадь с туркестанскими и афганскими породами. В двух- или трехлетнем прилежании уже получишь начало следствий.

Хочешь ли иметь улучшенную породу овец и коров – никто тому не препятствует. Лучшие образцы могут быть очень легко привезены.

¹ **Рамахун Рой** – Рам Мохан Рой (1772–1833) – общественный деятель Индии, литератор. Был сторонником светского образования и изучения естественных наук. Его называют отцом бенгальской прозы.

² **Веды** (буквально: знание, особенно – священное) – наиболее древние памятники индийской литературы; их создание относится к периоду разложения родового строя. В ведах, представленных четырьмя сборниками стихотворных поэтических гимнов, записаны мифы и предания, гимны и обращения ко многим божествам, правила молитв и жертвоприношений и т. д. Возникновение вед датируется приблизительно II тысячелетием до н. э., а возможно, и ранее.

³ **Упанишады** (буквально: сокровенное знание, тайное учение) – многочисленные философские комментарии к ведийским текстам эпохи образования в Индии классового общества с его кастовым строем. Составленные жрецами-брахманами и их противниками, упанишады представляют собой множество рассказов и бесед на философские темы, которые ведут кшатрии (каста воинов), брахманы и цари.

Хочешь ли иметь леса в будущем – никто тебе не препятствует. Не только в древности все эти места были лесоносны, но даже и в недавнем прошлом, какие-нибудь десять лет тому назад, еще повсюду имелись деревья. Жестокость невежества их вырубил. Ведь жестокость и невежество о будущем не мыслят.

Хочешь ли иметь образцовое, показательное хозяйство – никто не мешает немедленно начать образцовые фермы под руководством людей, знающих и благожелательных. Сколько полезного обсеменения, сколько полезного травосеяния может быть введено в самое короткое время. А как легко может быть улучшено скотоводство. И школы могут быть при таких образцовых хозяйствах.

Таким путем, не теряя своих исконных качеств, народ может преуспевать в истинном продвижении.

Кроме того, всякие домашние ремесла, всякие трудовые артели могут так легко быть установлены. Во время великих морозов, вьюг, весенних буранов руки и народное воображение могут творить множества полезных предметов. Странно упоминать об этом, но когда вы видите врожденное художество монголов в плетениях, в узорах, вы понимаете, что легче легкого показать невидевшим людям, сколько полезного может быть творимо. При этом это все творимо может быть, не отказываясь от своих старинных устоев, не подражая чуждому, но работая в исконном, но сознательном продвижении...

Хотя минеральные богатства Монголии не использованы, но одни соляные промыслы от Великих Соленых озер дают уже сами по себе крупные доходы. Всем известно, что Монголия также изобилует хорошими сортами каменного угля, нефтью, железом и золотом. На присутствие последнего указывают сами названия некоторых хребтов Монголии. Нам самим приходилось видеть довольно крупные самородки и золотой песок, намываемый в речных руслах. Приходилось видеть и заброшенные прииски. При этом оставалось неизвестным, брошены ли они в силу иссякания, или по неумению работать, или вследствие каких-то прежних военных действий.

Когда-то приходилось писать о неотпитой чаше. Такая же неотпитая, но сокрытая чаша и сейчас находится перед нами. В разных областях жизни каждому приходилось встречаться с некоторыми особо сокрытыми обстоятельствами. Иногда невозможно понять, случайно ли сокрыты возможности? Впрочем, случая вообще не бывает. Значит, бывает сокрытым нечто в каких-то больших планах.

Особая бережливость и доброжелательство должны быть применены там, где почему-то сокрыты прекрасные возможности. Помогать всегда нужно. Идея помощи и взаимопомощи является самой действенной, гуманитарной задачей. Но вовремя и в разумных средствах должна быть каждая помощь. Невелика будет помощь – помочь младенцу обжечься от огня. Пусть опыт нарастает в наилучших условиях...

Многосотенные стада дзеренов, часто ходящие вместе с косяками коней, напоминают, насколько еще разрушительные свойства человеческой руки не коснулись этих равнин. С общечеловеческой точки было бы особенно жаль, если бы какие-то новые силы вошли и начали бы здесь применять лишь мертвые условия механической цивилизации.

Лишь в добром опознании местных условий, лишь в истинном дружелюбии и в настоящем стремлении к строительству можно найти и взаимность. А вы знаете, что сердце так неопровержимо чувствует, где живет истинная доброжелательная взаимность...

Нужно найти и доброе мышление, и добрый глаз, и доброе действие. Каждый проезжающий должен нести на пути своем посильную помощь. Может быть, он едет с ограниченной целью, но благая помощь его может быть безгранична.

11 мая 1935 г.

ЛИТВА

«Кони Световита» была одна из моих самых первых картин. Идея белых величественных коней, пасущихся в священных дубравах Литвы, давно меня привлекала. Кони, готовые на помощь человечеству! Молниеносные вестники, уже поседланные, уже ждущие клич! О такой идее говорил я моему другу Леониду Семенову-Тян-Шанскому, и он загорелся, как отзывчивый поэт, этим образом. Скоро, придя ко мне, он принес посвященное мне стихотворение «Белые кони».

Обсуждали мы о величественном эпосе Литвы с В. В. Стасовым и Владимиром Соловьевым. У Литвы было всегда много друзей. Слушая о моих планах, картинах, Владимир Соловьев теребил свою длинную седую бороду и повторял: «А ведь это Восток, великий Восток». А Стасов усмехался в свою еще более длинную седую бороду и приговаривал: «Как же не Восток, если и язык-то так близок к санскриту?» Где остались теперь мои «Кони Световита»? Была и картина «Вайделоты». На поляне среди священных дубов творились древние обряды. Где она теперь, не знаю. Также была картина «Перкунас». Еще недавно через Женеву пришла весть, что картина существует у какой-то собирательницы. Итак, сколько вестей о славном литовском эпосе разлетелось по миру!

После поездки по великому водному пути «Из Варяг в Греки» хотелось испытать и другой, не менее великий водный путь – по Неману. В 1903 году мы с Еленой Ивановной прошли и по Литве. Большое это было хождение по разным историческим местам. Всюду писались этюды, Елена Ивановна всюду снимала фотографии. Часть ее снимков вошла и в «Историю искусства» Грабаря, и в другие труды, посвященные памятникам старины. В Литве были написаны многие этюды. Судьба этих этюдов своеобразна. Разлетелись они по всему миру. Однажды в Калифорнии мне пришлось увидеть мой «Ковенский костел», и «Развалины замка на Немане», и «Древнюю церковь около Гродно». И там, за океаном, они выполняют свою задачу, напоминая о литовских красотах, об историческом достоинстве этой древней страны.

Хождение по Литве было очень разнообразно. Кроме удобных способов передвижения, приходилось пользоваться и трясучими крестьянскими бричками. Приходилось застревать и в сыпучих песках. Приходилось изумляться, когда среди песчаного бурана из полузанесенной хаты вылезал местный житель. Но суровая обстановка не глушила приветливой улыбки литовца. Однажды пришлось остановиться в таком глухом постоялом дворе, что невольно приходили мысли: крепки ли затворы в комнате?

Но и такие мимолетные опасения не имели основания. Ничего дурного за всю эту поездку с нами не случилось: наоборот, случалось много хорошего. Среди разнообразных остановок пришлось услышать и слепого певца, пришлось записать целый ряд героических и красивейших сказаний. Среди разных посещенных народов Литва оставила самое приветливое воспоминание. Обоюдность чувствований является самой лучшей убедительностью. Не раз приходилось внутренне вспоминать, почему литовский язык близок великому санскриту. От той же величавости, от того же богатства сложилось и литовское духовное достояние...

1936 г.

ЛАТВИЯ

Если припомнить все вехи личных общений с Латвией, то их окажется очень много. Более полувека тому назад припоминается Майори, Кемери, Тукумс – все Рижское побережье, куда мы ездили летом. Одним из самых ярких впечатлений было собирание янтарей. Оно соответствовало поискам в курганах, которые сизмальства привлекли внимание. Может быть, в поисках янтаря заключалось какое-то смутное предвидение будущих курганных находок, доказывавших существование далеких общений уже в неолите. В те же далекие дни услышались впервые сказания о народных героях Латвии, о зыбучих песках Куришгафа (Kursulicis), о развалинах замков, хранивших увлекательные предания.

Затем в 1893–1897 годах в Академии художеств произошла встреча с двумя замечательными латышами, превосходными художниками, – Пурвитом и Яном Розенталем. Оба они, совершенно разные в характере своего творчества, являли общий тип, так присущий Латвии. Самоуглубленность, серьезность в жизненных проявлениях, работоспособность и доброе товарищество всегда вспоминаются. Рано ушел от нас Розенталь, а ведь он, наверное, создал бы немало сильных обликов. Но Пурвит со своим тончайшим пониманием природы оставил в искусстве Латвии и в искусстве европейском свое неповторенное место. Оба они являлись как бы живым введением в понимание Латвии. Затем мы высоко ценили и археолога-историка Балодиса. С покойным Спицыным мы не раз упоминали его имя, обращая глубокое внимание на значение латвийской археологии.

В 1902 году в Бежевском конце Новугородской пятины мною были вскрыты курганы с

очень необыкновенным содержанием. Среди каменных неолитических орудий было найдено несколько сот янтарных украшений. Многие из них были в обломках, но их удалось в значительной степени склеить и восстановить. Они были на выставке в Археологической комиссии. Древность находки приблизительно была определена в 2000 лет до н. э. Археологическое общество Кенигсберга весьма заинтересовалось этими явными сношениями с Прибалтикой и считало найденные янтарные поделки происходящими из окрестностей именно Кенигсберга. Но тогда же в докладе моем в Археологическом обществе я указал, что не к чему обращаться за аналогиями так далеко, когда они могут найтись ближе, а именно на Рижском побережье. Вспомнились наши ранние поиски янтарей, и было ясно, что такие дары моря, естественно, издавна обращали на себя внимание и, вероятно, очень ценились. Во всяком случае, такое соединение неолитических орудий с хорошо обработанными янтарными изделиями считалось весьма важной находкой.

Затем в 1903 году мы с Еленой Ивановной объехали более сорока городов и исторических мест, среди которых наша поездка по Латвии всегда осталась памятной. Кроме самой Риги, Митавы и Виндавы, мы подробно осмотрели Ливонскую Швейцарию – все эти удивительно живописно романтические памятники прошлого, которые теперь носят такие многозначительные имена, как Сигулда, Цесис, Елгава, Вентспилс. Сколько прекрасных образцов и неолита, и бронзового века нам удалось собрать! Сколько раз, останавливаясь в поместьях и пасторатах, мы слышали интереснейшие повествования о древних делах. И сама Рига, с древними соборами, с прекрасным органистом, ввела нас в свое славное прошлое. Было написано несколько картин и этюдов, которые сейчас разбрелись по Калифорнии и Канаде. Тоже где-то рассказывают они о Риге, о Митаве, о Зегевольде и, как посланники добрые, напоминают о красотах Латвии.

Сергей Эрнст в своей книге жалел о том, что именно эти картины разошлись по миру так далеко. Но нужно ли жалеть об этом? Нам ли судить, где и когда нужны вестники добрые?

В 1910 году опять пришлось побывать в Риге. В то время мы также интересовались старинными картинами. Это посещение дало нам ознакомление и с этой стороной старого быта. Много чудесных образцов в старинных картинах, и в мебели, и в вещах прочего обихода удалось наблюдать. Осталась неизданною рукопись об этом посещении Латвии.

Среди бывших учеников Школы Общества поощрения художеств остается в памяти имя Пранде и многих других, которые теперь уже сделались выдающимися деятелями искусства и художественного образования. Вспоминаем и почтенного Витоля, имя которого связано с именами лучших композиторов. Помним его на известных Беляевских концертах.

Прошло десять лет. Опять судьба свела нас с лучшими латвийскими друзьями. Образовалось общество, так преданное культурным задачам... Язык страны, в котором сохранилось так много санскритских корней, уже одним этим счастливым напоминанием выводил народ к широким пониманиям. Такое блестящее наследие не может проходить бесследно. В нем нужно искать и причины богатства латвийской поэзии, песен, костюмов, преданий – фольклора. Народ, владеющий такими неотъемлемыми сокровищами, знающий такое свое прошлое, будет бодро работать и для будущего...

9 февраля 1937 г.

ЭСТОНИЯ

«Рутту, рутту», – это было первое эстонское слово, выученное нами, когда мы ехали в большой старинной карете четверкою в Гапсаль. Эта поездка запомнилась. Ведь она была первым выездом из нашего поместья «Извара», а в пятилетнем возрасте все впечатления особо четко запоминаются. Мелькнули серые стены Нарвы, очень понравился старый Ревель с башнями и островерхой киркою. Было необычно ехать по песчаным дюнам и мелкому плитняку до Гапсаля. Лошади бежали медленно, и потому еще услышанное на Ревельском вокзале «рутту, рутту» весьма пригостило. Проезжая мимо пашни, мы были удивлены, слыша какой-то стеклянно-каменистый звук. Оказалось, что почва состоит из мельчайшего плитняка, и тем удивительнее было видеть, что под трудолюбивой рукой и такая почва могла сделаться плодородной.

В Гапсале привлекли внимание развалины старого замка. Особенно же присмотрелись

мы к ним, когда слышали легенду о белой даме, появляющейся в готическом полуразрушенном окне. Скептики уверяли, что при известном положении луны получались очертания фигуры, но хотелось верить, что это не отсвет лунный, а сама белая дама, появляющаяся перед чем-то особенным. Тогда же рассказывали нам и легенды древних ревельских башен, и сказания о замках Лоде и Таубе – все это было необычно, и после тишины изварских лесов и озер шум морского прибоя тоже гремел какую-то увлекательную северную сагу.

Второй приезд в Гапсаль – через много лет – был уже в 1910 году. Там же были написаны несколько картин. «За морями земли великие» – эта картина была впечатлением побережья. Северянка, навстречу дальнему ветру, мечтает о неведомых чудесных землях, о той сказочной стране, которая живет в сердце человеческого. Тогда же был написан эскиз к «Пути Великанов». Там же оформился «Варяжский мотив», а дума о ревельских башнях послужила для картины «Старый король». В то же время готовились и эскизы для храма в Талашкине, имении княгини М. К. Тенишевой. «Царица небесная на берегу Реки Жизни» была закончена именно в Гапсале.

Таким путем целый ряд впечатлений дала Эстония. Из дома Бреверн де ла Гарди была нами куплена отличная мебель петровских времен, которая долго напоминала нам эти края. Затем в Финляндии мы не раз встречали друзей из Эстонии, и потому теперь каждая весточка из Таллина получает особо дружеское значение. Привет Союза эстонских академических художников меня глубоко тронул, ибо область искусства всеобъемлюща, и художники трудятся поистине на мировой ниве. Давно-давно приходилось писать, что искусство является лучшим послом человечества. Великие примеры Веласкеса, Рубенса и других прекрасных мастеров воочию показали, как могущественны были основы творчества. Симфония красок и звуков, как в мифе Орфея, всегда была лучшею победою. В статье «Переселение искусства» мне приходилось вспоминать, как на нашем веку народы начали обмениваться выставками, театром, концертами. Именно этими всенародными основами укреплялось все самое ценное. В языке искусства не нужно было прибегать к каким-то увещаниям – наоборот, в словах творчества сходило вдохновение, вырастало понятие общечеловечности. Французы говорят: «Когда постройка идет, тогда все идет». Скажем: когда народ творит, тогда приходит и расцвет страны. Это не преувеличение. Неопровержимые классические примеры показали, откуда приходил расцвет стран, как складывалось возрождение. На целый ряд веков народ обновлялся именно цветами творчества. В Таллине живут несколько бывших учеников Школы поощрения художеств. Вспоминаю их сердечно и радуюсь, когда читаю в газетах об их успехах. Правильно говорит пословица, что «дружба не ржавеет». Мне приходилось получать вести от бывших учеников из самых различных стран. При этом можно было убеждаться, что все они поминают добром школьное время. А это значит, что принципы школы были правильны. Действительно, наша школа была поистине школой народной. Каждый способный человек мог найти в школу свободный доступ. Мог избрать именно те предметы, которые его интересовали, и мог общаться со школою вне всяких условных ограничений. Школу называли «народная академия» – так оно и было на самом деле. Когда вспоминаешь разнородный состав школы, то можно лишь радоваться, как вся эта молодежь сосредоточенно устремлялась к изучению искусства... Сколько радостных связей обнаруживается, как только подумаешь о древних таллинских башнях...

1937 г.

ГИМАЛАИ

Вот и французская экспедиция идет воздать честь Гималаям. Со всех сторон разные народы устремляются все к тем же высотам. Получается уже какое-то шествие за пределами состязания.

Если бы кто-нибудь задался целью исторически просмотреть всемирное устремление к Гималаям, то получилось бы необыкновенно знаменательное исследование. Действительно, если от нескольких тысяч лет тому назад просмотреть всю притягательную силу этих высот, то действительно можно понять, почему Гималаи имеют прозвище «несравненных». Сколько незапамятных знаков соединено с этой горной страной! Даже в самые темные времена

средневековья, даже удаленные страны мыслили о прекрасной Индии, которая кульминировалась в народных воображениях, конечно сокровенно, таинственными снеговыми великанами.

Попробуем мысленно сообразить все те прекраснейшие легенды, которые могли зародиться только на Гималаях. При этом прежде всего будем поражены изумительным разнообразием этих наследий. Правда, это богатство произойдет от многих пламенных наслоений, станет роскошнее от щедрости многих тысячелетий, увенчается подвигами лучших искателей истины. Все это так. Но и для этих вершинных подвигов требуется окружающее великолепие. А что же может быть величественнее, нежели непревзойденные горы со всеми их несказанными сияниями, со всем неизреченным многообразием?

Даже скудно и убого было пытаться сопоставить Гималаи с прочими лучшими нагорьями земного шара. Анды, Кавказ, Альпы, Алтай – все прекраснейшие высоты покажутся лишь отдельными вершинами, когда вы мысленно представите себе всю пышную нагорную страну гималайскую.

Чего только не вместила в себе эта разнообразная красота. Тропические подходы и луга альпийские, и, наконец, все неисчислимы ледники, насыщенные метеорною пылью. Никто не скажет, что Гималаи – это теснины, никому не придет в голову указать, что это мрачные врата, никто не произнесет, вспоминая о Гималаях, слово «однообразие». Поистине целая часть людского словаря будет оставлена, когда вы войдете в царство снегов гималайских. И будет забыта именно мрачная и скучная часть словаря.

Чем-то зовущим, неукротимо влекущим наполняется дух человеческий, когда он, преодолевая все трудности, всходит к этим вершинам. И сами трудности, порою очень опасные, становятся лишь нужнейшими и желаннейшими ступенями, делаются только преодолением земных условностей. Все опасные бамбуковые переходы через гремящие горные потоки, все скользкие ступени вековых ледников над гибельными пропастями, все неизбежные спуски перед следующими подъемами и вихрь, и голод, и холод, и жар преодолеваются там, где полна чаша находжений.

Не из спесивости и чванства столько путешественников, искателей устремлялись и вдохновлялись Гималаями. Только соперничество и состязание могло найти и другие труднейшие пики. Далеко поверх состязаний и соперничества заложено устремление к мировым магнитам, к тому неизреченному священному чаянию, в котором родятся герои.

Сергий-строитель. 1940 г.

Не только лавровые венки состязаний, не только приходящие первые страницы книг и газет, но тяготение к величию, которое питает дух, всегда будет истинным притяжением, и в таком влечении ничего не будет худого.

Что же, это еще одна похвала Гималаям?

Разве их торжественное величие в похвалах нуждается?

Конечно, здесь неуместны похвалы, и каждая из них, даже самая превосходная, будет лишь умалением. Тогда зачем же вспоминаются Гималаи, зачем же нужна о них мыслить, вспоминать и к ним устремляться?!

Хотя бы мысленное, приобщение к торжественному величию будет лучшим укрепляющим средством. Ведь все по-своему стремится к прекрасному. О прекрасном по-своему мыслит каждый и непременно захочет так или иначе сказать о нем. Мысль о прекрасном настолько мощна и растуща, что человек не вместит ее молчаливо, а непременно захочет хоть в каких-либо словах поведать ее. Хоть в какой-нибудь песне или в каком-либо начертании человек должен выражать и запечатлевать мысль о прекрасном.

От малейшего цветка, от крыла бабочки, от сверкания кристалла и так дальше и выше через прекрасные человеческие образы, через таинственное касание надземное человек хочет утверждаться на незыблемо прекрасном. Если были на Земле прекрасные создания рук человеческих – к ним придет путник; успокоится под их сводами в сиянии их фресок и стекол. Если может путник найти зарево далеких горизонтов, он устремится и к ним. Наконец, если он узнает, что где-то сверкают вершины наивысшие, он увлечется к ним; и в одном этом стремлении он уже укрепитесь, очистится и вдохновится для всех подвигов о добре, красоте, восхождении.

С особенным вниманием у костра и в любом человеческом собрании слушают путника. Не только в далеких хрониках читают об этом уважении к пришедшим издалека. Ведь и теперь при всех путях сообщения, когда мир уже кажется малым, когда люди стремятся в высшие слои или в глубины, к центру планеты, и тогда рассказ путника остается украшением каждого собрания.

«Правда ли так прекрасны Гималаи?» «Правда ли они несравненны?» «Скажите нам хоть что-нибудь о Гималаях, и бывает ли там необычное?!»

В каждом повествовании путника люди ждут необычного. Обычай, привычка, неподвижность связанности умаляет даже самое маломыслящее сердце. Даже поникнутый дух стремится к движению. И, в конце концов, никто не мыслит движения только книзу.

Помню, как один путник рассказывал, что, начав спуск на большом каньоне Аризоны, даже при великолепных красках окружающих, все же оставалась тягость соображений о бесконечном спуске – «Мы шли все вниз, и это даже мешало любованию».

Конечно, восторг и восхищение будут прежде всего связаны с восхождением. При восходе является непреодолимое желание заглянуть за возносящиеся перед вами высоты. Когда же вы идете вниз, то в каждой уходящей вершине звенит какое-то «прости». Потому-то так светло не только идти на вершину, но хотя бы мысленно следовать этим путям восходящим. Когда слышим о новых путниках на Гималаи, то уже признательны хотя бы за то, что опять напоминается о вершинах, о зовущем, о прекрасном, которое так нужно всегда.

. Гималаи, разрешите еще раз послать вам сердечное восхищение. Так же, вся прекрасная Индия, позволь еще раз послать тебе привет за все то влекущее и вдохновляющее, которым наполнены твои и луга, и рощи, и старинные города, и священные реки, и великие люди.

19 января 1935 г.

АРКА

Родные наши, пришли ваши письма: Зины от 6 февраля и Дедлея¹ от 21 января с хорошей газетной вырезкой. Вероятно, такие же отзывы и в других местах, но мы их не знаем. Дедлей спрашивает, что входит в пределы АРКА, – конечно, входит все, касающееся культуры, – все области искусства, все области науки, воспитание, образование, здравоохранение, кооперация, агрикультура, охрана культурных сокровищ – словом, решительно все, чем совершенствуется жизнь народов. Обо всем этом давайте сведения в прессу для широкого ознакомления. Вероятно, и о лекции Ватсона вы дали в прессу. Находите всюду друзей. Зорко следите за грабительскими проделками. Наблюдайте за пресловутыми «покровителями». Неужели все ваши справедливые показания опять канут в пропасть? Не хочется верить, что справедливость так опорочилась. Какая моя картина в

¹ «... пришли... письма Зины... и Дедлея...» – имеются в виду Зинаида Григорьевна Фосдик – американская сотрудница Н. К. Рериха. Когда организовалась Америко-Русская культурная ассоциация (АРКА), она стала ее директором-исполнителем. З. Г. Фосдик является вице-президентом нью-йоркского Музея Н. К. Рериха; Дедлей Фосдик – президент АРКА, муж З. Г. Фосдик.

посольстве¹? Вообще начните список русских произведений в Америке; конечно, он не будет полным, но каждое новое сведение полезно. О таком списке вы даже можете обратиться письмами в редакции разных газет по разным городам – это тоже будет полезно для АРКА. Из газеты, вами присланной, мы узнали, что Шагал в Нью-Йорке. Он был в нашей школе... Вы спрашиваете о журнале «Новоселье»², мы его еще не получили и, верно, не скоро получим. Пароходная почта идет более четырех месяцев, если вообще доплывает. Через все трудности Армагеддона неутомимо ведите культурную работу. Если некоторые из сотрудников недействительны, то ведь подходят и новые. Главное же – привлекайте молодых. Очень хорошо, что Зина привлекает волонтеров. Ведь всюду можно сказать об АРКА и раздать листовки. Культурная работа тем прекраснее, что может быть проявлена поистине везде. Забота о культуре не есть одержание, но есть долг каждого мыслящего. И не в роскоши, но в трудных восхождениях творится культурный подвиг. Бодрей, смелей – во имя человечества, во имя общего блага! Сердцем с вами.

*Лист дневника № 391
16 марта 1943 г.*

УКРАИНА

Время-то летит! Полвека, ровно полвека минуло, как у нас на Васильевском острове, против Николаевского моста, зачиналось Общество имени Т. Г. Шевченко. «Дид» Мордовцев, Микешин – целый круг украинцев и почитателей Украины и ее славного певца собирались у нас под председательством моего отца Константина Федоровича.

Микешин, поглаживая стрелки усов, улыбался: «Вот этакое славное дело запрещают! Ну, да к вам, друже, не доберутся. Вы юрист – вы выведете на верный путь». Писали устав, сходились, беседовали о будущих выступлениях, предполагали издать «Кобзаря» с иллюстрациями, читать лекции о творчестве Т. Г. Во время собраний Микешин набросал портрет К. Ф. и все вокруг подписались. Этот лист хранился в моем архиве, может быть, был у моего брата Бориса в Москве. Надеюсь, сохранился.

Мои связи с Украиной завязались давно. Гремела труппа Кропивницкого. Заньковецкая, Саксаганский – целая даровитая семья, и чопорный Питер восчувствовал: украинские песни восхищали точно бы новая находка. В Академии художеств всегда было много украинцев, и мы жили дружно.

Первое впечатление было в Киеве, где мы остановились по пути в Крым. Был яркий праздничный день, я пошел на базар. Тогда еще базар был истинно гоголевским сходбищем. Прекрасные плахты, мониста, шитые сорочки, ленты, ну и шаровары, «як сине море». Накупил плахт, всякой всячины, наслушался звонкой, певучей речи и навсегда сохранил память о бандуристах.

Потом, уже в академии, на украинском вечере ставил живые картины из «Кобзаря» по эскизам Микешина. Подходит сотрудник «Новостей». «Вы ведь уроженец Украины?» Говорю: «Нет, я питерец». – «Ну, я все-таки скажу, что вы украинец, – картины-то удачны: видно, любите Шевченко». Так я и оказался украинцем. Впрочем, ранее, когда на Кавказском вечере я ставил картины, таким же образом я оказался грузином. Биографам – заморока!

Вот и теперь в Гималаях, когда радио дает «Запорожца за Дунаем», яркой, красивой чередой проходят картины Украины. Встают образы Шевченко и Гоголя. И дружба, сердечное дружество сплетается с созвучиями Украины. Да, великое благо братство народов! Там, где упало такое зерно плодоносное, уже будет жить мысль о мире, о сотрудничестве, о героизме и самоотвержении. Лишь бы посеялось зерно Братства.

¹ «... моя картина в посольстве...» – имеется в виду посольство СССР в Вашингтоне.

² «Новоселье» – журнал, издававшийся АРКА.

Вестник. 1946 г.

Не знаю, жив ли мой портрет Гоголя в гимназии Мая, рисунок на программе ученического спектакля. От первых классов возлюбили Гоголя, и запомнились слова Тараса Бульбы о товариществе: «Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества!.. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей... Нет, братцы, так любить, как русская душа, – любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем... что ни есть в тебе... Пусть же знают... что такое значит в Русской земле товарищество!»

Клад захороненный. 1947 г.

Вспомним лучшие слова о всех народах великой семьи Всесоюзной. Пусть ничто злое не коснется всенародного строительства. Да осенит труд братский творческие достижения.

Украине – любовь и привет. От Гималаев сердечный привет Всесоюзным народам.

Лист дневника № 653

17 июня 1947 г.

ДРУЖЕСТВО

Жаль, что в Индии нет оперного театра. Среди взаимных ознакомлений нужно бы дать в Индии несколько русских опер. Будут оценены «Снегурочка», «Царь Салтан», «Золотой

петушок», «Руслан и Людмила», «Садко»... Прежде всего доходчива будет «Снегурочка». Лель – тот же Кришна Лила, Снегурочка и Купава – Гопи. Царь Берендей будет близок. Праздник Солнца всем ведом.

Островский сумел затронуть лад утонченный и возвышенный. Но и перевод текста должен быть хорош. Очарование сказки нужно сохранить. Где тот, кто в состоянии отобразить в чужом языке певучесть русского языка? Нужно, нужно и здесь показать полностью русское художество, глубину души народа русского. Оценен будет Римский-Корсаков. В широком размахе надо открыть ворота искусства. Только на этом пути вырастает истинное братство народов.

В песне – душа народа. Самые лучшие, самые исконные лады не стареют. Народ хочет возвысить сознание свое в истоках искусства. Творчество часто налаживается под песню. Труд освящен песнею. И друзья народа хотят знать пути прекрасные, на которых складывался облик сердечный и доброжелательный.

В свою очередь, Индия имеет столько показать на Москве. И постановки из «Махабхараты», и драмы Калидаса¹, и диалоги Асвагоши², и многие танцы, и театр из сокровищницы Тагора – мало ли что! Дружество должно быть питаемо. Все или растет и множится, или тускнеет и отсыхает. Ведь и вековая мудрость должна облекаться в новые формы. Об этом хорошо говорит Пандит Неру – наследник Ганди. Индия проходит великие дни. Святослав пишет портрет Неру.

И русский народ получает огненное озарение. Много трудов везде. Опасности учат новым достижениям. Отмирают некие народы, и на смену им крепнут и закаляются молодые силы. В духовной молодости выживут и преодолению испытания. Ковка меча, которым срубят иссохшие, отжившие ветки. Истоки человечества темны. Тем ценнее глубокие связи народов – не сказуемые, но ощутимые. Каждый росток искреннего содружества нужно хранить во имя будущего сотрудничества. Хранить, беречь, растить.

Санскрит и русский язык, сколько в них общего!

*Лист дневника № 329
6 апреля 1942 г.*

РУСЬ – ИНДИЯ

Не удивительно, что в песнях и в гаданиях цыган слышится много санскритских слов: ведь цыгане – выходцы из Индии. Гораздо удивительнее, что в песнях русских сектантов сказывались целые санскритские песнопения, хотя и в очень искаженном виде. Откуда?

Конечно, в Баку с древних времен был храм Вечного огня, при котором всегда жили индийские садху. Это был храм большого огня, а такой же малого огня был и доселе существует здесь, в Кангре. Значит, с давних пор были какие-то связи.

В Астрахани и в Поволжье жили индусы. Даже от них пошли некоторые обрусевшие роды. При Екатерине индусский раджа – в Яблоницах. Сказание об Иосифе – царевиче Индийском. Беловодье. Множество санскритских корней в русском языке. Афанасий Тверитянин в Индии. Долгорукий при Акбаре.

Если поискать да прислушаться непредубежденно, то многое значительное выступает из пыли и мглы. Нужно, неотложно нужно исследовать эти связи. Ведь не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном. В языке русском столько санскритских корней. Кое-какие ответы на такие запросы имеются, но ведь они разрозненны и случайны, и забиты в пыли неведомых полок библиотечных.

Пора русским ученым заглянуть в эти глубины и дать ответ на пытливые вопросы. Трогательно наблюдать интерес Индии ко всему русскому. В нем не только доверие к русской мощи, но и нечто родственное. Такой журнал, как «Новости Советского Союза», широко расходуется и ждется в самых неожиданных уголках Индии.

¹ **Калидаса** – крупнейший индийский поэт IV–V вв., жизнь которого окутана легендами. В основу своей знаменитой «Шакунталы» положил эпизод из «Махабхараты», повествующий о любви дочери отшельника Шакунталы к царю Дуньянте. Калидаса достиг большой естественности и жизненной правдивости в изображении человеческих чувств и переживаний.

² **Асвагоша** – Ашвагоша – буддийский поэт, живший в I веке н. э., автор известной поэмы «Буддхачарита» – «Жизнь Будды».

Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно «Алтай – Гималаи» – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских...

Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает.
В каких горах жил Святогор?

*Лист дневника № 470
29 марта 1944 г.*

СИЛА НАРОДА

Довелось говорить со многими иностранцами, недавно побывавшими на нашей Родине. Все поминают доброту народа. Вот и наш милый индус «Сашка» тоже особенно прельщен именно этою народною особенностью. Это уже истинное достижение. Многими деяниями сложилась такая черта.

Не притворная доброта сентиментализма, за которой много чего скрывается может, а доброта мудрая, кованная в горниле претерпеваний, живет в русском народе. Если и вспыхнет гнев, то скоро потухнет он. И злопамятства нет. Некогда им заниматься, когда идет стройка, да еще какая стройка! «Когда постройка идет, все идет».

Все отвратное забывается, боль забывается. Из всего обихода запомнится хорошее, доброе, красивое. Даже удивительно проверить себя, насколько одно потухает и тонет, а другое, самое настоящее, бережливо сохраняется в сознании. Говорят, что русский народ делает то, что ему на пользу. Да разве дурак он, чтобы делать себе во вред? В истории много раз Русь платила чужие долги. Довольно!

Записываю вот почему. Издатель просит в статье «Радость искусству» вынуть все ссылки на русское искусство и заменить их примерами из искусства Индии. Откуда сие? Конечно, не соглашусь. Впервые такое пожелание. Между тем именно русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила. Если бы даже и нашлись в Индии шовинистические элементы, то ведь не для них же пишутся зовы о радости искусства. Шовинист подобен скупцу, который прячет серебро под порогом. В Азии про него говорят: «Почернеет лицо твое так же, как серебро в земле». Радость наша в том, что русский народ не шовинист. Он и добр от широты мысли. Он и беды переживет, ибо высоко его небо. Если же где найдется что полезное для русского обихода, то народ воспримет и обратит по-своему. Сила народная лишь вырастает от всего полезного и прекрасного.

*Лист дневника № 251
24 апреля 1941 г.*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ДРУЗЬЯМ ЗНАМЕНИ МИРА

Сергей КОНЕНКОВ, скульптор

Нравственные принципы Рериха в отношении культурного наследия народов земли стали нормами международного права.

Валентина КНЯЗЕВА, искусствовед

Деятельность Рериха была подвигом во имя развития мировой культуры. История XX века, пожалуй, не знает имени другого художника, который сделал бы так же много в этой области, как он.

Проблема мира во всем мире, охрана памятников культуры человечества давно привлекали внимание Николая Константиновича Рериха. Об охране памятников в России он постоянно писал на страницах русской прессы. Перед лицом небывалых разрушений первой мировой войны, перед картиной разрушения Лувена и Реймса он обращается к верховному командованию русских армий, призывая к охране культурного достояния на театре военных действий.

В послевоенный период призрак нового столкновения народов не покидает его, и он снова в 1930 году обращается ко всему миру с призывом неотложно обсудить вопрос охраны культурных памятников. В 1930 году Николай Константинович Рерих писал в своем обращении: «Многообразно устремляется человечество к Миру. Каждый в сердце своем сознает, что это созидательное действие выражает Новую Эру. Неуместно создаются суждения о предпочтении известному типу пуль, или конвенции, определяющие, что ближе мировому единению: один или два броненосца с дальнобойными орудиями. Но представим себе даже и такие убийственные рассуждения, как примитивные ступени к тому же самому великому понятию Мира, которое когда-то обуздает воинственные инстинкты человечества духовными радостями созидания. Но факт все же остается, что пушки хотя

бы одного из избранных броненосцев могут так же уничтожить величайшее сокровище искусства и науки, как и целый флот. Мы оплакиваем библиотеку Лувена и незаменимые красоты соборов Реймса и Ипра. Мы помним множество сокровищ, погибших во время мировых смятений, но мы не хотим вписывать слова враждебности. Скажем просто – «разрушено человеческим заблуждением и восстановлено человеческой надеждою». Но все же пагубные заблуждения в той или иной форме могут быть повторены, и новые множества памятников человеческих подвигов могут быть опять разрушены. Против этих заблуждений невежества мы должны принять немедленные меры. Даже в начале своем эти меры охранения дадут многие полезные следствия. Никто не будет отрицать, что флаг Красного Креста оказал неоценимые услуги и напомнил миру о человечности и сострадании. С этой целью проект Международного мирного договора, охраняющего все сокровища искусства и науки под международно признанным флагом, представлен иностранным правительством... Этот план предусматривает особый флаг, который будет почитаем как международная нейтральная территория».

С самого начала движение за Знамя Мира, как стали называть охранительный флаг, за охрану культурных памятников привлекло внимание всех, кому дорого культурное достояние человечества...

В 1930 году проект пакта был представлен в Комитет по делам музеев при Лиге Наций, который, одолив проект пакта, передал его на рассмотрение Международной комиссии интеллектуального сотрудничества.

Параллельно с вышеуказанными мероприятиями, предпринятыми в компетентных учреждениях Лиги Наций, многочисленные общественные организации и крупные деятели мировой культуры и науки присоединили свой голос к обращению Н. К. Рериха. Великий поэт Индии Рабиндранат Тагор, сам пламенный борец за мир, писал в 1931 году:

«Я зорко следил за вашей великой гуманитарной работой во благо всех народов, для которых Ваш пакт мира с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ будет исключительно действенным символом. Я искренне радуюсь, что этот пакт принят Комитетом по делам музеев Лиги Наций, и я чувствую глубоко, что он будет иметь огромные последствия для культурного взаимопонимания народов».

В Бельгии г. Г. К. Тюльпинк предложил сделать город Брюгге, столь богатый памятниками прошлого, центром для распространения идеи пакта мира. В 1931 году Тюльпинк основывает Международный союз пакта Рериха. В сентябре того же года в Брюгге созывается Первая международная конференция пакта Рериха. Конференция, в работах которой приняли участие как представители правительств, так и делегаты общественных и культурных организаций, приняла план действий по распространению идеи пакта мира. Было обращено особое внимание на пропаганду идеи пакта мира в школах и среди молодежи, а также установлен постоянный контакт с такими международными учреждениями, как Международный комитет по делам искусства и бюро конференции по ограничению вооружения. Выполняя постановления Первой международной конференции, Музей имени Н. К. Рериха в Париже и Международный союз пакта Рериха в Брюгге активно выступили за принятие пакта мира всеми государствами.

В августе 1932 года была созвана Вторая международная конференция в Брюгге. Одновременно с конференцией была организована выставка фотографий памятников, подлежащих охране. В этой выставке, состоявшей из более чем 6000 фотографий известных архитектурных памятников, приняли участие 22 страны.

15 апреля 1935 года пакт Рериха сделался международным документом. В этот день пакт был подписан в Белом доме в присутствии покойного президента Франклина Д. Рузвельта Соединенными Штатами Америки и 20 странами Латинской Америки...

В октябре того же года Международный центр пакта Рериха в Брюгге организовал Международный день искусства в борьбе за мир.

Идея пакта мира была забыта в пожаре второй мировой войны...

После войны идея пакта снова стала привлекать внимание культурной общественности...

В 1954 году в Гааге на основе пакта Рериха был подписан Заключительный акт Межправительственной конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. В следующем году этот пакт был ратифицирован всеми 39 странами,

подписавшими Заключительный акт конвенции в Гааге, и в том числе Советским Союзом.

Такова страница из жизни Николая Константиновича Рериха, посвященная борьбе за мир, за охрану культурного достояния человечества. В этой многолетней борьбе им руководили не узкие национальные цели, а подлинное устремление к охране всечеловеческого культурного достояния.

Эту краткую хронику закончу словами самого Николая Константиновича, написанными на Гималаях в июле 1936 года: «Не удивительно ли, по-русски слово «мир» единозвучно и для мирности, и для вселенной. Единозвучны эти понятия не по бедности языка. Язык богатый. Единозвучны они по существу. Вселенная и мирное творчество нераздельны. Мир – вселенная и мир труд мирный, вселенский, посев – творческий, красота мира – победительница».

Юрий РЕРИХ

КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ

... Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, Знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжело раненным светло горит знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть Знак Культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для нее останавливают все движение. Так же и для неотложного Знака Культуры нужно хоть немного поступиться привычками обыденности, вульгарными осадками и всеми теми пыльными условностями невежества, от которых все равно рано или поздно придется очищаться.

Людам, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, Знак Культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди покажут лишь свое недостаточное историческое образование. Но если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том. ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о культуре настолько очевидна, что смешно говорить об этом. Во время серьезной опасности на корабле следует команда: «Действовать по способности!»

Вот и сейчас, мысля о культуре, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, то есть положим все силы во славу неотложного в своей живонности творческого понятия культуры.

1932

ЗНАМЯ

В Белом доме сегодня с участием президента Рузвельта подписывается Пакт. Над нашим байшином уже водрузилось Знамя. Во многих странах оно будет развеиваться сегодня. Во многих концах мира соберутся друзья и сотрудники в торжественном общении и наметят следующие пути охранения культурных ценностей.

Не устанем твердить, что, кроме государственного признания, нужно деятельное участие общественности. Культурные ценности украшают и возвышают всю жизнь от мала до велика. И потому деятельная забота о них должна быть проявлена всеми.

Сколько бы стран ни подписало Пакт сегодня, все равно этот день сохранится в истории как памятное культурное достижение. Начало государственное уже приложило свою мощную руку, и тем самым открылись многие новые пути для всех подвижников Культуры. Может быть, сегодня же обнаружатся и какие-либо темные попытки. Такой отбор света и тьмы неминуемо должен происходить. Это не есть разделение мнений, но именно отбор созидательного и разрушительного, положительного и отрицательного...

Как успех подписания Пакта, так и какие-либо противодействия, и то и другое должно одинаково поощрять всех сотрудников к дальнейшему преуспеянию. Будем хранить в памяти этот день как знак светлого будущего, как еще один импульс к полезным строительным достижениям. Подчеркиваю, что выражение – разделение мнений было бы сейчас совершенно неприменимым. Свет и тьма никогда и не соединяются, а потому и разделяться не могут. Но если тьма чувствует себя в опасности, она рычит, и визжит, и противоборствует. Она не могла отделиться от света во мнении, ибо ее сущность всегда была противоположна свету. И также всегда она будет тем темным фоном, на котором еще блистательнее сияющие искры.

Да не подумает кто-либо, что именно сегодня, в день достижения и праздника, будто бы неуместно говорить о тьме. Но если понимаем ее как противоположение свету, как нечто светом рассеиваемое, то именно в день праздника света можно вспомнить о том, что некая часть тьмы сегодня же была рассеяна. Мы никогда не скрывали, что тьма в своей мрачности сильна. Мы не скрывали, что каждая победа над тьмою будет следствием большой и трудной борьбы. Потому-то и велика победа света над тьмою. Лишь в полном осознании условий этой борьбы мы можем воистину радоваться каждой победе света.

Все знают, что свет и тьма, о которых говорится, вовсе не отвлеченность. Это не только действительность, но даже очевидность, доступная каждому глазу. Здесь, на Земле, в труде и борении мы видим служителей света. Здесь же мы усматриваем и злобных, исполненных ненавистью ко всему сущему слуг тьмы. Здесь, в жизни, мы научаемся приемам шествия Света, а также убеждаемся и в мрачной согласованности темных легионов. Последнее не может огорчать, ибо было бы неуместно огорчаться и тем обессиливаться тогда, когда призваны все полки светлые. Наоборот, можно всегда радоваться каждому блистанию света, как молнии, очищающей сгущенные тучи.

Истинно, будет и должен быть памятным сегодняшней день 15 апреля. Выявился еще один маяк, который будет сближать друзей дальностранных, заокеанских, загорных, раскинутых по многим весям Земли. Попросим их еще раз высказаться обо всем полезном и неотложном. Во многих странах хотя бы один сегодняшний день уже научит многому. Если соберем все эти испытанные находения, то уже получится целое хранилище полезных и неотложных советов. Итак, посоветуем друг другу, сообщим все наши накопления и наблюдения. Ведь даже в обычные дни, когда, казалось бы, ничего особенного не происходило, и то появлялись самые неотложные соображения. Но теперь, когда действительно произошло важное и знаменательное, сколько же новых устремлений должно возникнуть! Если в обычные дни постоянно возникали знаки бедствия и требовалась неотложная помощь, то срок знаменательный должен сообщить всем сотрудникам Пакта еще большую зоркость и прозорливость. Именно прозорливость необходима в деле хранения

культуры. Ведь нужно предусмотреть многие следствия. Причины могут быть очень сокрытыми и раскрашенными в защитные цвета, но они могут вести к потрясающим последствиям. И вот рассмотреть, где притаился коготь, тоже будет отличной задачей для всех хранителей культурных ценностей.

Армагеддон. 1936 г.

Мы столько раз уже говорили о множестве опасностей для культурных ценностей в наши дни. Теперь правительства подают нам мощную руку помощи. Мы понимаем эту поддержку как великую возможность новых достижений. Пакт не должен остаться на полке законохранилищ. Каждый памятный день Пакта должен быть лишь жизненным поводом для поднятия и укрепления знамени охранителя.

Вот и в пустыне, над пустынным байшином развевается Знамя. Но ведь пустыни могут быть очень различны. Если где-то соберется толпа невежд темных, то ведь это тоже будет пустыня, – безводная, бездушная, бессердечная.

Пусть Знамя развевается и над очагами света, над святилищами и твердынями прекрасного. Пусть оно развевается над всеми пустынями, над одинокими тайниками красоты, чтобы от этого зерна священного процвели пустыни. Знамя поднято. В духе и в сердце оно не будет опущено. Светлым - огнем сердца процветет Знамя культуры. Да. будет! Свет побеждает тьму.

15 апреля 1935 г.

БУДЕМ БЕРЕЖЛИВЫ

Ушел Шаляпин. Ушли и Горький, и Глазунов, и Куприн, и Трубецкой, и Кустодиев, и Дягилев, и Браз, и Бакст, и Головин, и Яковлев... Свернулось несколько страниц истории русского искусства, русской культуры.

Невольно хочется обернуться и посмотреть, много ли у нас остается величин того же поколения и того же значения. Выходит, что окажется их не так уж много – лист окажется не так уж велик по всем отраслям искусства и литературы.

Много раз писалось о бережливости. «Много где проявлялась расточительность. Застрелили А. С. Пушкина и Лермонтова. Изгоняли из Академии наук Ломоносова и Менделеева. Пытались продать с торгов Ростовский кремль. Длиннен синодик всяких расточительств от давних времен и до сегодня. Довольно. Бережно и любовно должна быть охранена культура». Нельзя отговариваться тем, что кто-то когда-то чего-то не заметил за

сутолокою жизни. Всякое небрежение к культуре уже непростительно и недопустимо во всевозможных обстоятельствах.

Если человек любит культуру и, естественно, свою родную культуру, то он отнесется со всевозможною бережностью к носителям этой культуры. Каждый выдающийся деятель культуры уже является живым памятником ее. Люди нередко говорят об охране каменных памятников. Но не лучше ли при этом также помыслить и о заботливом охране памятников живых, которые могут еще во многом приложить свои творческие силы во славу русского народа...

Всегда ли мы бываем справедливы? Не бываем ли мы, по слову Пушкина, «к добру и злу постыдно равнодушны»?¹ Не обходим ли молчанием то, что должно бы вызывать самое сердечное суждение. В таком сердечном порыве все мы, несмотря на тяготы жизни, могли бы создать нашим старшим культурным творцам дни, спокойные углубленной творческой работы. Не будем ожидать, пока будут построены целые институты, как было сделано для работы Павлова. Не только широкие материальные возможности, но именно сердечность убережет от расточительности, которой когда-то кто-то устыдится.

Будем бережливы.

*Лист дневника № 69
1938 г.*

ОХРАНИТЕ!

В журнале Королевского Азиатского общества, в обзоре трудов Исторического конгресса в Аллахабаде отмечена единогласная резолюция, принявшая наш Пакт. Казалось бы, грохот пушек, взрывы и разрушения уже похоронили идею охраны культурных ценностей. Но сама жизнь то здесь, то там опять напомнит о культуре и о трудах всех, кому наш Пакт был близок.

Бывают такие живые мысли, которые рано или поздно выплывают и требуют разрешения. Как бы ни пытались разрушители затоптать все, чем жив дух человеческий, сама жизнь вернет мысль на путь созидания. Международны созидатели и разрушители. Их психология не уложится ни в какие международные права.

Для одних гуманитарные науки, вся человечность вообще не нужны. Механика и узкий материализм их одолел и унизил.

Но другие понимают, что сокровища творчества – суть истинные ценности, подлежащие всенародной охране. Созидатели по природе своей стремятся возвысить все творения гения человеческого. Для одних гений вообще несуществующее понятие, но другие уважают все, вышедшее за пределы рутины, любят помыслить о строительстве, которое возведет народ к лучшему, светлому будущему.

И под грохот губительных взрывов, утесненные, рассеянные, все же живы друзья строительства прекрасного. Если нет средств спасти человеческие творения, то все же осталась мысль о спасительных путях. А где крепка и чиста мысль, там зарождаются и возможности!

Молодежь! Вы самые юные, самые устремленные в светлое будущее, перечтите, что писалось о сохранении культурных сокровищ, и продолжите нашу работу. Мы-то уйдем, но вы останетесь в жизненной борьбе и превозможете многие препоны.

Для вас, для молодых, культурные сокровища будут истинными ценностями. Вы поймете, что эти сокровища составляют всенародное достояние. Так же, как и Родина, культура должна быть охранена, оборонена. Вы знаете, что Армагеддон порушил многое неповторимое. Охраните!

*Лист дневника № 304
6 декабря 1941 г.*

¹ «... к добру и злу постыдно равнодушны...» – Н. К. Рерих цитирует по памяти. У Пушкина: «Добру и злу внимая равнодушно...»

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ

Развернулись блистательные крылья Победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные русские воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает Московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа.

Победоносная хартия вписана в Русскую историю. Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь переставлять значки. И все это не малые места! Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Краснодар, и Брянск, и Мариуполь, а теперь подступы к Смоленску, и Киев не за горами.

Подвиг русского народа требует и достаточного летописца. Высокие слова нужны, чтобы сказать, как грозно ополчился весь народ на дерзких захватчиков! Как выросло непобедимое воинство! Как трудовое дружество Спаяло народы в одну созвучную семью!

«Когда постройка идет, все идет!» Идет великая стройка. Одни богатыри преодолевают врага. Другие куют мечи и серпы для преуспевания на славное будущее.

Слава великому народу русскому! В каждом здешнем письме гремят сердечные слова о славе русской, душевные пожелания побед. Чуем, как искренно звучат дружеские голоса Индии. От палящего юга до гималайских снегов множество друзей завоевал народ русский. Завоевал великим подвигом, великим самопожертвованием.

Вспоминаю, как писал нам внук Чарлза Диккенса: «Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее. Будущее России может быть сравнено с Вашей картиною, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!» Много душевных слов произносится среди снеговых Гималаев. Много одушевляющих вестей приносит каждое радио. Да будет!

На днях мы слушали Грабаря из Москвы. Он приветствовал русские победы, говорил о германских разрушениях и хорошо отметил, как русские воины заботливо относятся к историческим памятникам. Да, да! Собирайте каждую полезную памятку. Таким путем образуются добрые летописи. Радостно отметить, что русские воины бережно относятся к культурным сокровищам! Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело! Славное достижение! Развернулись блистательные крылья Победы!

*Лист дневника № 429.
20 сентября 1943 г.*

ЗНАМЯ МИРА

«Идеи не умирают, они порою дремлют, но они просыпаются еще более сильными, чем были до своего сна». Не умерло Знамя Мира. Оно свернулось, пока зверствует война. Но придет час, когда люди вновь сознательно обратятся к заботе об охране культурных ценностей, к этой истинной основе мира. И не об одних только культурных ценностях Знамя Мира трепещет. Оно трепещет о сердце человеческом, о том великом сокровище, где создается обновленное будущее. Сердце человеческое жаждет мира, и, может быть, этот час уже близится.

Удивительно было узнать, что сейчас Р. Ренц в серии библиотеки «Нового мира» издает в Дели брошюру, посвященную нашему Знамени Мира. Еще гремит война, а культурные деятели уже выдвигают то, к чему неизбежно вернется человечество. Никогда не знаете, какими путями продвигается идея.

Вот она обнаруживается среди издания библиотеки «Нового мира». Мы об этом не говорили. Культурная необходимость выросла сама собою нежданно, по логике несказуемой, непререкаемой. По несказуемому маршруту движется «идея. Иногда книга, оставленная на перекрестке, попадает в наиболее достойные руки. Неведомы пути крылатой мысли. Мысль и победа изображались крылатыми. Иначе их и не представить.

Друзья, нам иногда казалось, что осознание истинных культурных ценностей еще не осенило смятенное человечество. Не нам судить. Наверное, добрые посевы где-то дают всходы. Мы временно не знаем их. Но полезная поросль уже крепнет.

Племя молодое на своем языке произносит священные клятвы, те самые, которыми горели и мы. Те же самые знакомые ручьи и потоки широко разнесли обрывки листов и сохранили весть для могущих принять ее...

Именно идеи не умирают.

Много знаменных славных деятелей, так сказать, первого набора, к прискорбию, уже ушло, но приходят другие. Каждого из вновь приходящих хочется спросить: где и как услышал он впервые? Обычно узнаете о каких-то неожиданных путях, подчас красивых и героических. Молодые сердца пылают. Часто они стесняются обнаружить свои мечты, но отойдите приветливо – и радость войдет. Вернее, влетит – ведь она тоже крылатая.

Перелистайте литературу о Знамени Мира, о договоре охраны культурных сокровищ. Немала эта литература – более трехсот книг, брошюр, статей на разных языках. А сколько упоминаний в других книгах, в очерках, в речах. Какие благородные, незабываемые мысли выражены в этих зовах и утверждениях. Смотрю на фото наших конференций в Брюгге и Вашингтоне. Такие собрания не проходят бесследно. «Орифламма» широко пронесена по миру. В книгохранилищах сбережены зерна оповещений. Эта весть понадобится скоро. Народы вспомнят о трудах бывших и восполнят их прочными достижениями. Идеи живут! Развернется Знамя Мира!

*Лист дневника № 452
4 января 1944 г.*

ДОЗОР

Друзья, вы уже получили мой лист «На сторожевой башне» – о деятельности членов наших комитетов. Поистине требуется бессменный дозор во имя культуры.

Президент Рузвельт, подписывая наш Пакт, правильно заметил, что внутреннее значение Пакта гораздо глубже, нежели самый инструмент. Так оно и есть. События, потрясшие весь мир за последние годы, лишь подтвердили правильность слов покойного президента. Он понимал, что Пакт заключается в общественной охране культуры. Не только правительственные меры и указы, но именно частная инициатива может окультуривать смущенное сознание человечества.

Некоторые легкомыслящие могут вообразить, что меры против телесной войны уже исключают надобность друзей Знамени Мира. Ничуть не бывало! Каждый пытливый наблюдатель может убеждаться, насколько наш девиз «Пакс пер Культура!» – «Мир через Культуру!» – становится насущным, неотложным. Каждый может видеть, что война нервов, война психическая может разлагать человека сильнее войны телесной.

Панацея против такой гнилой эпидемии лишь в зернах культуры. Растить эти семена может всякий, во всяком своем положении. Каждый может сеять благие зерна повсюду, а особенно среди детей. Веское слово навсегда запечатлевается в детском мозгу. Краткое доброе речение чеканится в извилинах мозга, не забывается с годами и при надобности выплывает из сокровищницы сознания. Так каждый в любом быту может действовать благотворно, может быть строителем нового поколения.

Но одиночество может притуплять порывы. Может показаться, что говорится камням. А когда еще. подобно сказанию о Бэде-проповеднике, камни ответят: «Аминь!» Поэтому наряду с работою в одиночку берегите и группы ваши, как родники взаимоукрепления. Очень сохраните ваши ячейки. Приобщайте и молодых сотрудников. Опытность рождается из неопытности. Товарищество крепит мужество, несломимость.

Не обижайтесь, если какой-то невежда оклеветает ваши зовы «труизмами». Непременная истина не есть труизм. Многие культурные истины заброшены на позор человечеству. «Знать, знать, знать», – сказал мыслитель. «Преобразить жизнь», – ответит другой. «Оберечь лучшее достояние человечества», – добавит третий.

Радуюсь вашему изданию «Знамени Мира». Пусть оно напомним новобранцам культуры о том, что было сделано их друзьями. Многие из них уже завершили земной путь, но их зовы живы. Они зазвучат в новых селениях, они пробудят новых богатырей культуры. «От народа, народом, для народа», во славу нового, прекрасного строительства. «Пакс пер Культура!»

*Лист дневника № 626
1947 г.*

ДРУЗЬЯМ ЗНАМЕНИ МИРА

Дорогие друзья, порадуемся.

Вам привет от Гималаев. Образовался Комитет «Знамени Мира». В журналах появляются статьи и добрые отзывы на новую брошюру. Раздаются голоса о принятии Пакта правительством. Несмотря на повсеместное напряженное состояние, радостно отметить, что общественность заботливо отзывается на защиту сокровищ культуры.

Мы уже не раз говорили, что никакие указы не создают культуру и не защитят ее, если общественность будет безразлична и бездеятельна. Культура есть выражение всего народа. Защита и возвышение ее есть всенародная обязанность. Положение культуры на Земле за малыми исключениями весьма неудовлетворительно. Варварские разрушения, непоправимые уничтожения, унижение человека происходили на глазах у всех. Кто-то негодовал, а кто-то не уделял внимания происходящему вандализму. Многие вообще не отличали культуру от механической цивилизации.

В школах, в народных школах понятие Культуры не произносится, и кто-то предполагает, что это нечто от агрикультуры или спорта. Не говорится, что долгожданный Мир придет через Культуру. В семьях разговор о высокой культуре считается скучным. В людских собраниях упоминание о Культуре граничит с неприличием. По-прежнему толпа требует: «Хлеба и зрелищ!» Да и как забыть о хлебе, когда из всех углов угрожает голод. Но ведь давно сказано «Не о хлебе едином жив будет человек».

Мы уже говорили о неотложности привлечения к культурной работе молодежи и женских организаций. Некоторые простаки думают, что если министерства народного просвещения существуют, то народу нечего помышлять о культуре. За него кто-то все сделает. Но культура есть дело всенародное. Творится она всенародно. История всех веков и народов учит, как из толщи народной расцветала культура, плодами которой восхищается человечество. Но и одичание не дремлет. Скелет уничтожения всегда готов протянуть костлявые пальцы для удушения всего устремленного к светлому будущему.

Задолго до Красного Креста были больницы и врачи, но потребовался призывный объединяющий символ, и никто не будет отрицать, что Знамя Красного Креста сослужило всенародную пользу. Народу нужно Знамя, нужен ободряющий призыв, особенно теперь в век народоправства. Вот и Знамя Мира напоминает народу о нужнейшем – о Мире, о Культуре. Даже самое малое предприятие имеет свой знак. Опытные деятели весьма дорожат своим знаком и чтут его, как угловой камень предприятия.

Знамя не есть пустой звук, но есть зовущий благовест к совместному, бодрому сотрудничеству. О международности, о всенародности говорят. Ждут ее как панацею. Знамя Культуры пусть развевается над каждым культурным очагом. Оно повелительно скажет вандалам: «Не тронь – здесь всенародное достояние!» Только что на наших глазах погибли многие мировые сокровища. Гибнут они и в дни войны, и во время так называемого мира среди всяких столкновений.

Обо всем этом мы уже писали и зывали. Но время полно напряжения и народных движений. О Культуре опять нужно говорить. Из словарей всех языков нужно найти самые зовущие, самые убедительные слова. Сердце человеческое хочет мира. Сердце человека поймет зов о культуре, о светлом содружестве и сотрудничестве. Знамя Мира, Знамя Культуры, победно развейся над сокровищами всенародными. «Мир через Культуру».

Скоро полвека, как мы боремся против вандализма. Но чудище невежества растет на глазах. Народы и правительства должны неотложно принять меры к ограждению сокровищ общечеловеческих.

*Лист дневника № 652
1 июня 1947 года*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

БУДУЩЕЕ! ЗДРАВСТВУЙ

Владимир ЭНГЕЛЬГАРДТ, академик

Прекрасны слова Рериха, обращенные к молодежи, к созидателям и строителям будущего мира: «Вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ – возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию культурой духа; творить и создавать». Он говорил о «веселом труде» как основе будущего развития, о том, что «в основе переустройства мира будут труд, творчество».

Враг всякого застоя, шаблона, бездействия, Рерих свое отношение к задаче жизни определил поистине бессмертными словами: «Спросят: как перейти жизнь? Отвечайте: как по струне бездну – красиво, бережно и стремительно». В этих словах, как в мажорном аккорде, звучит исповедание жизни Рериха.

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ, космонавт

«Восходы и закаты солнца описать трудно – Рерих в натуре» – такая запись есть в моем дневнике, который я вел в полете на борту космического корабля «Союз-9» 1–19 июня 1970 года.

И, смотря на рериховские картины, я вновь вижу нашу голубую планету из космоса.

Николай Константинович Рерих всегда поражал меня и моих друзей-космонавтов удивительно своеобразным восприятием нашей родной Земли и передачей той горячей любви к ней, которая чувствуется в его картинах. Он поражает нас своей пылкой любовью к Человеку и Человечеству, к его духовному и культурному наследию; он поражает удивительным философским и мудрым содержанием его критериев: разума, любви, мира.

Великое бесценно и не имеет прошлого, оно есть сегодня, оно есть всегда, во все времена будущего. И его значимость со временем растет.

Будущее – это молодость. На понятие «молодость» Рерих имел свой взгляд: могут быть молодые старики и дряхлые юноши. Молодость тогда молодость, когда служит общему благу, общим делам. Когда труд для нее – каждодневная потребность. Труд не только любимый, но и желанный, потому что «любить труд любимый совсем не трудно».

Уже в самых ранних письмах Рериха, хранящихся в Отделе рукописей Третьяковской галереи, часто можно прочитать о его сердечном отношении к детям, к молодежи. Будучи по натуре и по призванию педагогом, художник вполне закономерно приходит к преподавательской деятельности.

Рерих всегда радовался, если видел на выставках своих произведений детей, молодежь. Он обращался к общественности: «Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет ребенка, уберегите его от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений». Он обращался к творческой молодежи: «Веселей любите труд... Дайте радость и кому-то Вам неведомому. Дать радость – это как увидеть восход солнца. Будьте проще и любите природу».

Ратуя еще в начале века за охрану памятников старины, Рерих призывал опять-таки молодежь: «Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна».

Свои картины Рерих адресовал не только современникам: мысленно он видел их в музеях и галереях будущего. И не ошибался – слава художника с годами лишь возрастает. Этой славой обусловлен и огромный интерес ко всем остальным граням творчества Рериха, в первую очередь к его литературному наследию. В Рерихе неразрывно соединились творец и мыслитель. Поэтому так умно и действенно его искусство. Поэтому так интересны и поучительны его высказывания и советы, говорит ли он о труде или книжном собирательстве, о реализме или звучании народов.

«Пусть познание чужих стран лишь приведет к Родине» – так сформулировал Рерих один из своих заветов. Как все другие, этот завет – не для красного словца, не «мудрая мысль», рожденная тишиной кабинета. Все, что утверждает Рерих, испытано им самим за годы, десятилетия, за всю его жизнь. Никогда не порывая с Родиной, работая на ее благо, он с чистым сердцем шел к ней, и только смерть помешала ему свидеться с Отчизной.

Гуманист, общественный деятель, писатель, педагог, художник, Николай Константинович Рерих – явление исключительное в культурной и общественной жизни XX столетия. Перешагнув за грань нашего века, его искусство останется близким многим будущим поколениям людей.

МОЛОДЕЖЬ

Много нападают на молодежь. «Она поглощена спортом». «Она отшатнулась от гуманитарных предметов и погрузилась в условные техникумы». «Она не бережет чистоту языка и наполняет его всякими нелепыми, выдуманскими выражениями». «Она уходит от семьи». «Она предпочитает танцы». «Она избегает лекций». «Она не хочет читать». Мало ли что говорят про молодежь. В каждом случае, наверное, были какие-то поводы высказать одно из приведенных тяжких обвинений. Даже в ежедневной прессе постоянно можно встречать факты, как бы подтверждающие сказанное. Допустим, что все это так и есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности? Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудной домашней обстановке? Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам? Кем указана дорога в техникумы? Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу? Где начинается рассадник осуждения? Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные? Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного? Потому, вместо осуждения молодежи, посмотрим, так ли она плоха, как часто досужие языки болтают?

Спросим себя: «Знаем ли мы молодежь, истинно трудящуюся?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?» – Конечно, знаем. «Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасным?» – Конечно, знаем. И так, мысленно перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи. Эти труды молодежи не будут относиться лишь к одной какой-то стране. Они будут раскинуты по всему миру.

С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам! Мы знаем, как им безмерно трудно, знаем, как им приходится преобороть и условия страны и домашнего быта, и тем не менее они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи. И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения.

Вспоминаем и другое, где содружества молодежи не редки. Тоже все трудящиеся,

добывающие хлеб упорной и тяжелой работой, а по вечерам, ободренные и приодетые, слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки, искусства. Они так привыкают жить общими стремлениями, что даже пробуют селиться вместе маленькими общинами.

Помнятся три комнаты. Живут в них восемь девушек. Все трудящиеся. Кто продавщица, кто секретарит, кто стенографит или работает на фабрике. Спрашиваем: «Давно ли живете вместе?» – «Три года». – «А много ли раз ссорились?» Смеются: «Не приходилось».

Разве это по нынешним временам не чудо, чтобы люди могли собраться из разных областей? Могли бы после трудной работы, утомленные, сходиться вместе и не только не ссориться, но и оживлять и обогащать друг друга высокими возможностями! А сколько вдохновенных и убежденных суждений можно слышать именно от молодежи. А кто же так сердечно встает за правду и возмущается несправедливостью, как не молодые сердца!

Как только осмотримся без предубеждений, так сейчас же найдутся во множестве прекрасные знаки и самоотвержения, и стремления к познанию, и любви к прекрасному. Тем, кто вообще осуждает молодежь, нужно оберечься от брюзжания. Наверное, они видят, что во многих областях современная жизнь мятется и безобразится непониманием. Но когда осудители начинают искать виновных, то очень часто они устремляются по случайно ближайшему пути. Они видят только последствия, но избегают помыслить о причине. И причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти пыльные наросты.

Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много прекраснейших и трогательных примеров среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага. Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным. А поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие разглагольствования отвлеченные не дадут жатвы. Только действия в делах, пример жизни могут быть убедительными.

Если молодежь сама познает радость труда и вдохновительного общения, то ведь уже умудренные жизнью должны прежде всего ободрять именно эту радость. Невозможно осудительствовать там, где столько прекрасных примеров находимо. Если по условиям времени все трудно, то нужно думать лишь о том, чем преобразить эти трудности в радость. Молодые сердца знают это. Потому всячески поможем молодым сердцам встречаться на путях блага и вдохновения.

Гесерхан. 1941 г.

Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом. Разными народами хранилась легенда о том, что даже ради одного праведника был сохранен целый город. Эта легенда, так многообразно и

прекрасно заповеданная, указывает, что во всем важно качество, а не количество. Потому каждый добрый пример покрывает собою множества отрицательных показаний.

Ценно, что печать века творится многими народами, и потому тем легче собрать добрые злаки. В разных наречиях, в различных обычаях эти иероглифы добра особенно вдохновительны.

19 февраля 1935 г.

ЖЕЛАННЫЙ ТРУД

Часто обсуждается, насколько желанность труда повышает продуктивность и качественность. Все согласны на том, что это условие труда намного улучшает все следствия работы. Но бывает лишь разногласие в процентности отношения. Некоторые думают, что следствия улучшаются на двадцать и тридцать процентов, а другие допускают улучшения до семидесяти процентов.

Допускающие такой большой процент качественности и продуктивности желанного труда не ошибаются. Даже нельзя и сравнить произведение, сделанное под насилием, с тем прекрасным результатом, который достигается при сердечном вдохновении. То же самое сказывается решительно во всех деланиях. Будет ли это творчество искусства или будет ли это так называемая каждодневность, основа желанности будет всюду светлым знаменем победы.

Нередко каждому приходилось встречаться с особым типом людей, во всем как бы играющих на понижение. Подобно биржевым спекулянтам на понижение, такие люди во всем решительно найдут и будут упорствовать на чем-то понижающем. Обычно они сами себе причиняют огромный и непоправимый вред и тем не менее все же будут решительно на все кисло улыбаться и находить лишь дефекты. Исправлять эти дефекты они не заботятся, ибо в них самих не будет радости создания, и желанность всякого труда будет им незнакома.

Также каждый встречался и с типами поденщиков, стремящихся к безответственности. И это свойство является вследствие того же отсутствия желанности труда. Говорю о труде желанном и не смешиваю его в данном случае с трудом любимым. Любить труд любимый совсем не трудно. Не в том дело. Каждому в жизни приходится встречаться со всевозможными обязательствами, в выполнении которых он должен приложить труд. Иногда этот труд будет протекать в совершенно неожиданной области. Придется спешно познавать, придется проявить доброжелательную находчивость. Достигнуть этого можно лишь, если в сердце не потухла желанность труда как такового.

Помню давнишний рассказ о том, что некто начал выговаривать себе количество праздников. Собеседник пошел ему навстречу и начал предлагать ему новые и новые праздничные сроки. Наконец, сам любитель праздников начал смущаться длиннотой списка, а когда подсчитал, то оказалось их в году 366. Тогда весь этот вопрос упал сам собою. Праздник и должен быть. Праздник и есть в желанности труда. Если каждый труд осознается, как благо для человечества, значит, он и будет тем самым желанным праздником духа.

Марафон качества, марафон устремленности, спешности, производительности – все это прекрасные марафоны. В них-то и испытывается качество духа. Конечно, в каждом существе есть зерно духа, но состояние и качество их различны. Так же точно, как нельзя оставаться недвижимым в космическом движении, так же точно и состояние духа должно безостановочно изменяться. Пожелаем лишь и всем, и себе прежде всего, чтобы чаша духа не расплескалась, чтобы тяжкие капли хаоса не испепелили ценную накопленную влагу чаши.

Вот говорят о засухах. Но где эти засухи? Разве только на земной поверхности? Говорят о пятнах на солнце. Только ли на солнце эти пятна? Запятнать все можно. Лучшим очищением этих пятен все-таки останется желанность труда. Эта желанность не выразится в физических мерах. Огненно она осветит все потемки и даст ту светлую улыбку, с которой нужно встретить грядущее.

17 июня 1935 г.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Во время моей выставки в Музее-Канзас-Сити местная жительница Холмс возымела увлекательную мысль, чтобы одна из моих картин – «Властитель Ночи» – была бы поднесена музею от имени молодежи. Для этого она обратилась в местные школы, где ее предложение было встречено с большим восторгом. Дети любят, когда их привлекают к серьезному делу больших. Как мне писали, при этом произошли многие трогательные выступления. Были даже какие-то детские шествия и газетные обращения, и это общее дело прошло под знаком полного успеха.

Мне лично такое участие молодежи было необыкновенно радостно. Никто не заставлял и не застрашивал молодые головы какую-то необходимостью условною. Наоборот, была брошена лишь живая идея, и молодежь разных возрастов в полном единении отозвалась. Конечно, немало существует всяких общественных начинаний. Но как бы много их ни было, все-таки хочется, чтобы общественность проявлялась в еще более обширном размере. Прежде всего широкие круги молодежи должны быть привлекаемы к серьезным общественным построениям. В конце концов, для кого же все строится, собирается, запечатлевается? Прежде всего для той же молодежи, для будущих поколений. Если всегда и во всем именно молодое поколение будет привлекаться к действительному сотрудничеству, то легче всего образуется живая связь с будущим.

Тибетский стан. (Огни в пустыне). 1947 г.

Очень много всегда говорилось о различии и даже о коренном непонимании разновременных поколений. Но дряхлость восприятий обозначается вовсе не поколениями, но совсем другими обстоятельствами, которые не трудно превозмочь. Каждый знал молодых стариков и очень дряхлых юношей. Дело не в возрасте, а в состоянии мышления. Но чем больше от юных лет человек будет привлекаться к общим делам, чем больше научат его думать об общем благе, тем продолжительнее сохранится молодость всех восприятий.

Государственные стороны современности открывают широкий доступ для всего населения ко всем деятельным виявлениям. Но следует, чтобы люди не только чувствовали себя допущенными, но и ощущали бы себя содеятелями. Именно сознание содеятельности во всем ее труде и ответственности приносит здоровое мышление. В этом образе мышления люди научатся и радоваться прекрасному. Создавайте содеятелей!

*Лист дневники № 23
1937 г.*

ВПЕРЕД

Не будет ли каждое воспоминание зовом назад? Не остановит ли оно поток продвижения? Не будет ли оно запрудой для течения новой мысли? Если воспоминание

может остановить и преградить продвижение, то лучше и не ввергаться в эти бывшие области. Только то хорошо, что может исправить заблуждения и вдохновить к новым исканиям. Среди груд воспоминаний прекрасны лишь те, которые научили быть молодым, сильным, неутомимым. Сделанное ранее нельзя любить, ибо оно было несовершенно. Если же кому-то подумается оно совершенным, то пусть покажет он врачу засорившийся глаз свой. Нет беды в том, что прежде сделанное окажется несовершенным. Если оно представилось бы окончательным завершением, то прервался бы путь прекрасных исканий. Не убоимся того прошлого, которое насыщено примерами для будущего. В каждой неудаче уже заложен урок усовершенствования. Не сожалеть надо о прокисшем молоке, но и его полезно использовать. Синтез заповедан во всем. В нем преподано значение сотрудничества и содружества. Специализация полезна, если она служит синтезу. Не может возгордиться один член тела человеческого. Даже самый из них деятельный может существовать при наличии других. Синтез – сложение сил – ведет вперед. В таком приказе звучит беспредельность. В ней не может быть поражения. В ней не будет нелепых делений.

Не будет рас, классов. Наконец, в ней не будет поколений. Поколения обозначаются там, где ветхость или юность. Но мысль безвременна. Мысль о благе, о знании, о красоте не может быть ветхой. Всякая ветхость даст смрад и гниение и может быть легко распознана. И злоба, и ненависть, и человекоубийство не принадлежат к передовым достижениям. «Вперед, вперед!» – в этом стремительном приказе далеко позади остается все смрадное и ненавистное. Если же найдется и нечто старинное, оно будет обновлено пониманием нетленно прекрасного. О красоте мыслит тот, кто непреклонно вперед устремляется. Он хочет и лететь, и творить, и приобщиться к общему благу. В самости нет простора, нет полета к обновлению.

«Per aspera ad astra!» («Через тернии к звездам!»).

*Лист дневника № 59
1938 г.*

РЕАЛИЗМ

Сюрреализм и большинство всяких «измов» не имеют путей в будущее. Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму. Под этим названием предполагалось отображение действительности.

Вот и теперь русский народ убрал всякие «измы», чтобы заменить их реализмом. В этом решении опять сказывается русская смекалка. Вместо блуждания в тущах непонятностей народ хочет познать и отобразить действительность. Сердце народное отлично знает, что от реализма открыты все пути. Самое реальное творчество может быть прекрасно по колориту, может иметь внушительную форму и не убоится увлекательного содержания.

Целые десятилетия люди мечтали и спорили о каком-то чистом искусстве. Отреклись от содержания, сюжетность сделалась жупелом, а в то же время засматривались на те старинные произведения, в которых мастера не избегали темы.

Мало того, что в старом итальянском и нидерландском искусствах картина имела содержание, но даже французские художники, всюду признанные, очень заботились о темах своих картин. Стоит прочесть письма Энгра, Делакруа и даже Гогена, чтобы убедиться, насколько свободно мыслили эти прекрасные художники.

Иначе и не могло быть: бесконечные говорения о чистом искусстве и ограждение его от всяких привхождений сделали то, что искусство перестало быть свободным. Последователь всяких «измов», произнося свои заклинания, заключал себя в заколдованный круг всяких запрещений. А в то же время Рафаэль и Леонардо, получившие от заказчиков точные описания содержания им порученных картин, оставались свободными. В своем широком размахе они умели вместить любые условия, не понижая достоинства своего творения.

Вот к этой-то истинной свободе замысла и выполнения и должны стремиться те, которые возлюбили реализм как прочную отправную точку. Путь реализма не обманет, и широкое воображение русского народа поможет сделать отображение действительности истинными цветами возрождения.

Сюрреализм в творческой скупости хотел представить боттичеллевскую Венеру с

рыбьей головой, а Аполлона – вообще безликим, в соломенной шляпе. Художники широких замыслов, как Гойя или Эль Греко, изумились бы такому скудоумию. Значит, «измы» зашли в туник. Пусть же красота и богатство действительности в своем реальном отображении будут основами крепкими.

Рыбья Венера вызвала не менее своеобразное осуждение. Знатоки сказали, что рыбья голова неуместна, но если бы художник снабдил Венеру рыбьим хвостом, то это было бы вполне приемлемо. Автор рыбьей Венеры – женщины с рыбьим хвостом – был тоже осужден. Впрочем, что говорить о разных осуждениях! Прекрасные картины Пюви де Шаванна и Уистлера были отвергаемы академическими авторитетами, а в Стокгольмском музее можно видеть отличную картину Рембрандта, не принятую в свое время городской ратушей. Всяко бывало. Но пути простейшие, пути вдохновенные приведут к Красоте.

*Лист дневника № 139
1939 г.*

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Реализм есть отображение действительности. Казалось бы, чего проще. Между тем, какая же это будет действительность? Реализму противопоставляется натурализм. В этом заключается как бы желание подчеркнуть особые качества реализма. Должно быть, авторы этих формул хотят подчеркнуть, что натурализм есть слепое подражание природе, тогда как реализм выражает сущность действительности. Говорят, что портрет реален тогда, когда он изображает не случайный какой-нибудь аспект лица, но именно когда он отображает сущность, характерную и убедительную. В последнем слове и заключается различие между глубоким осмысленным реализмом и случайно поверхностным натурализмом. В реализме непременно будет участвовать истинное творчество, тогда как натуралист будет рабом случайного миража. Из реализма будет рождаться здоровое развитие искусства, тогда как натурализм приведет в тупик. О качествах настоящего творческого реализма следует глубоко подумать, чтобы молодежь не оставалась в каком-либо заблуждении.

Монголия.

Натурализм пренебрегает композицией, тогда как реализм не исключает такого творческого начала. Композиция должна быть воспитываема в художнике. С самых первых своих шагов в искусстве молодой художник должен развивать в себе эту способность. Наряду с мастерскими, в которых преследуются этюдные задачи, должны происходить беседы о композиции. Они не должны оставаться в пределах словообмена, но должны закрепляться сочинением эскизов. Молодежь должна запастись такими эскизами. Существует заблуждение, что раньше человек должен законченно научиться рисовать и живописать, а уже потом думать о композиции. Забывается, что нет предела мастерству рисования и живописания, и никто не может дерзнуть утверждать, что он этому уже вполне научился. А кроме того, может случиться любопытнейший внутренний процесс, который

захлопнет навсегда вход в композицию. Можно наблюдать, что многие, которые сызмальства не потянулись к эскизам, утратили эту способность. Все должно быть воспитываемо и образовываемо. Нельзя думать, что какие-то совершенства упадут с неба в готовом виде. Также и понимание истинного убедительного реализма не приходит сразу, а будет синтезом множайших прозорливых вдохновений.

*Лист дневника № 154
24 ноября 1939 г.*

МОЛОДОМУ ДРУГУ

Мой молодой друг, Вы спрашиваете о методах работы. Не терзайте себя методами, лишь бы Вам вообще хотелось работать. Работайте каждый день. Непременно каждый день что-то должно быть сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет удачен для творчества. Другой – для технических выполнений. Третий – для эскиза. Четвертый – для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное, чтобы родник его не иссякал.

Если же начатое не понравится, – отставьте. Не уничтожайте. Под настроением можно порешить и нечто пригодное. Пусть постоит у стены. Придет час, и этот осужденный изгнанник может понадобиться. Многооко восприятие. Вчера взглянулось одним оком, сегодня глаз увидел нечто неожиданное, а завтра покажется что-то совсем новое. Не судите сразу. Пусть в ходу будет несколько разных вещей. Одну отбросили, другую вытащили. Да и когда можем мы сказать, что вещь кончена? В конце концов, она никогда не кончена. Лишь обстоятельства заставят расстаться с ней.

Главное, чтобы в саду художества росли многие виды растений. Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и неожиданно. И не знаете, какой луч света, или звук, или порыв ветра зажжет его. Всему – милости просим! Вода – на мельницу! Лишь бы колесо крутилось и жернова работали.

Колесо жизни. Или как индусы скажут: «Сантана» – «Поток жизни». И столько кругом чудесного, что не перестанете радоваться. И не постареете. И творчество будет постоянным отдыхом. Хорош удел художника! Так называемые муки творчества – самые сладкие муки. И не забивайте себя в безысходный угол.

Веселей любите труд. В самом несовершенстве работы заключен источник следующего творения. Кто знает, где самодовление и где импровизация? Одно рождается из другого. Вы же, как пчела, собирайте мед отовсюду. Будьте всегда самим собою. Поймите, что в творчестве Вашем и отдых, и обновление, и радость.

Дайте радость и кому-то, Вам неведомому. Дать радость – это как увидеть восход солнца. Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что «нужда заставила». Поете, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок над полями весною! Звенит в высоте! Рулите выше!

*Лист дневника №178
8 апреля 1940 г*

«ТРИДЕСЯТОЕ ЦАРСТВО»

«На границе тридесятого царства стоит великан – дикий человек. Ни конному, ни пешему не пройти, не проехать», – говорится в народной сказке. Еще во времена академии, в мастерской Куинджи вздумалось мне написать такую картину. У каждого из нас было свое окно, все обвешанное сладкими итальянскими этюдами прошлого века. Каждый в такой закутке разрабатывал свои задания. Чем разнообразнее они были, тем больше радовался Куинджи. Мой «дикий человек» на ярко-лимонном небе очень разил среди прочей обстановки. Не думал я, что такой выход из общепринятых рамок влезится. Но, видимо, вышло наоборот. Куинджи привел в мою закутку Айвазовского. «Кто это у вас тут сказки рассказывает? – дружелюбно воскликнул маринист и долго разглядывал моего великана. – Сказка, настоящая сказка. Правда и сказка – все вместе».

С тех пор мы много где видели сказочную правду. В Срединной Азии, в Тибете, в

Гималаях встречались врата в тридесятые царства. Высились нерукотворные великаны, и грозные, и ласковые, и гордые, и зовущие. Складывал сказки хожалый, много выдавший путник. С караваном когда-то он пересекал Гоби и Цайдамы и дивился самому белоснежному Ергору. Сказание пришло из яви. Караванщики предупреждали: «Дальше не ходи!» Разве не о тридесятом, заповедном царстве они предупреждали? В сказках и имена-то азиатские, и шатры степные, и палаты заморские. Все это видел сказитель. От правды будней увлекал к правде нерукотворных просторов.

Монголия II. 1937 г.

Неправда, что сказка – удел богатеев пресыщенных. Множества трудящихся бедняков черпали силы и надежду в сказке-правде. Кто узнал сказку, тот умел постоять и за правду. Сама будничная работа преображалась. Некоторые суровые вожди надевали личину, уверяя, что сказка жизни и вообще все искусство им несносно, а сами в тиши плакали, побежденные красотой. Красота не опиум, но крылья преуспевания.

Ведь в каждом человеке живет мечта о тридесятом царстве, о стране прекрасной. И разве не будет правдою сказать о просторах, в которых каждый побывать может. Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом и звуком о существующем.

Есть ли такой земной житель, который не знал бы о сказке, о мечте прекрасной? Умножаются силы, если ведомо, что мечта эта где-то претворилась. И битва с великаном легка. И меч-кладенец куется. И звучит песнь преодоления и победы.

На днях почитаемый Гуру Синг, уходя, вдруг задержался и подал свой посох. Добрый посох из ладного бамбука. Все поняли, что в этом даре – лучшее пожелание.

Чем бы ни затуманилось тридесятое царство, но оно живет в полной яви, в правде.

Тридесятое царство!

Сказано: «Если ты устал, начни еще. Если ты изнемог, начни еще и еще». Правда, правда! Не малая, но великая правда! Но откуда же взять силы? Да все из того же царства тридесятого.

*Лист дневника № 203
5 октября 1940 г.*

ЛЮБИТЕ КНИГУ

Среди искусств, украшающих и тем улучшающих жизнь нашу, одним из самых

древних и выразительных является искусство книги. Что заставляло с самых древних времен начертаний придавать клинописи, иероглифам, магическим китайским знакам и всем многоцветным манускриптам такой изысканный, заботливый вид? Это бережное, любовное отношение, конечно, возникало из сознания важного запечатления. Лучшее знание, лучшие силы полагались на творение этих замечательных памятников, которые справедливо занимают место наряду с высшими творческими произведениями. По сущности и по внешности манускриптов, книг мы можем судить и о самой эпохе, создавшей их. Не только потому, что люди имели больше времени на рукописание, но одухотворение поучительных памятников давало неповторяемое высокое качество этим запечатлениям человеческих стремлений и достижений.

Но не только рукописность давала высокое качество книге. Пришло книгопечатание, и разве можем мы сказать, что и этот массовый способ не дал множество памятников высокого искусства, послужившего к развитию народов?

Не только в утонченных изданиях XVII и XVIII веков, но и во многих современных нам были охранены высокие традиции утонченного вкуса. И качество бумаги и изысканная внушительность шрифтов, привлекательное расположение предложений, ценность заставок, наконец, фундаментальный крепкий доспех украшенного переплета делали книгу настоящим сокровищем дома. Таким же прочным достоянием, как и твердь, был переплет книги, не гнувшийся ни от каких житейских бурь.

Говорят, что современное производство бумаги не сохранит ее более века. Это прискорбно, и, конечно, ученые вместо изобретения «человечности» войны посредством газов должны бы лучше заняться изобретением действительно прочной бумаги для охраны лучших человеческих начертаний. Но если даже такая бумага опять будет найдена, мы опять должны будем вернуться к утонченности создания самой книги. Поистине самые лучшие заветы могут быть отпечатаны даже в отталкивающем виде. Глаз и сердце человеческое ищут красоту. Будет ли эта красота в черте, в расположении пятен, текста, в зовущих заставках и в утверждающих концовках – весь этот сложный, требующий вдумчивости комплекс книги является истинным творчеством.

Только невежды могут думать, что напечатать книгу легко... Хорошую книгу, конечно, создать нелегко. Имя редактора и издателя хорошей книги является действительно почитаемым именем. Это он, вдумчивый работник, дает нам возможности не только ознакомиться, но и сохранить как истинную драгоценность искры духа человеческого.

Книга остается как бы живым организмом. Ее внешность скажет вам всю сущность редактора и прочих участников. Вот перед нами суровая книга неизменных заветов. Вот книга-неряха. Вот поверхностный резонер. Вот щеголь, знающий только поверхность. Вот витиеватый пустослов. Вот углубленный познаватель. Зная эти тончайшие рефлексy книжного дела, как особенно чутко и внимательно мы должны отнестись ко всему окружающему книгу – это зеркало души человеческой.

Но все создается лишь истинной кооперацией. Мы будем глубоко почитать издателя – художника своего дела. Но и он может ждать от нас, чтобы мы любили книгу. Иногда, под руководством современных декораторов, не находится места для книжных шкафов. В некоторых очень зажиточных домах нам приходилось видеть вделанные в стену полки с фальшивыми книгами. Можете себе представить все потрясающее лицемерие владельца этих пустых переплетов. Не являются ли они красноречивым символом пустоты сердца и духа? А сколько неразрезанных книг загадочно лежат на столиках будуаров! И хозяйка их с восторгом говорит о знаменитом имени, напечатанном на обложке. Как часто среди оставленных наследий прежде всего уничтожаются именно книги, выбрасываемые как домашний сор, на вес, на толкучку. Каждому приходилось видеть груды прекрасных книг, сваленных, как тягостный хлам. Причем невежды, выбросившие их, часто даже не давали труда открыть и посмотреть, что именно они изгоняют.

Что же должен чувствовать издатель, художник, зная и видя эту трагическую судьбу истинных домашних сокровищ. Но и здесь не будем пессимистами. Правда, знаки безобразия существуют как со стороны читателей, так и со стороны издателей. Но ведь существуют же и поныне издания прекрасные, даже недорогие, но чудесные своею простотою, своею продуманною внушительностью. Существуют и нарождаются и прирожденные библиофилы, которые самоотверженно собирают лучшие запечатленные знаки человеческих восхождений.

Может быть, именно сейчас нужно особенно подчеркивать необходимость сотрудничества между читателем и издателем... Даже среди стесненного нашего обихода нужно найти место, достойное истинным сокровищам каждого дома. Нужно найти и лучшую улыбку тем, кто собирает лучшие книги, утончая качеством их сознание свое. Неотложно нужно ободрить истинное сотрудничество вокруг книги и опять внести ее в красный-прекрасный угол жилища нашего. Как же сделать это? Как же достучаться до сердец остеклившихся или замасленных? Но если мы мыслим о Культуре, это уже значит, мы мыслим и о Красоте, и о книге, как о создании прекрасном.

В далеких тибетских домах, в углу священном, хранятся разные доски для печатания книг. Хозяин дома, показав нам драгоценности свои, непременно поведет вас и к этому почитаемому углу и со справедливой гордостью будет показывать вам и эти откровения духа. Он согласится с досок этих и сделать оттиски для вас, если видит, что вы сорадуетесь его благородному собирательству. Я уже как-то писал Вам, что на Востоке самым благородным подарком считается книга. Не ободряет ли это? Если мы скажем друзьям нашим: «Любите книгу», «Любите книгу всем сердцем вашим и почитайте сокровищем вашим», то в этом древнем завете мы выразим и то, что настоятельно нужно в наши дни, когда ум человеческий обращается так ревностно к поискам о культуре.

Любите книгу!..

... Книга, как в древности говорили, – река мудрости, наполняющая мир! Книга, выхода которой еще недавно с трепетом ожидали и берегли наилучшее ее издание. Все это священное рвение библиофилов, оно не есть фанатизм и суеверие, нет, в нем выражается одно из самых ценнейших стремлений человечества, объединяющее Красоту и Знание. О достоинстве книги именно сейчас пробил час подумать. Не излишне, не по догме, но по неотложной надобности твердим сейчас:

Любите книгу!..

1931 г

СОКРОВИЩЕ ДОМА

Каждый библиотекарь является другом и художника, и ученого. Библиотекарь – первый вестник Красоты и Знания. Ведь это он открывает врата и из мертвых полок добывает сокровенное слово для просвещения ищущего духа. Никакие каталоги, никакие описания не заменят библиотекаря. Любящее слово и опытная рука производят истинное чудо просвещения...

Страж пустыни. 1941 г.

Мы говорим это в то время, когда миллионы книг печатаются и ежегодно фонтаны печатных страниц замерзают подобно снежным горам. В этом лабиринте бумажных

ледников снежная слепота может поразить неопытного путника. Но зорек библиотекарь, как истинный хранитель Знания. Он знает, как провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана.

Библиотека существует не только, чтобы распространять знание. Каждая библиотека сущностью своею поощряет приносить знание и в дом. Возможно ли представить себе просвещенный дом и очаг без книг? Если вы возьмете даже очень древние изображения внутренности дома, вы найдете в них и произведения искусства и книги. Вы заметите, что эти старинные книги защищены прекрасными переплетами и представляли из себя истинное сокровище. Это было не потому, что библиотеки тогда не существовали. Книгохранилища существовали во все века со времени рукописного знака. Но дух человеческий всегда чувствовал, что знание может быть приобретено не только в общественных местах, но закрепление знания происходит именно в тишине дома. Часто мы носим с собою наиболее священное изображение и книги. Они являются нашими бессменными друзьями и водителями. Мы отлично знаем, что истинная книга не может быть прочтена лишь однажды. Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно. И мы не знаем ни дня, ни часа, когда бы мы не нуждались в завете знания. И мы проверяем рост сознания нашего на этих верных друзьях. Итак, книгохранилище – это первые врата просвещения. Но истинное восхождение знания совершается в часы молчания, в одиночестве, когда мы можем сосредоточить всю нашу познавательную сущность на истинном значении писаний. ... Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: «Книги суть реки, напоющие благодатью всю вселенную». И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдется и книга. Вы можете отнять у него остальное имущество, но за книгу он будет сражаться, ибо он считает ее истинным сокровищем. Итак, приветствую вас как хранителей истинных сокровищ. Будем собирать и беречь их как благороднейший знак нашего дома.

1930 г.

ПОРАДУЕМСЯ

«Здравствуй, племя молодое, незнакомое...»¹ – сказал великий поэт русский. Да разве уж такое незнакомое? Если вспомним о лучших устремлениях, о доверчивости, о желании что-то сделать полезное, то и незнакомство отпадет. А все молодое – доходчиво и любит движение. С молодых лет судьба поставила нас близко к учащейся молодежи. В этом – великое благо. Два десятка лет перед нами ежегодно проходили самые разнообразные учащиеся. Среди них были самые неожиданные и, казалось бы, трудные характеры, но все же нельзя их назвать племенем незнакомым. Лучшее жизненное испытание оказывается в общении с молодыми. Если хотите остаться молодым, то не прерывайте этих светлых общений. Молодежь хочет знать. Молодежь хочет победить житейские трудности.

Молодежь имеет запас мужества, который потом часто растрачивается и сменяется слабостью и сомнением. Считается, что смена поколения происходит через двадцать лет. Но, кроме того, каждый год кто-то подходит обновляющий, мятущийся, ищущий. Хорошо, что пришлось иметь дело именно с трудящейся молодежью. Ее было в нашем окружении больше, нежели обеспеченной и богатой. Показательно было наблюдать, как и в самых трудных бытовых условиях молодые дарования стойко развивались. Такие наблюдения тем дороже, что в них заключается не сентиментальное предположение, но сама светлая действительность. Трудовая молодежь отдавала свои дарования не только станковой живописи, но и решительно всем проявлениям народного искусства. Мы всегда указывали, что нелепое название – художественная промышленность – должно быть отставлено и заменено широким понятием искусства. Сколько раз приходилось указывать, что пуговица, сработанная Бенвенуто Челлини, будет гораздо выше, нежели множество холстов в широчайших золотых рамах.

В распространении правильного понимания искусства помогала нам фабричная молодежь. Она приходила к нам уже от труда в желании внести в ту же фабрику высокие художественные понимания. Прошедших школу фабрика повышала в должностях, и их

¹ «... Здравствуй, племя молодое...» – У Пушкина: «Здравствуй, племя младое...»

утонченный вкус позволял им совершенно иначе отнестись к понятию труда. Только таким широким народным посевом можно создавать племя молодое, новое и знакомое по общим устремлениям к высокому качеству труда. Народам опять придется вернуться к основе высокого просвещения и творчества. После войн, после обороны и защиты главное внимание сосредоточится на строительстве во всех областях жизни. Племя молодое, племя народных художников, будет оплотом многих достижений. Здравствуй, племя молодое, нам знакомое!..

Вспомним, какую голгофу должны были пройти Мусоргский, Римский-Корсаков и вся славная «кучка» прежде, чем опять-таки же иностранными устами они были высоко признаны. Мы все помним, как еще на нашем веку люди глумились над собирателями русских ценностей, над Стасовым, Погосскою, кн. Тенишевой и всеми, кто уже тогда понимал, что со временем народ русский справедливо оценит свое природное достояние. Помню, как некий злой человек писал с насмешкою «о стульчаках по мотивам Чуди и Мери». Ведь тогда не только исконно русские мотивы, но даже и весь так теперь ценимый звериный стиль, которым сейчас восхищаются в находках скифских и луристанских, еще в недавнее время вызывал у некоторых снобов лишь пожимание плеч. Теперь, конечно, многое изменилось. Версальские рапсоды уже не будут похулять все русское. Русский народ оценил своих гениев и принялся приводить в должный вид останки старины. Для меня лично все эти утверждения являются истинным праздником. Ведь это предчувствовалось и запечатлелось во многих писаниях, которым уже и тридцать, и сорок, и более лет. Верилось, что достойная оценка русских сокровищ произойдет. Не допускалось, чтобы народ русский, такой даровитый, смысленный и мудрый, не вдохновился бы своим природным сокровищем. Не верилось, чтобы деятели, потрудившиеся во славу русскую во всех областях жизни, не нашли бы достойного признания. И вот ценности утверждены, славные деятели признаны, и слава русская звучит по всем краям мира. В трудах и лишениях выковалась эта непреложная слава. Народ русский захотел знать, и в учебе, в прилежном познании он прежде всего оценил и утвердил свое прекрасное неотъемлемое достояние. Радует сердце о славе Родины.

Многообразно народное творчество. Русский народ дал и мудрейшие пословицы, и былины, и плач, и радость. Эпохи запечатляются не убогою роскошью, но строительством. Историк, археолог, вскрывая давнишние города, отличают прежде всего монументальные здания, водоснабжение, каналы, пути сообщения и все те общественные проявления, которые обозначили сущность этого строительства. По взрывам души народной, по стихийным взлетам последующее поколение исчисляет мощь потенциала. Обветшавшие умы пытаются представить даже лучшие человеческие достижения лишь миражем, подделкою, а то и просто выдумкою. Смелые летчики завоевали новые пространства. И таких радостей общечеловеческих очень много. Порадуемся. Великая всесоюзная семья народов увенчивает представителей культуры и окружает их труд и память о них... В разрушенных войною городах прежде всего создаются Дома культуры, научные учреждения, школы, музеи, театры, больницы. Не успеет народ оправиться от варварского нашествия, как уже устремляется к культурному строительству. Радостно приветствовать проявления широкой строительной мысли. Моя «Слава»¹ была славою всенародных созидателей. Порадуемся.

1947 г.

¹ «Слава» – книга Н. К. Рериха, подготовленная им для печати, но не изданная. Была составлена из «листов дневника».

Рерих Николай Константинович

ЗАЖИГАЙТЕ СЕРДЦА

Составитель **И. Богданова**

Зав. редакцией **В. Ивашнев**

Редактор **З. Костюшина**

Художник **П. Барбаринский**

Художественный редактор **М. Решетько**

Технический редактор **Н. Тихонова**

Корректоры **Н. Самойлова, Е. Дмитриева, В. Назарова**

Сдано в набор 27 03 89. Подписано в печать 02.11.89.

Формат 70х90/16. Бумага мелованная. Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Усл. псч. л. 14. 04. Усл. кр -отт. 56. 20.

Учетно-изд. л. 14. 2. Тираж 50 000 экз. Цена 2 р. 40 к. Заказ 1143.

Текстовые диапозитивы изготовлены в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда»

Диапозитивы иллюстрации и печать в типографии ордена
Трудового Красного Знамени издательско-полиграфической
объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»
Адрес ИПО: 103030. Москва. К-30. Сущевская. 21.